

ПИОНЕР 10

ОКТАБРЬ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

76

Леонид Ильич БРЕЖНЕВ в «Артеке».

Летом состоялся в «Артеке» детский праздник, посвященный Международному году ребенка. Гостем этого праздника был Леонид Ильич Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Ребята показали почетному гостю свой прекрасный лагерь, с увлечением рассказывали о днях, проведенных в «Артеке», о дружбе с ребятами из других стран, о своей учебе и интересах.

На стадионе, где собрались участники праздника, Леонид Ильич Брежнев обратился к юному поколению.

Дорогие ребята! Юные друзья!

Я горячо и сердечно приветствую вас, всех детей мира — надежду и будущее планеты!

Мне приятно встретиться с вами, видеть ваши радостные лица, слышать ваши звонкие голоса. Вы говорите на разных языках, но понимаете друг друга, потому что нашли общий язык — язык дружбы.

Прекрасен девиз вашего праздника — «За счастливое детство в мирном мире!». Он очень подходит к этому году — Международному году ребенка.

Мир — это счастье детей, счастье всех людей. Без мира нет детства. Нет будущего. А ведь у миллионов и миллионов людей детство было украдено войнами. Очень важно, чтобы это никем не забывалось.

Каждое поколение вносит свой вклад в историю, и вам тоже предстоит писать свои страницы в биографию человечества. Настанет время, из рук старших вы примете эстафету социального и научного прогресса, возьмете на себя заботу о своей стране, о мире.

Взрослые мечтают, чтобы каждый из вас был счастлив, вырос настоящим человеком. Что это значит — стать настоящим человеком?

Это значит — верно служить идеалам свободы и справедливости. Любить свою Родину, свой народ, уважать всех, кто трудится, и хорошо трудится на благо общества. Быть нетерпимым к жестокости, злу, эксплуатации, ко всяким формам унижения человека.

Это значит — быть активным во всех проявлениях многообразной и сложной жизни, творчески и с внутренней убежденностью подходить к

делу, как можно больше приносить пользы людям.

Это значит — быть честным, справедливым, верным в дружбе. Уважать человека, видеть в нем равного себе, на каком бы языке он ни говорил, какого бы цвета кожи ни был.

Это значит — уметь не только радоваться чудесам окружающего мира, но и видеть, как много предстоит сделать для того, чтобы жизнь стала лучше, мир — прочнее, люди — счастливее. Мужественно преодолевать трудности, от которых не избавлено ни одно поколение.

Все эти качества вы должны воспитывать в себе уже сейчас. Все начинается с детства! И начало всему — учеба, овладение знаниями, культурой.

Вот почему мы, люди старшего поколения, ваши друзья, говорим: учитесь, чтобы знать, учитесь, чтобы уметь, учитесь, чтобы творить и бороться за то, что близко вашему сердцу и вашей душе. Растите здоровыми, крепкими. Закаляйте себя в спорте, в походах, в труде. Будьте умными, смелыми, отзывчивыми. Становитесь в ряды борцов за народное дело, за мир на земле! Будьте настоящими людьми!

Радости вам, дорогие ребята, счастья, мира и доброго солнца!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ОКТАБРЬ 10

Москва 1979 г.

Издательство «Правда»

Какая вершина на земном шаре самая притягательная? Не торопитесь с ответом, друзья. Не ищите на карте отметки горных пиков. Подождите ворошить справочники. Я расскажу вам о том, как мои товарищи — семеро смелых и сильных мужчин — впервые в истории на лыжах достигли Северного полюса.

— Но при чем здесь вершина? — спросите вы.

Взгляните на глобус. Белая шапка Северного Ледовитого океана, где сходятся нити меридианов, где во все стороны юг, — это как бы вершина планеты. И в центре этой вершины — Северный полюс. Удивительная, манящая точка земного шара...

С давних времен полюс притягивал к себе отважных и дерзких путешественников. С невероятными лишениями и жертвами уходили они к полюсу со стороны Гренландии, Аляски, Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа... Раздавленные льдами шли ко дну шхуны, снежные смерчи вдребезги разбивали воздушные шары и дири-

ряжек. Весь экспедиционный груз — в рюкзаках. Вся надежда — на собственные силы и твердость духа.

Пешком к Северному полюсу! Фантастика, верно? Еще вчера это могло бы показаться безумной затеей. А сегодня семь лыжников, вооруженные знаниями об Арктике, многолетним опытом полярных путешествий, закаленные тренировками, оснащенные самым современным снаряжением, радиостанциями, смело вступили в единоборство с полярными льдами. Вот эти семеро поименно:

Дмитрий Шпаро, кандидат физико-математических наук, мастер спорта. Начальник экспедиции.

Анатолий Мельников, инженер, мастер спорта. Парторг и радист экспедиции.

Владимир Леденев, кандидат технических наук, мастер спорта. Комсорг экспедиции.

Юрий Хмелевский, кандидат физико-математических наук, мастер спорта. Научный руководитель экспедиции.

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

ПОКОРИ СВОЮ ВЫСОТУ

В. СНЕГИРЕВ

жабли, бастионы торосов преграждали путь собачьим упряжкам. И хотя вскоре ученые доказали, что Центральный Арктический бассейн — это гигантский массив безжизненных ледовых полей, штурм полюса продолжался...

И вот свершилось. В 1909 году американцы Пири и Кук на собачьих упряжках добрались до полюса.

В 1937 году полюс прочно обживали папанинцы.

В 1977 году на полюс впервые пришел корабль — советский атомоход «Арктика».

Покорен. Достигнут. Изучен. Что же, теперь люди не будут стремиться к «макушке» мира?..

Нет. Полюс и сегодня притягивает к себе смельчаков, и за их экспедициями, затаив дыхание, следит весь мир. И каждая экспедиция обогащает нас новыми знаниями, раскрывает возможности человека.

Мои друзья впервые в истории дошли до полюса на лыжах. Без вездеходов и собачьих у-

Дмитрий Шпаро — начальник экспедиции.

Владимир Рахманов, инженер, мастер спорта. Штурман экспедиции.

Вадим Давыдов, мастер спорта. Врач экспедиции.

Василий Шишкарев, рабочий. Радист экспедиции.

Семьдесят шесть дней длилось путешествие на лыжах по дрейфующим льдам, и каждый из этих дней достоин отдельного повествования. Арктика не скупилась на свои коварные проделки. Каждый час, каждая минута на пути к полюсу означали непрерывную яростную борьбу.

В первый же день, едва отойдя от острова Генриетты — стартовой площадки экспедиции, группа оказалась в опасной ситуации.

Ледяная каша — раздробленные торосением льды. На лыжах идти нельзя. На лодке плыть нельзя. Чудом выскочили на небольшую толстую льдину, быстро плывущую мимо острова. Едва перевели дух, как обнаружили: льдину

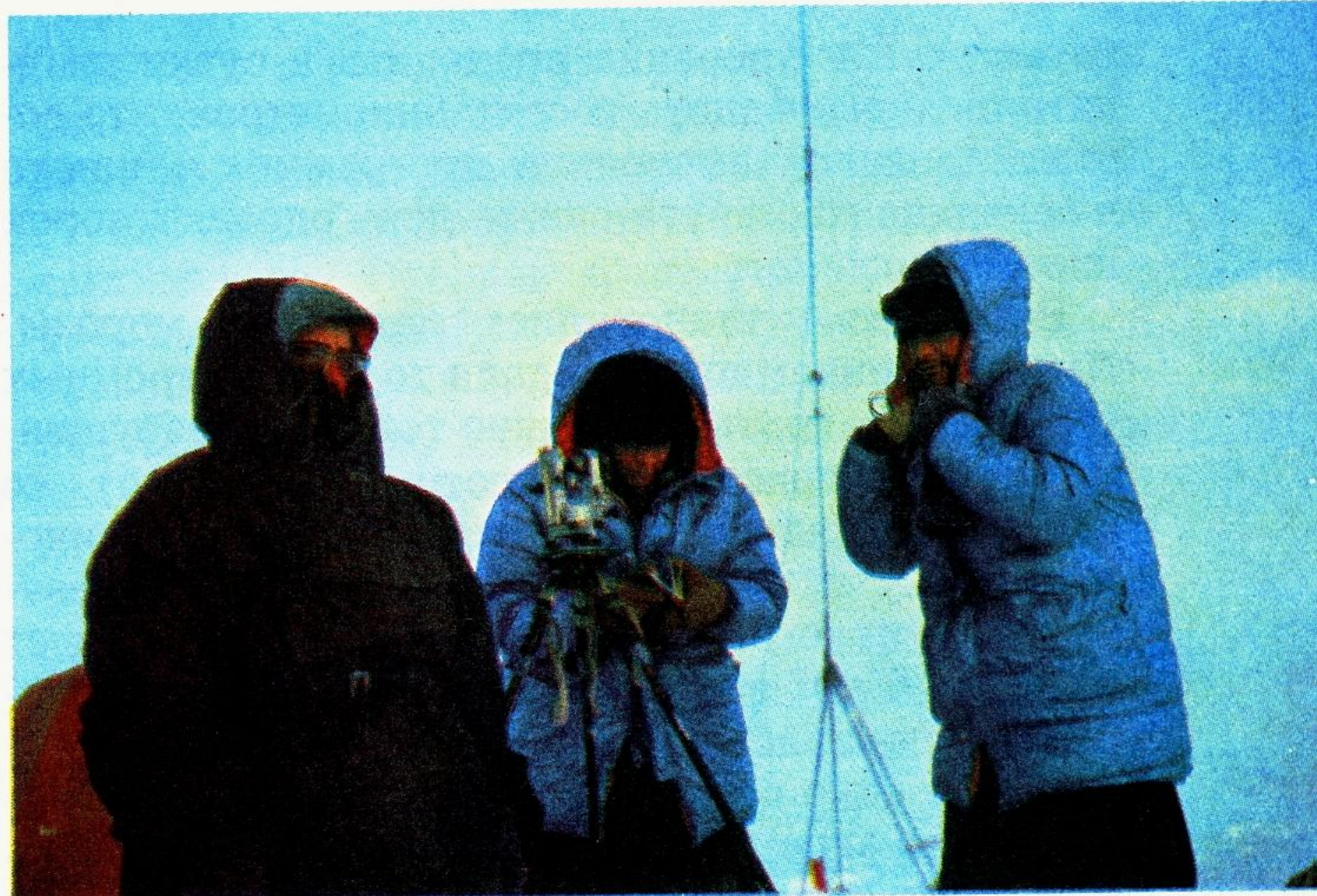
несет на запад, а у путешественников другой курс — на север!

Снова ступили на кочковатое, предательски расходящееся под ногами ледяное крошево. Семь человек. Дмитрий Шпаро по привычке пересчитал лыжников. И оцепенел. Не было Василия Шишкарева.

Начальник экспедиции сбросил рюкзак, меховые рукавицы, перепрыгнул через трещину и в нескольких метрах от себя увидел в темной воде голову Василия, который пытался схватиться за край льдины. Силы вот-вот должны были покинуть его.

Дмитрий упал на лед, крикнул: «Держи!», протянул руку, помог Василию выбраться из воды. А мороз за тридцать. И — ветер. Обсушиться, согреться негде. Даже палатку не поставишь на этом ледовом болоте. Представьте себе: человек, вымокший до нитки, его одежда, мгновенно превратившаяся в жесткий ледяной панцирь, а кругом только плывущие льды...

Несколько минут спустя «искупался» еще

За работой.

Дорогие читатели
«Тюнкера»!

В свое первое путешествие
— вверх по Волге к ее истокам
— я пошел, когда учился в
7-ом классе. Сколько знаний,
умения и добра поглотил
я в том походе. И не мудрено,
что в маршруте
по льдам ой берегов родной
страны к вершине Земли-
Северному полюсу я совершил
свой первый поход.

Друзья, желаю вам
неповторимых путешествий,
желаю побед. Желаю
быть целеустремленными
и мужественными.

6 июня 1979 года Д.Шпаро

Семеро идут к полюсу.

один участник экспедиции. Утонули две лыжи. И все это — в день старта.

Впору было возвращаться назад — на берег, от которого их отделяло тогда всего пятьсот метров. А до полюса — полторы тысячи километров!

Но они пошли вперед — к полюсу.

А вечером в палатке, переодевшись и забравшись в спальные мешки, они говорили о том, что со стартом им повезло. Препятствия и опасность сразу мобилизовали всех, настроили на тяжелую борьбу.

В тот первый день они прошли всего пятьсот метров...

На следующий — три километра.

Потом пять, десять, пятнадцать... Остров Генриетты, откуда они взяли старт, словно не отпускал их от себя! Проходили сутки за сутками, а обернутся на юг — и все еще виден этот проклятый остров.

Но уже примерно через неделю маршрутная

Цель достигнута.

группа стала уверенно проходить в сутки двадцать пять — двадцать восемь километров, что соответствовало намеченной программе. А как-то в середине маршрута они за день одолеют сорок километров!

Все крепче становились полярные морозы. Путь лыжникам преграждали то гряды огромных торосов (сравнить это можно только с разрушенными землетрясением высотными домами), то каналы открытой воды (надо надуть резиновую лодку и переправляться на ней), то незаметные, присыпанные снегом трещины (идет человек, и нет его, провалился). Но они уверенно приближались к полюсу.

И еще одно серьезное, совершенно неожиданное испытание ждало их. Ко всему готовились мои друзья, отправляясь в свой маршрут, — к жестокой стуже, коварству льдов, злым пургам и магнитным аномалиям, которые компас делают бесполезной игрушкой... Но в одном они были убеждены твердо: льды от острова Генриетты дрейфуют строго на север. Поэтому-то специалисты, изучавшие Арктику, и предлагали им стартовать с острова Генриетты, а не, скажем, с Северной Земли, которая гораздо ближе к полюсу.

А что же вышло на самом деле? Вопреки всем прогнозам льды дрейфовали на юг! Каждый день они сносили экспедицию на пять-шесть километров к югу. В одной из своих радиограмм Дмитрий Шпаро сравнил продвижение экспедиции с шаганием вверх по эскалатору, который движется вниз.

Почти месяц они отвоевывали у океана километр за километром, а за ночь, пока спали, океан, будто издеваясь, отбрасывал их назад.

...Они победят!

До дна выпьют горькую чашу всех неудач, какие только могут подстергать человека в Арктике, обмороженные и опаленные незаходящим полярным солнцем «взберутся» на полюс. Иначе и быть не могло: каждый из них шел к этой вершине много-много лет и за эти годы сделал себя сильным, мужественным, волевым человеком.

Почему Василий Шишкарев не простудился, искупавшись в ледяной воде? Потому что он с детства приучал себя к холоду — в самые жестокие морозы спал в палатке, поставленной во дворе, купался с весны до поздней осени и еще в школьные годы ходил в сложные туристские походы.

Почему Дмитрий Шпаро, не раздумывая, бросился на помощь своему товарищу, хотя при этом рисковал сам? Да потому, что жизнь в коллективе (а наша экспедиция представляет собой крепко спаянный коллектив) учит заботиться друг о друге, прежде всего думать не о себе, а о своих товарищах.

Жизнь человека, по сути дела, с малолетства означает непрерывное покорение каких-то высот. Только одни свой подъем заканчивают в предгорьях и с удовлетворением оглядывают ви-

димый им мирок, а других — к этой категории относятся мои друзья — зовут заоблачные пики. Такие, чтобы новый был выше и круче прежнего, чтобы дух захватывало от высоты и перспективы не имели границ.

...Когда маршрутная группа уже подходила к полюсу, газета «Комсомольская правда» попросила своих читателей высказать предложения о том, как отметить достижение «вершины земли», какой должна быть торжественная церемония на финише. Среди сотен писем, которые получила редакция, было много писем от ребят. В этой почте — слова восхищения мужеством и настойчивостью участников экспедиции, их патриотизмом и стойкостью.

«Мечтаем в будущем всем классом пройти по вашему маршруту, — написали пионеры 4-го класса «А» 916-й московской школы. — Для этого будем упорно тренироваться, закаляться, набираться новых знаний».

А вот строки из письма джанкойской школьницы Тани Клевк: «Я очень уважаю в человеке такие качества, как мужество, воля. До 16 марта этого года мне казалось, что ими обладают только те люди, чья профессия близко связана с космосом. Но когда я узнала об экспедиции, то поняла, что подвигов и открытий хватит и для меня».

Вот видите, какой важный вывод сделала Таня.

Моим друзьям — победителям Северного полюса читать такие письма было особенно приятно: они снова убеждались, что поход был нужен не только им, но и всем нам, как нужны рекорды в спорте, яркие примеры борьбы, мужества, стойкости.

Когда экспедиция «Комсомольской правды» закончила свой маршрут, в точке, где сходятся меридианы, был оставлен непотопляемый герметически закрытый контейнер. В нем — реликвии Ленинского комсомола, копии протоколов о достижении полюса и записки на русском и английском языках к тем, кто обнаружит контейнер.

Краснозвездные самолеты летают над полюсом.

Наш могучий атомный ледокол пришел на вершину земли.

Мы гордимся этими победами мощной техники, созданной советским человеком. Мы гордимся и тем, что семеро смелых продемонстрировали отвагу советских людей, удивительную стойкость и мужество.

То, что вчера казалось фантастикой, сегодня свершилось и вошло в историю освоения и покорения Арктики.

...Так какая же вершина земного шара самая привлекательная? Эверест? Эльбрус? Или Северный полюс?

Я бы ответил так: у каждого должен быть впереди свой крутой и заоблачный пик.

Фотографии В. РАХМАНОВА
и В. СНЕГИРЕВА.

И. АНДРЕЕВА

Воля к победе,

или история жизни Игоря Кудлая,
бригадира Рижского комбината хлебопродуктов,
рассказанная им накануне получения
премии Ленинского комсомола

— Вот кого я уважаю, ну, просто честно вам скажу, — хочется быть на него похожим — Владимира Яценко. Вы когда-нибудь видели его выступления? Он берет два метра тридцать пять сантиметров. Прыжок фантастический! И всегда — выиграл или потерпел неудачу — он такой спокойный, веселый, уверенный. Даже сидя перед телевизором, чувствуешь его волю к победе. Невольно сам подбираешься, — так говорил Игорь Кудлай, и слова его помогли мне лучше понять характер самого Игоря. Ведь это очень важно, какие качества уважает человек в других, на кого хочет быть похожим. Итак, запомните: **ВОЛЯ К ПОБЕДЕ.**

Для Игоря Кудлая это слова не случайные. Игорь — рушель. Так называется его профессия. В этом году за свою работу он получил премию Ленинского комсомола.

Четырем комсомольцам из Риги, мастерам своего дела, были присуждены в нынешнем году эти премии.

И что это за люди! Бригадир монтажников, токарь-экспериментатор опытного завода, капитан дальнего плавания (капитан, кстати, в это время пересекал Атлантику, его пришлось поздравить радиограммой). Рядом с ними работа Игоря Кудлая казалась обычной, связанной с буднями, с утром в семье или в детском саду, когда разливается по тарелкам горячая каша.

Дело в том, что Игорь Кудлай работает на крупяном заводе. Бригада его занимается очисткой и сортировкой перловки, ячменя. Только не представляйте себе мешки с мукой, пыль, огромные сита. Ничего подобного здесь не увидишь.

Завод — гигантская машина, точнее, система машин в пять этажей вышиной, соединенных металлическими трубами-самотеками. По этим трубам зерно силой воздуха вздымается на пятый этаж и льется оттуда на обочную машину. Обойка гоняет зерно по наждачной поверхности, сдирает с него оболочку, пневмосепаратор уносит легкие примеси, мощные магниты вытягивают из потока металлические предметы. И так, с машины на машину, ходит зерно вверх-вниз, вверх-вниз, пока не станет совсем чистым. Но погодите, это еще не ячневая и не перловка, это «пенсá», полуфабрикат. Есть на заводе станки, которые огранят, отшлифуют каждое зернышко, словно драгоценный камень, и только после этого посыпется крупа — хоть кастрюлю подставляй.

За этим процессом и следят Игорь Кудлай, его бригада — чтоб работа шла четко, без нарушения технологии, без поломок. Многие машины они сами перебрали, усовершенствовали. И план пятилетки выполнили на четыре месяца раньше срока.

Но когда речь идет о жизни, а не о спорте, важен не только результат, успех, а еще и путь к успеху. И если говорить о победах, то в радостные, предотъездные дни Игорь праздновал еще одну победу, невидимую другим: работая на заводе, он «перебрал», настроил свой харак-

тер, ощутил свои слабости и нашел средство исправить их.

Конечно, ему помогали! Директор комбината Зигмунд Старс был в экзаменационной комиссии, когда Кудлай защищал диплом. Он следил за первыми шагами молодого рабочего в цехах комбината. А там Игоря встретил мастер Леон Папе и помог ему в главном — ощутить радость творческой мысли.

И еще тот счастливый суматошный день шестидесятого года вспомнился Игорю, когда он, восторженный шестилетний парнишка, стоял перед новеньким, краской пахнущим домом на улице Бикерниеку. Здесь прошло его детство, здесь начинается наша история.

Бикерниецкие мальчишки

Рассказ Игоря

— Мне исполнилось шесть лет, когда наша семья переехала в новый дом вагоноремонтного завода, где отец работал инженером. Почти в каждой квартире оказались пацаны моего возраста: Леша и Володя в двенадцатой квартире, Володя Экста в доме напротив. Мы и сейчас дру-

жим, а в те дни просто не расставались. Рядом Бикерниецкий лес — зимой в лесу пропадали с санками, лыжами.

Стаял снег, потекли ручьи, мы стали мастерить модели кораблей с моторчиками. А каких змеев запускали в небо! У нас, вы видели, вокруг дома сад, по воскресеньям отцы выходили стволы яблонь белить, а мы всей компанией отправлялись в город. Каких-нибудь двадцать минут, и автобус доставляет тебя прямо в средневековье.

А однажды набрали в наших странствиях по Риге на Медицинский музей. И будто упали стены средневекового города, и нам открылась живая жизнь той эпохи, ее люди. Это удивительный музей, я вам советую посмотреть, а сам жду не дождусь, когда мой сын подрастет, чтоб и его отвести на улицу Леона Паэглас.

В одной из комнат этого музея как бы реконструирована улица, и мы видим монаха (все фигуры выполнены в человеческий рост), он мелом на двери пишет букву «Р»: значит, в доме чума. Мы видим алхимика, он колдует над колбами, ретортами: то ли золото добывает, то ли «философский камень», а по стенам его кельи — знаки зодиака, раковины, сушеные травы. А вот хирург обыкновенной пилой делает операцию прямо в комнате. А из окошка третьего этажа кто-то выливает помои на улицу, прямо на головы прохожих, кажется, на наши головы. Только тусклый фонарь освещает «улицу». И потом, когда я читал о «тьме средневековья», я сразу представлял эту темную комнату.

Замечательный это для мальчишеского воображения музей, и, по-моему, только в нашем городе есть такой. После него мы набросились на исторические романы: «Айвенго», «Квентин Дорвард», «Пертская красавица». Растрепанные книжки делили по страницам, в очередь записывались.

Книжки эти у меня и сейчас в шкафу на почетном месте.

Ну, а в школу мы тоже все вместе пошли. В свободное время мчались на Даугаву: греблей увлекались, плаванием. За учебниками я сидеть не любил, хотя от отца мне доставалось: он че-

ловец был строгий, рабочий, лентяев не переносил. А тут сын — оболтус.

После восьмого класса поехал сдавать документы в пищевой техникум, потому что поманили меня слова «рефрижераторные установки». В порту мы видели красавцы-рефрижераторы, они по всем морям бродили. И я себя представлял у белых рефрижераторных установок, непременно в белом кителе и под крики чаек. Очков на это отделение я недобрал, и зачислили меня в группу хранения зерна.

Стыдно признаться, но и в техникуме учиться было мне скучно. Надо было жучков-вредителей в тетради рисовать, схемы элеватора. Я просил девочек, и они рисовали для меня жучков-вредителей, а сам жил все той же дух захватывающей мальчишеской жизнью: спорт, прогулки. Как вспомнишь, сколько времени зря растратил — ужасно жалко, но было, было в моей жизни нечто стоящее — это наши детские дружбы.

Что мне сразу далось, между прочим, когда я стал бригадиром, — отношения с людьми. В нашей дворовой компании я не был вожаком, верховодил Лешка из двенадцатой квартиры, человек до крайности справедливый: если брат его был не прав — брату доставалось. И все мы тянулись за Лешкой, бросались на помощь тому, кто слабее, и старались уважать интересы другого, не похожего на тебя, человека. Еще Лешка пошутить умел вовремя: устали все или от родителей влетело, а посмеемся — и любой груз с души долой. Теперь я знаю, как это важно, когда в бригаде не ладится — не ругаться, не поучать, — просто пошутить. И силы откуда-то у людей берутся.

Два события повернули мою жизнь: рождение сына Дениса и то, что бригадиром меня назначили. И в школе и в техникуме меня ругали, опекали, заставляли, а я, как колобок, катился себе и катился, распевая песенки, а как почувствовал, что от меня зависит судьба людей, и не просто зарплата или премия, а как они на работу ходить будут: с желанием, с радостью или по обязанности, чем будут интересоваться, о чем разговаривать, — тут мне страшно стало...

Несколько правил, простых и очень полезных

Игорь Кудлай пришел на комбинат, когда завод только монтировался. Он был потрясен величиной этой махины, он летал на лифте на третий, на пятый этаж, ходил за наладчиками. И впервые с восторгом думал, какой силой обладают крошечные зернышки, твердые, непрозрачные, а вроде магического кристалла. Вся история через них видна. Он видел человека в звериной шкуре, с дубиной вместо оружия, но человек этот догадался растереть зернышки между камнями. Это был первый рушель. И Игорь смотрел на него с чувством симпатии.

Но как же далеко ушло с тех пор человечество, какие умные машины придумало, чтобы облегчить свой труд! Игорь любил машины, они были детьми одной эпохи, ему казалось: «машинную душу» он понимает. А ведь машина, созданная человеком, к создателю своему предъявляет требования. Она требует от него высокого уровня знаний. Оказалось, к этому требованию Игорь Кудлай тогда, сразу после техникума, не был готов. В одно из дежурств он упустил из внимания температурный режим, машины перегрелись, и отказало пневматическое

Игорь Большой и Игорь Маленький

устройство. Вместо ровного гула двигателей цех наполнился режущим, словно бы поросычьим визгом. Повалил дым. И зерно, вырвавшись из самотеков, стало заливать пол. Это был яростный, захлестывающий вал.

Можете представить сами, как Игорю было стыдно, с каким чувством вины разбирал он завалы.

Вот когда вспомнились ему учебники. Он схватился за них. Он удивился, почему ему раньше было скучно. Он заново учился учиться. Он понял, что каждый день человек обязан узнавать что-то новое, и не только из области своей профессии. Это было первое правило, которое открыл Игорь.

То есть как «открыл», спросите вы. Разве он не слышал слово «учись» сотни раз от отца, от учителей? Слышал. И не слышал — до тех пор, пока это не стало собственным его убеждением.

Вскоре он получил второй урок: надо не только знать, надо очень много уметь делать. Он был уже бригадиром, когда однажды упала и потнулась одна из труб. Бригада простаивала. Он прибежал к мастеру Леону Папе, требовал слесарей, слесари в это время были заняты на другом участке.

И тут мастер Папе сказал с добродушным юмором:

— Ты знаешь, сколько времени потребовалось Ивану-царевичу дворец поставить? Одну ночь. А сколько времени ты потерял? У тебя всего одна труба, разве у тебя нет рук?

Он уважал Папе. Старший мастер был рационализатором, он не раз занимал первые места на Всесоюзном конкурсе рационализаторов и изобретателей, он был мастером высшего класса.

Игорь попытался выправить трубу и справился, хотя в первый раз инструменты его плохо слушались. Теперь-то все члены бригады Кудлая могут при случае заменить слесарей да и друг друга.

И наступил такой день, когда Игорь Кудлай вдруг почувствовал, что зерну «неудобно» идти по трубе с наклоном в 30°, и, чтоб ему легче было двигаться, надо изменить угол наклона. Он ощутил это, словно труба была продолжением его самого, его рукой, что ли. С этого дня словно бы открылись его глаза. Он увидел перед собой мир, который просто жаждал вмешательства его, Игоря Кудлая, мысли и рук. Как это они привыкли к желобу, который шел через два цеха, мешал работе, его надо было обходить, он часто засорялся? Разве нельзя убрать его?

Он пошел посоветоваться к Папе, и вместе они продумали, как заменить желоб самотеками. И сразу так просторно стало в цехе! Теперь все члены бригады думали над тем, что еще можно улучшить, приходили с предложениями. Как будто существовала цепная реакция мысли. Свое предложение принес на суд Папе и Кудлаю и самый молодой член бригады Игорь Бондаренко.

Игорь Маленький, или Игорь Бондаренко, на самом деле длинный, худой, он не ходит, а бежит. Молодой человек с кудрями до плеч, на которых ловко сидит тирольская — только перышка недостает! — шапочка. Как полагается современным людям, он достаточно сдержан. Но вы бы видели, как простодушно и счастливо сияло его лицо в тот день, когда вместе с Игорем Кудлаем они реконструировали одну из машин, чтоб увеличить площадь просеивания. Вот уже и смена закончилась, смену сдали, а им не хотелось расходиться, горячка дружной совместной работы не отпускала их. И они сидели в маленькой комнатке бригадира, разговаривали и улыбались.

А ведь до этого за два года после окончания школы Игорь Бондаренко перепробовал чуть ли не десяток профессий, и все не нравилось ему, все казалось скучным. И тогда обеспокоенный отец попросил Кудлая взять сына к себе в бригаду.

— Он отличный парень, — говорит Игорь Кудлай. — Только себя еще не нашел. Он такой, каким был я, когда пришел на завод. Хотя он и другой. В бригаде его прозвали «профессор». Вы бы послушали, как он говорит о Толстом, о его дневниках! В литературе он предпочитает классические произведения, зато музыку признает только современную, которую я как музыку не воспринимаю. Но он-то очень серьезно ею занимается: выучился играть на фортепьяно. Собираются с друзьями и играют втроем композиции.

Но, понимаете, все его способности пока только для себя и не собраны в один пучок, не направлены на дело. И все же интерес к работе у него уже пробился.

В том музее, о котором я вам рассказывал, была картина, которая мне запомнилась. У некоторых австралийских племен есть обычай: прежде чем назвать подростка юношей, мужчиной, устраивают испытание — мальчишки ложатся на подстилку из соломы, и солону под ними поджигают. Кто выдержит испытание — может называться взрослым мужчиной.

Личное мужество — прекрасное качество, но сегодня его недостаточно, чтоб назвать человека мужчиной. Мы все непременно проходим испытание, только более сложное.

Я бы называл человека взрослым, когда он перестает жить только за счет добра, которым окружают его близкие, когда он может почувствовать ответственность за близких, за свою бригаду, завод, за события во всем мире, наконец. А вы как думаете?

Я думала так же, как Игорь Кудлай. Победа над собой, над своим характером — самая верная победа, потому что результаты она приносит всю жизнь. И разве не лучшее доказательство тому — история жизни Игоря Кудлая?

ДОРОГОЙ КОММУНИСТОВ

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Товарищ комсомол

В папахе и обмотках
на съезд на первый шел
решительной походкой
российский комсомол...

О том, как он шагает,
свою винтовку сжав,
доныне вспоминают
четырнадцать держав.

Лобастый и плечистый,
от съезда к съезду шел
дорогой коммунистов
рабочий комсомол.

Он только правду резал,
одну ее он знал.
Ночной кулак обрезом
его не задержал.

Он шел не на потеху
в победном кумаче,
и нэпман не объехал
его на лихаче...

Ему бывало плохо,
но он, упрямя и зол,
не ахал и не охал,
товарищ комсомол.

Ему бывало трудно —
он воевал со злом
не тихо, не подспудно,
а именно трудом.

Тогда еще бездомный,
с потрескавшимся ртом,
сперва он ставил домы,
а домики — потом.

По правилам науки
крестьянско-заводской
его пропахли руки
железом и землей.

Веселый и безусый,
по самой сути свой,
пришелся он по вкусу
Отчизне трудовой.

Фазу АЛИЕВА

У юности— столетья впереди!

Я — юность.
Все сумею я.
Я стану
Всем, чем захочет стать душа моя.
Я — Дахадаев, гордость Дагестана.
И Николай Островский — это я.

Я — юность.
Я взрываю время круто.
Я с мужеством на «ты», а не на «вы».
Я становилась чкаловским маршрутом
И оборонной линией Москвы.

Враг был жестоким,
И из сердца мира
Кровь пролилась не чья-нибудь, —
Моя.
Я — Краснодон.
Я — Валентин Эмиров.
И Александр Матросов — это я.
Я — смелость.
Я — народная отвага
В борьбе против фашистского зверья.
Я — знамя над поверженным рейхстагом,
И возрожденный мир — все это я.

Я — риск и точность в первом,
изначальном
Космическом гагаринском витке...
Его виток — колечком обручальным
У вечности остался на руке.

Я — молодость. Меня не старят сроки.
Хозяйскими шагами я иду
По этажам великой Новостройки,
Начавшейся в семнадцатом году.
Я — молодость.
Я — сердце комсомола.
Подвластны мне и глубина и высь.
Два корневых начала — Серп и Молот —
От молодости мира родились.

Шагай же, юность!
Символом рассвета
Над веснами вставай и восходи!
Есть у весны в запасе только лето.
У юности — столетья впереди.

Перевел с аварского
В. ТУРКИН.

ОБРАЩЕНИЕ ДЕЛЕГАТОВ

II Всесоюзного слета тимуровцев
ко всем тимуровцам страны

Дорогие друзья!

Второй Всесоюзный слет тимуровцев прошел на легендарной земле Украины, в Черкассах, Каневе, Лепляве, где сражался и героически погиб писатель, воин, вожатый — наш любимый Аркадий Гайдар. На слете мы рассказали друг другу о том, как выполняем задания маршрута «Тимуровец» на Марше «Пионеры всей страны делу Ленина верны!», провели операцию «Радость людям», дали торжественную клятву еще крепче любить и беречь нашу замечательную Родину.

Нас, тимуровцев, — пять миллионов. «Уважение к ветеранам исторических битв, забота о них — это моральный закон нашей жизни», — эти слова товарища Леонида Ильича Брежнева должен помнить и свято выполнять каждый тимуровец. Мы, делегаты слета, призываем всех пионеров еще активнее участвовать в тимуровской работе.

В честь 35-летия Победы над фашистской Германией объявляем Всесоюзную операцию — «Ветеран живет рядом». Проведем ее в каждой дружине, отряде, команде.

Возьмем шефство над детскими садами, площадками, детскими домами, сделаем каждую улицу местом интересного и полезного отдыха.

Дадим решительный отпор тем, кто нарушает дисциплину, обижает малышей, портит народное добро. Каждый тимуровец честен, дисциплинирован, подтянут, хорошо знает героев гайдаровских книг и следует их благородным поступкам.

Тимуровцы!

Будем хранить и приумножать славные революционные, боевые и трудовые традиции советского народа! Всегда и во всем держать равнение на коммунистов и комсомольцев!

Вперед, тимуровцы!

г. Черкассы,
Украинская ССР,
июль 1979 года.

С 23 по 27 июля в Черкассах состоялся II Всесоюзный слет тимуровцев: 500 делегатов от всех союзных республик.

Мгновения слета. Те, что остаются в памяти на всю жизнь.

...Слет открывался на главной площади Черкасс — площади имени В. И. Ленина. Вокруг стояли люди, гремел духовой оркестр, звучали торжественные слова. Главное, что поняли ребята в этот самый первый день, — их работу оценивают «на отлично». Их работу уважают.

Слет открылся. Впереди было много интересных дел!

...Утром колонны автобусов ехали в совхозы Черкасской области. Ребят встречали хлебом-солью, а потом — на поля. Подбирать колоски, пропалывать, окапывать, собирать лекарственные травы.

Началась операция «Радость людям» — главная операция слета.

Все заработанные деньги тимуровцы передали в Фонд мира.

...На этой земле погиб Гайдар. Деревня Леплява. Замерли ребята у обелиска, поставленного на месте гибели писателя. А потом пошли в библиотеку-музей А. П. Гайдара в Каневе. Они давно мечтали побывать здесь. Конечно, все тимуровцы хорошо знают жизнь любимого писателя, но в музее — подлинные вещи Аркадия Гайдара: вот странички из его дневника, черновики — как работал писатель над каждой строкой, каждым словом! — ручка, которой написаны многие произведения.

...В программу слета вошли традиционные гайдаровские чтения. Ребята слушали отрывки из новых произведений детских писателей, а главное — еще раз поняли и почувствовали, как много сделал Аркадий Гайдар для советской детской литературы.

...Остановленные мгнове-

ния тимуровской жизни — фотографии, рапорты, отчеты. С интересом рассматривали ребята выставку «Гайдар и тимуровцы 70-х». Но не только с интересом: такая выставка — это и обмен опытом, адресами и отчет о проделанной работе. А потом в том же зале началась тимуровская конференция. Слово давали всем желающим.

...И снова минута молчания. Белое полотнище соскальзывает с барельефа Гайдара. В лагере «Свитанок», где жили делегаты слета, был открыт памятник Гайдару.

...Торжественное закрытие. Медленно, будто нехотя опускается флаг. По решению Всесоюзного штаба Тимура он передан на вечное хранение в библиотеку-музей Гайдара в Каневе. А делегации всех союзных республик увезли со слета самый дорогой подарок-реликвию: гильзу с леплявской землей, землей, политой кровью писателя-воина...

Грустно расставаться с новыми друзьями! Но самое интересное все равно впереди.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР

КОНСУЛ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Продолжение. Начало в № 8.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Матюшин

Тучи темные, тяжелые, плоские нескончаемым конвейером ползли с моря на город. По улицам бурлили пузырьчатые потоки воды. Дворники в брезентовых плащах подгоняли их жесткими метлами. Машины двигались на малых скоростях, чтобы не обдавать водой и без того мокрых, раздраженных пешеходов. Все было серо, беспросветно, уныло. Только дуб, раскинув привольно свои упругие жилистые сучья, поблескивал новорожденными с подпалинкой листьями и наслаждался этой купелью.

Ярков поднялся на крыльцо консульства, сложил зонтик, отряхнул его и приготовился вставить его в бамбуковый складной чехол, как увидел, что к подъезду подъехала машина — такси, дверцы распахнулись, и из нее вышел, вернее выскочил... Матюшин. Тут же завизжали тормоза и, разбрызгивая веерами воду, остановилось другое такси, впритык с первым. С криком: «Стой, гадина, предатель!» — из второго такси таким же манером выпрыгнул человек и кинулся за Матюшиным. Ярков успел схватить Матюшина за руку и подтянуть его на крыльцо. Теперь они стояли на неприкосновенной советской территории. Ярков, не поворачиваясь, уперся локтями и ногой в дверь, открыл ее и подтолкнул Матюшина внутрь здания, а сам взгляделся в злоумышленника, моментально в памяти сфотографировал его, запомнил номера обоих такси. Преследователь остановился и с искаженным злобой лицом, изрыгая ругательства, засунул сверкнувший черным глазом дула револьвер в карман.

Ярков вошел в здание. Щелкнул замок.

Матюшин, вжавшись в стену, стоял бледный, всклокоченный.

— Ну, пойдете, Степан Федорович, — как можно спокойнее, будто ничего и не произошло, сказал консул. — Слава богу, что вы живы, а то мы тут переволновались.

Дежурный охраны Ян Карлович, открывая дверь из вестибюля в приемную, с сияющим видом воскликнул:

— Разыскали-таки, Константин Сергеевич.

— Сам нашелся, — ответил Ярков.

Петя, увидев Матюшина в сопровождении консула, тоже не мог сдержать радостного восклицания. Вся советская колония жила эти два дня в большом напряжении: ведь пропал советский человек.

Ярков попросил Петю распорядиться, чтобы принесли крепкого чая, провел Матюшина к себе в кабинет, предложил закурить. Не торопился с расспросами, чтобы дать человеку прийти в себя.

— Ну и погода, — сказал консул, подойдя к окну, — третий день не унимается дождь.

Матюшин заломил папиросу на манер самокрутки и жадно курил. Руки у него дрожали. Ярков, несмотря на пережитое волнение, едва

сдерживал улыбку, глядя на одетого под английского джентльмена, карельского колхозника: На Матюшине был модный серый в черную мушку костюм, изрядно вымокший. Туго накрахмаленный воротничок обмяк и стеснял шею, манжеты скреплены запонками с розовыми, похожими на монпансье гранеными стеклышками, серый галстук в розовую полоску завязан по всем правилам и пристегнут к рубашке заколкой с таким же стеклышком. Ноги обуты в добротные с выпуклыми носками туфли на толстой каучуковой подошве, из кармана пиджака высывались желтые, сплюснутые, еще не надеванные перчатки из свиной ноздреватой кожи. А лицо у Матюшина было землистое, измученное, под глазами набрякли мешки, волосы слипшиеся, нерасчесанные.

Но что рассмешило консула, так это фирменные ярлычки, болтавшиеся на нитках с пломбами. Даже на соломенной, прозрачной светло-серой шляпе, которую мял в руках Матюшин, болтался такой же овальный из блестящего картона ярлычок и на лацкане пиджака и на обшлагах штанины.

Нюра принесла на подносе темно-золотистый чай в стаканах и две вазочки с сахаром и печеньем.

Ярков пододвинул стакан Матюшину.

— Вы, товарищ консул, вправе считать меня предателем, — выдавил из себя Матюшин. — Может, я и есть подлый, трусливый человек.

— Подождите, подождите, — прервал его Ярков, — мы такого вывода не сделали. Расскажите-ка все по порядку, что с вами приключилось.

— А меня отсюда не заберут? Те, — мотнул головой Матюшин в сторону улицы.

— Нет, нет, здесь вы в безопасности, в советском доме.

Степан Федорович отхлебнул чаю. Помолчал. Потом закурил новую папиросу.

— На первом допросе я говорил правду, все как было, — начал он. — Из суда меня повели двое полицейских через двор в комнату свидетелей. Один полицейский держал надо мной зонтик, чтобы я не промок. Другой шел рядом. Тот, что с зонтиком, сказал: «Живой он отсюда не выберется». «О ком вы говорите?» — спросил я. «О тебе», — сказал другой.

— Они говорили по-русски? — спросил Ярков.

— Нет, по-фински. Я понимаю, хотя сам говорю по-фински с трудом.

Ярков усмехнулся.

— Вели под зонтиком, боялись, что промокнете, простудитесь, а угрожали смертью. Под зонтиком на казнь! — хрустнул в злости пальцами консул.

— Полицейские привели меня в комнату свидетелей, поговорили о чем-то с нагловатым, косоглазым типом.

— Тем самым, который гнался за вами на машине? — Ярков воспроизвел в памяти портрет человека из второго такси.

— Тот самый. Это бандит и белогвардеец

Клепиков. Когда полицейские ушли, меня окружила свора злобных людей. Их человек десять. Я один. Они стали угрожать мне на русском и финском языках. Загнали меня в угол. Я сидел, как запуганная птица. Отмалчивался. Потом они вывели меня под руки и силой затолкали в машину. Повезли на квартиру к Клепикову. Всю ночь пили, измывались надо мной, придумывали для меня казнь. «Ты еще не совсем красный, — сказал Клепиков, — но вот когда мы сдерем с тебя шкуру, тогда ты будешь настоящим красным». Они совали мне в нос дула револьверов, намыливали веревку, делали петлю и примеряли мне на шею, точили ножи. Хотали. А мне было жутко.

Ярков делал на листе бумаги заметки. Порой Матюшин замолкал, справляясь со спазмом в горле.

— Я не помышлял о предательстве, товарищ консул. Хотите верьте, хотите нет.

— Я вам верю, Степан Федорович, — ответил Ярков и залпом выпил остывший чай.

Матюшин вел свой сбивчивый рассказ, и Ярков ясно представил себе всю последующую картину событий.

Наиздевавшись над Матюшиным, Клепиков заявил ему: «Или ты дашь показания, которые нам нужны, или распрощаешься с жизнью. Надеяться тебе не на что и не на кого».

К утру Матюшин вдруг сдался

— Будь по-вашему. Мне дорога жизнь, и я буду врать, как вы прикажете.

— Ты врал вчера, а сегодня будешь говорить правду, которая нужна нам. Мы тебе за это хорошо заплатим.

— Сколько? — спросил Матюшин.

— Тридцать тысяч. Понимаешь — тридцать тысяч марок, если ты пойдешь с нами до конца.

Матюшин что-то соображал.

— Торговаться будешь? — насмешливо спросил Клепиков. — Дадут и больше, на такое дело скупиться не будут.

— Я хочу получить задаток.

— Вот это настоящий разговор. Изволь. Вот две тысячи марок. — Клепиков вынул бумажник и отсчитал деньги. Матюшин положил их в карман.

То, что Матюшин сдался, и обрадовало и озадачило Клепикова и его сподручных.

— Если ты нас обманешь, то тут же прощайся с жизнью, — предупредил Матюшина Клепиков, когда те же полицейские явились за ним, чтобы вести на судебное заседание.

На обратном пути из суда в комнату свидетелей Матюшин еле передвигал чугунные ноги. Встретили его как героя. Вся орава бросилась его поздравлять. Его лобызали, называли «героем», «своим в доску».

— Ну что ж, дело сделано. Теперь его надо обмыть. Идите в ресторан, заказывайте самый дорогой обед, а я должен переодеться, — сказал Матюшин. — Теперь я помещик, богатый, не в колхозной же мне одежде идти в ресторан. Берите деньги, я угощаю, — Матюшин выложил на стол деньги. — Оставьте мне только на одежду.

Банда дружно согласилась. Клепиков велел всем идти в ресторан Торнео, готовиться к пиру, а сам поехал с Матюшиным в универсальный магазин Штокмана. Это огромный четырехэтажный дом с выходом на три улицы.

На втором этаже Клепиков попросил продавщицу «приодеть господина». Она провела их в кабину с зеркальными стенами. Клепиков велел Матюшину раздеться и отправился с продавщицей подбирать товар. Он приносил то рубашку, то костюм, туфли. Матюшин покорно одевался. Переложил из кармана своего пиджака бумажник с паспортом и десятимарковой бумажкой. Наконец Клепиков принес галстук, сам повязал его. Матюшин выложил все деньги.

— Иди, расплачивайся.

— Жди меня тут, ярлыки пока не отрывай, а мне надо обегать несколько касс. Хорош гусь! — одобрительно и вместе с тем насмешливо оглядел Клепиков колхозника, и, держа в одной руке пачку чеков, а в другой деньги, вышел из кабины.

И тут же следом за ним вышел из кабины Матюшин.

— Где здесь туалет? — обратился он к продавщице, держась за живот.

— Прямо и направо, — ответила девушка, брезгливо поджав губы.

Матюшин побежал. Он прыгал через две ступеньки вниз, к выходу. Выбежал на Александеринкату. У подъезда стояло такси, из которого вышла молодая пара. Матюшин нетерпеливо ждал, пока расплатится молодой человек, занял место на заднем сиденье и сказал шоферу:

— Альбертинкату. Советское консульство. Альбертинкату. Быстро! — и бросил на переднее сиденье десять марок.

А сам вынул из кармана карандаш и паспорт, развернул его и стал писать. Машину трясло, и буквы получались кривые, строчки неровные. Матюшин поминутно оглядывался. На повороте на Альбертинкату ему показалось, что в одном из такси позади них он увидел Клепикова.

— Очень прошу, везите быстрее, не то я опоздаю. Закроется консульство.

Таксист, не поворачивая головы, проворчал:

— Еду как положено. Видите, какие лужи.

— Что же вы писали? — спросил взволнованный Ярков.

— Вот, прочтите, — протянул Матюшин паспорт консулу.

Ярков откинул красную обложку, развернул длинный, вчетверо сложенный лист паспорта, удостоверяющего, что гражданин Союза Советских Социалистических Республик Матюшин Степан Федорович следует в Финляндию сроком на один месяц.

Поверх документа, разбегающимися в разные стороны буквами было написано:

«Я, как есть предатель родины и своего бывшего командира Тойво Антикайнена, кончаю жизнь самоубийством. Я хочу, дорогие люди, чтобы вы знали правду. Я говорил правду на первом допросе, а потом, угрозами и насильем меня заставили врать. Я клянусь своими деть-

ми, что Антикайнен никого из пленных не убивал и не позволял обращаться с ними грубо. Никого на костре не сжигали. Сейчас я хитростью сбежал от врагов, чтобы самому себе вынести приговор. Прощайте. Передайте пламенный привет товарищу Тойво Антикайнену. Он настоящий герой. Матюшин».

— Испачкал я советский паспорт, оклеветал своего командира. И сам себе этого простить не могу. Я убежал от Клепикова, решил отдать паспорт дежурному по консульству и броситься под трамвай. А тут вы. Вот и всё, — поник головой Матюшин.

— Вот под трамвай бросаться незачем. Над вами совершено грубейшее насилие. Вам надо успокоиться от всего пережитого, Степан Федорович. Завтра мы вызовем представителя министерства юстиции и вы ему расскажете все, что с вами было. Нужно, чтобы весь мир узнал, к каким грязным приемам прибегает буржуазное правосудие, чтобы уничтожить коммуниста. Они провалились с этим процессом, обесчестили себя. Теперь они постараются поскорее закончить дело и не посмеют вынести смертный приговор Антикайнену. Тойво Антикайнен будет жить!

ГЛАВА 12

Любовь

Надюша пришла на работу с опозданием. По ее лицу Ирина поняла, что что-то случилось.

Она вопрошающе посмотрела на подругу.

— Ирушка, консул тяжело заболел. Температура выше сорока.

Перед глазами Ирины все завертелось. Какой-то черный вихрь подхватил газеты, столы, стулья, и пол ушел из-под ног.

Надюша обхватила Ирину.

— Да не пугайся ты. Он сильный, справится. Сейчас собрали консилиум, и он попросил, чтобы пришла ты. Иди. Я попрошу Петю посмотреть газеты, отчеркнуть все важное. А потом ты отберешь, что нужно.

Ирина влетела в квартиру консула. Все двери были распахнуты. В гостиной собрались полпред, советник, какие-то незнакомые люди и среди них профессор Ляскиля.

— Что случилось? — спросила Ирина таким безнадежным и отчаянным голосом, что профессор Ляскиля поспешил ее успокоить.

— Он жив. Вот мы собрались на консилиум, и мнения наши разошлись, — показал профессор на своих коллег. Один из них высокий, седой, неопределенного возраста с ярко-лиловым лицом. Ирина поняла, что это был профессор Свенсон, который производил на себе какие-то опыты и стал вот таким лиловым негром. Он приподнялся и сказал:

— Мадам, я и мой коллега, — он указал на другого пухлого и рыхлого господина в золотых очках, — считаем, что у господина консула

брюшной тиф, а профессор Ляскиля полагает, что это аппендицит. Предлагает срочно оперировать. Но если это брюшной тиф, в чем я почти не сомневаюсь, тогда его нельзя оперировать, он умрет на операционном столе.

— А если мы пропустим время, господин консул может погибнуть от перитонита, — возразил профессор Ляскиля.

— Что же делать? — беспомощно развела руками Ирина.

— Господин консул должен решить сам, кому он доверяет, — ответил профессор Свенсон.

Ирина посмотрела на пухлого господина.

Тот неопределенно развел руками.

Полпред предложил пригласить еще одного профессора, и его поехали разыскивать.

Прошли в спальню. Константин Сергеевич лежал на спине. Лицо его заострилось и было необычно бледно, пылали только уши, а блестящие глаза выражали боль, боль.

— Господин консул, — обратился к нему профессор Ляскиля, — я полагаю, что вас необходимо срочно оперировать. Согласны ли вы на это?

Константин Сергеевич повел глазами в оплывших веках, остановил взгляд на Ирине и прошептал:

— Пусть решает она. Я плохо соображаю.

Ирина смертельно перепугалась такой ответственности. Она никогда еще не видела тяжело больных людей и сама никогда не болела, разве иногда случался насморк или ангина.

— Может быть, вызвать вашу жену из Москвы? — спросила она.

Кривая усмешка медленно скользнула по губам Яркова.

— Это невозможно, — прошептал он.

— Решать надо немедленно, — настаивал профессор Ляскиля. — Я беру ответственность за диагноз на себя. Это аппендицит. Очевидно, не банальный.

Вернулся посланный от профессора, которого не застал дома.

Полпред, советник и Ирина перешли в кабинет. Решать предстояло им.

— Я доверяю профессору Ляскиля, — сказал полпред, — хотя оба других тоже авторитетные медики. Но решающее слово за вами, Ирина Александровна.

— Но я-то в медицине ничего не смыслю, — взмолилась она.

— Как и мы, — ответил полпред. — Мы должны кому-то довериться. Я за профессора Ляскиля.

Ирина вдруг обрела способность холодно рассуждать.

— Во всех случаях его надо везти в больницу, в самую лучшую. В ту, которую порекомендует профессор.

Ирина вышла в гостиную и подошла к профессору Ляскиля.

— Будем оперировать? — спросила она.

— Я готов. Но, как положено, надо подписать обязательство, что в случае летального исхода вы не предъявляете претензий к клинике.

— Летального? — испугалась Ирина.

— Без этой формальности его не примут в клинику.

Ирина заглянула в спальню. Константин Сергеевич лежал с закрытыми глазами. «Спросить его? А, впрочем, зачем?».

Ирина подписала обязательство, даже не соображая, почему именно она должна была это делать.

Когда приехала санитарная машина и два крепких молодых человека в голубых халатах стали укладывать его на носилки, силы вдруг оставили Ирину и снова сомнения стали терзать сердце. Правильно ли она поступила? В висках стучало слово «летальный».

Ирина поехала в той же санитарной машине.

Когда Константина Сергеевича везли в коляске в операционную, Ирина шла рядом, положив свою ладонь на горячую сухую руку Константина.

— Сколько будет длиться операция? Могу я быть рядом? — спросила она профессора Ляскиля.

— Думаю, полчаса, минут сорок, — ответил профессор. — В операционную вам нельзя. Поезжайте домой.

— Нет, нет, — испуганно возразила Ирина. — Разрешите мне остаться здесь, возле операционной, в коридоре.

— Хорошо. — Профессор распахнул дверь. Огромная плоская лампа над высоким белым столом, который вдруг показался ей катафалком. Двойная дверь в операционную захлопнулась. Ирина взглянула на часы. Было без двадцати двенадцать. Она прислонилась к стене. Прохладная гладкая стена освежала ее. Медсестра в голубом платье, в белых чулках и белых туфлях, в белой накрахмаленной повязке, завязанной сзади, принесла ей стул. Ирина поблагодарила кивком головы. Села. Смотрела на часы. Слушала. За стеной в операционной что-то звякало. Звучали глухие отрывистые голоса. Ирина не слышала слов, но старалась ловить интонацию, что в ней: уверенность, тревога, безнадежность? Пульсировала секундная стрелка на часах, подгоняя время, укорачивая его, растягивая мучительное ожидание. Ирина решила не смотреть на часы. Какая-то слабость охватила ее, и она задремала. Вздрогнула от какого-то звука. Проспала? Нет, если и спала, то всего несколько минут. Прошло полчаса. А из-за стены все время доносились звякающие металлические звуки, и никаких голосов. Летальный исход. Такое легкое, летучее слово, такой страшный смысл. Лишь бы выжил. Ничего больше Ирина не хочет. Только жизни для него. Приедет жена. Пусть. Он будет с ней, и кончатся прекрасные поездки в «экспедиции». Пусть. Лишь бы был жив. А за стеной все звякает, будто в таз бросают чайные ложки. Почему чайные? Прошло сорок минут... Ирина стала ходить по коридору... Только сейчас заметила, что в коридоре она не одна. Снуют медсестры, санитарки, врачи. Врачи — все в белом с ног до головы и в белых шапочках, сестры в голубых платьях, бе-

лых передниках и белых, накрахмаленных, сидящих на голове, как чайки, косынках, завязанных сзади, санитарки в голубых платьях и голубых передниках, косынки завязаны под подбородком. Сразу узнаешь, кто есть кто.

Пятьдесят минут! Нет! Триста сорок секунд прошло, как закрылась дверь в операционную. И все звякают чайные ложечки.

Ирина пересчитала плитки кафеля на стене, количество окон в соседнем доме. Восемьдесят шагов по коридору... Стала про себя читать стихи: «По горам, среди ущелий темных, где гудел осенний ураган, шла толпа бродяг бездомных к водам Ганга из далеких стран. Под лохмотьями худое тело от дождя и ветра посинело...» Нет, «потемнело...» Дальше не помнит. Что-нибудь другое. «Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны и юноше...» Нет. Это либретто к опере. А у Пушкина иначе: «Любви все возрасты покорны», а дальше стоит «но». «Но юным девственным сердцам ее порывы благотворны, как бури вешние полям...» Потом второе «но». «Но в возраст поздний и бесплодный на повороте наших лет...» До второго «но» ей еще далеко. А любовь кружит голову, щемит сердце. Разум возмущен, протестует против этой любви. А что поделаешь с сердцем? Это первая любовь? Да, первая. Хотя лет десять назад, когда ей было четырнадцать, ей казалось, что она влюблена на всю жизнь. Так отчетливо помнит этого долговязого, рыжего, веснушчатого мальчика, у которого даже зеленые глаза были в веснушках. А ей казалось, что он весь обрызган солнцем. Солнечный юноша. Умный, начитанный. С ним было интересно. Как его звали? Саша? Володя? Не помнит. Встретилась на даче, где он прожил несколько дней. Там познакомились и все дни состязались. Кто дольше пройдет по одному рельсу железной дороги, не оступившись. Блестящая полоска рельса, казалось, висела в воздухе, и она по нему шла, как по канату, напрягая волю, отчаянно балансируя... Кто больше найдет в лесу белых грибов? Кто дальше кинет камень... Кто больше назовет созвездий на вечернем небе... Больше, дальше, быстрее, умнее всегда был он. Как его звали? Не помнит. Помнит радостное ощущение встреч и игру ума. И ей хотелось, чтобы он был сильнее, умнее ее. Она нарочно «забывала» строфы из Евгения Онегина, и он подсказывал: «Любви все возрасты покорны...» — и беспомощно разводила руками, с лукавством глядя на него, а он продолжал: «Но юным девственным сердцам ее порывы благотворны...» «Как воды вешние полям», — продолжала она, а он поправлял: «Как бури вешние полям». И начинался спор. «Бури» или «воды». Бежали разыскивать Пушкина. И он оказывался прав. Потом уехал. Обещал писать и не написал. Она часто ходила на железнодорожное полотно, бегала по рельсу, считала шаги, но... без него это было неинтересно. То была игра. Сейчас всерьез.

Ирина отвернула обшлаг рукава, взглянула на часы. Прошло семьдесят пять минут, больше пяти тысяч ударов сердца, больных толчков.

*Многотысячная
вереница людей
в скорбном молчании
проводила
в последний путь
мать своего Тойво.*

За стеной тихо... Не звякают ложечки... Бьется ли его сердце? Ждать. Терпеливо ждать.

«По горам, среди ущелий темных, где гудел осенний ураган, шла толпа бродяг бездомных...» — повторяет Ирина, шагая по коридору.

Она была в конце коридора, когда распахнулись двери операционной и санитары вывезли каталку. Ирина побежала.

«Умер!» — Константин лежал с впалыми щеками, с обескровленным лицом, глаза плотно закрыты.

— Умер? — прокричала шепотом Ирина.

— Операция прошла благополучно, — положил руку на плечо Ирины профессор Ляскиля. — Как я и полагал, аппендицит. Прирос к позвоночнику. Действовал больше пальцами, чем пинцетом.

Ирина обхватила профессора обеими руками за плечи, прижалась к нему лицом. Хлынули спасительные слезы.

— Ну вот, теперь надо заниматься с вами, а

я надеялся, что посидите рядом с ним. Как переводчик. Мы ему дали усиленную дозу хлороформа. Он придет в себя минут через двадцать.

Константина ввезли в одноместную палату, перенесли на кровать. Сестра задернула зеленые портьеры на окнах. Лицо Константина стало еще бледнее. Дышит ли он? Тронула руку — сухая и очень горячая.

Встала на колени около кровати, гладила руку, смотрела в лицо.

— Костя, открой глаза. Костя, посмотри на меня, чтобы я поняла, что ты жив.

Ярков не шевелился.

Ирина прижалась лбом к его руке.

— Костя, милый мой Кин, открой глаза. Милый, любимый, открой глаза. — Ирина поливала руку слезами. И вдруг его пальцы зашевелились.

Ирина подняла голову, осушила слезы.

Константин смотрел на нее мутными, усталыми глазами.

— Спасибо, что приехала. Я ждал тебя, — прошептал он и снова впал в забытие.

«Бредит, — подумала Ирина. — Верно, решил, что приехала жена».

Вошла медицинская сестра. Сделала укол в руку. Принесла стакан с брусничной водой и плоскую деревянную ложечку, обернутую марлей.

— Смачивайте ему губы, следите, чтобы не глотал.

Ирина села на стул и осторожно водила тампоном по сухим, запекшимся губам Константина.

Наконец он открыл глаза. Они стали яснее, осмысленнее.

— Теперь я знаю, что и ты любишь меня. Это очень хорошо. Это прекрасно, — прошептал он и погладил ей руку.

«И ты», — повторила про себя Ирина, — «и ты». А жена?»

Константин угадал ее мысли.

— У меня нет жены, моей женой будешь ты.

ГЛАВА 13

Лыжная прогулка

В воскресное утро столица пустела. С рассветом люди заполняли трамваи и автобусы. Все с лыжами, наконечники которых закутаны в брезентовые чехлы. Многие везли свою поклажу на поткурях — высоких санках с длинными полозьями. Торопились за город, в лес, на свежий воздух. Ехали семьями, с бабушками и дедушками, с детьми.

Константин Сергеевич закрепил две пары лыж на крыше машины. Погода была мягкая, по-мартовски солнечная.

Шофер Антонич впервые доверил машину консулу, предварительно проверив его мастерст-

во водителя. Предложил обмотать задние колеса цепями: на загородных дорогах гололед.

Ярков от цепей отказался.

— Никогда с ними не ездил под Москвой, и все обходилось.

Константин Сергеевич вел машину, Ирина выбирала место, где бы сделать привал и встать на лыжи. Она поминутно снимала светозащитные очки, которые мешали оценить красоту пейзажа.

С шоссе свернули на боковую, казалось, хорошо уезженную дорогу, и тут машина поползла боком, колеса забуксовали, закапываясь все глубже в снег.

— Эх, хорошо, Антонич не видит, как я проштрафился, — конфузливо сказал Ярков, выключая мотор. Он обошел вокруг машины: засели прочно. Огляделся: на пригорке за роцей виднелись крыши строений.

— Придется идти на хутор, просить лошадей, чтобы вытянуть машину. Сами мы с ней не справимся.

Ирина рассмеялась.

— Ну, уж если идти, то надо мне. Как ты будешь с финнами объясняться?

Константин Сергеевич безапелляционным тоном заявил:

— Нет, тебя я не пуцую. На лыжах в такую гору подниматься трудно, а идти пешком — утонешь в сугробе, что я тогда буду делать? Сиди в машине. Я пойду напрямик...

— Но ты же не знаешь языка.

— На двух лошадей мне языка хватит.

— Посмотрим! — лукаво произнесла она.

Ярков зашагал по целине. Он поминутно проваливался выше колен в снег, оглядываясь и жестами показывал Ирине — видишь, мол, даже мне трудно идти. На поле оставались глубокие синие лунки от его следов, и Ирина едва удержалась от соблазна пойти за Константином, схватить его за руку, вместе с ним утопать в снегу.

Между тем Константин Сергеевич дошел до большого дома, похожего на старинную русскую усадьбу. По обе стороны расположились хозяйственные постройки, коровник, слышалось ржание лошади.

«Слава богу, — подумал Ярков, — в этой усадьбе есть лошади...»

Из подъезда выбежали две худые остромордые гончие, повертелись вокруг незнакомца, обнюхали его и убежали. Ярков толкнул входную дверь, очутился в просторном холле. Сверху раздался женский звонкий голос, спрашивавший что-то по-фински. Консул снял шапку и громко произнес: «Хювя пйива!» («Добрый день!»)

По лестнице спускалась очень полная, немолодая уже женщина. Ее маленькие, очень яркие голубовато-зеленые глаза с любопытством рассматривали пришельца.

— Хювя пйивя! — повторил Константин Сергеевич, затем развел руками и покачал горестно головой: «Авто ай-яй-яй, какси тпру-у-у».

Женщина уже спустилась вниз. Константин Сергеевич был поражен, с какой легкостью она

несла свое очень грузное тело. Услышав монолог, в котором было только одно-единственное финское слово «какси» (два), она все поняла и принялась хохотать. Голос у нее был звонкий, смеялась она незлобиво, искренне, стараясь сцелить кисти своих маленьких рук на огромном туловище.

Насмеявшись вдоволь, она протянула ему пухлую, как у ребенка, руку.

— Вы — русский? — после некоторого колебания спросила она по-русски.

— Совершенно верно. Русский. Советский консул.

— О, я очень рада познакомиться с вами. Меня зовут Сонни Тервапя. Я затрудняюсь в русском. На каком языке вы говорите?

— На английском, немецком.

— В таком случае будем говорить по-немецки. Итак, как я понимаю, с вашей машиной произошла авария и вам нужны две лошади, чтобы вытащить ее и доставить ко мне во двор. А я буду иметь удовольствие видеть у себя за обедом советского консула.

Константин Сергеевич пытался отговориться, но понял, что это невозможно.

— Я не один, со мной дама.

— Тем лучше. Эйно-о-о! Эйно-о-о! — Голос мадам Тервапя серебряным горошком прокатился по анфиладе и был слышен, очевидно, во всех уголках усадьбы.

Из боковой двери вышел юноша.

Мадам Тервапя стала быстро говорить с ним по-фински. Константин Сергеевич понял только одно слово — «консул».

— Эйно все организует и доставит сюда вашу даму в машине.

— О нет. Свою жену я должен сопроводить сам. Благодарю за приглашение, но мы оба в спортивных костюмах.

— У меня без дипломатического протокола. Очень прошу вашу супругу не отказать мне в удовольствии познакомиться с ней.

Эйно вывел из конюшни рабочую лошадь, прицепил к хомуту некое подобие рамы на длинных ремнях.

Консул вопросительно посмотрел на него и показал два пальца: нужны две лошади.

— Это конь очень сильная, — сказал Эйно по-русски. — Она тащит ваш авто.

— Вы говорите по-русски? — удивился Ярков.

— Я говорю плохо по-русски, я хорошо уже понимаю и читаю. — Эйно с нескрываемым интересом и каким-то радостным чувством рассматривал своего спутника, поддерживая правой рукой за уздечку лошадь.

— Почему вы изучаете русский? — поинтересовался консул.

Эйно широко улыбнулся. Помолчал, как видно, вспоминая что-то, и произнес особенно торжественно:

— «Будь я и негром преклонных годов, и то без унынья и лени я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

— Ого! — воскликнул Ярков. — Вы и Мая-

ковского знаете. А что вы делаете в этом имении?

— Я — конюх. Бывший студент. Нищий студент, — добавил он.

— С кем же вы занимаетесь русским языком?

— С русским мальчик. Он финн. Он изучает меня по-русски, я изучаю его по-фински.

— Надо сказать: «Я учу его, он учит меня», — поправил Ярков.

— Вот слышите, как я еще очень плохо говорю, — огорчился Эйно.

— Я хотел бы так уже говорить по-фински, а не объясняться на пальцах. Как зовут вашего учителя? — спросил Ярков.

— Вяйно Туоминен.

Константин Сергеевич вспомнил юного пионера Ваню Туоминена, внутренне порадовался, что Ваня, кажется, нашел себе верных друзей, которые изучают русский «за то, что им разговаривал Ленин».

Ирина прыгала возле машины, видно, застыла. Увидев, что Константин привел одну лошадь, рассмеялась.

— Bravo! — воскликнула она. — Но почему одна лошадь, на двух запаса слов не хватило?

— У этой лошади много лошадных сил, — ответил за консула Эйно.

— Ну, я понимаю, что с таким переводчиком ты мог договориться по любому вопросу, — заметила Ирина.

Константин Сергеевич передал жене приглашение мадам Тервапя пообедать у нее.

— Но в таком виде на обед к помещице?

— Она любезна и проста. И показалась мне очень интересным человеком... Отлично говорит по-немецки.

Эйно с помощью лошади вытащил машину на дорогу. Ярков поблагодарил Эйно, пожалел, что с собой нет никакого сувенира, а дать этому юноше «на чай» считал оскорбительным. Ирина поняла мужа. Она раскрыла свою сумочку, вынула из нее записную книжку в кожаном футляре, на котором был вытиснен вид Кремля, сняла обложку и протянула ее Эйно.

Юноша вспыхнул от удовольствия.

— Это очень дорогой для меня сувенир, — сказал он.

Ярков просил передать Ване Туоминену привет от советского консула.

— Он будет очень рад, — ответил Эйно. — Я его сегодня увижу.

Сонни ждала гостей в вестибюле. Она успела сменить обширный халат на темно-зеленый костюм, отчего ее изумрудные глазки сверкали еще ярче. Ирина отметила, что на безбровом лбу, очевидно, по памяти, были нарисованы коричневым карандашом брови, причем одна выше другой. Пудрилась мадам Тервапя тоже, по видимому, без зеркала, иначе она смахнула бы со своего задорного короткого носика излишек пудры. Высокий лоб, гладкие седые волосы, собранные сзади в пучок, придавали ей величавый вид.

— О, какая очаровательная снегурочка! —

воскликнула она, протягивая руку Ирине. — Кажется, я вас знаю. Вы — журналистка?

И Ирина вспомнила, что встречала эту тучную звонкоголосую даму на каких-то журналистских приемах, видела ее на пресс-конференциях.

— Я тоже балуюсь журналистикой, — подтвердила мадам Тервапя, — пописываю фельетоны, из которых изымают всю приправу и они становятся пресными, как клейстер.

Гости очистились от снега, сняли головные уборы, шарфы.

— Пока накрывают на стол, я покажу вам свой дом.

Дубовые стены высокого вестибюля были украшены рогами оленей, чучелами птиц. В камине ярко пылали дрова. Было тепло, уютно.

Из вестибюля широкая лестница с деревянной резьбой вела вверх, а прямо открывалась анфилада. Гостиная наноминала гостиную в доме Лариных из «Евгения Онегина», как ее показывают в Большом театре. Белые колонны, по левую сторону окна, попеременно с зеркалами, в правом углу белый рояль, по правую сторону вдоль стены диваны, кресла, обтянутые светлым шелком. На стене против окон несколько хороших картин. За гостиной следовала чайная комната, отделанная зеленым шелком, затем курительная, где между медными курительными столиками стояли карточные столы, дальше шла библиотека и заканчивалась кабинетом хозяйки. Ирина задержалась в библиотеке. Она была многоязычной и говорила о разносторонних интересах хозяйки. В простенке между книжными шкафами висел портрет мадам Тервапя. Здесь ей было едва ли восемнадцать лет, и все же можно было узнать в этой тоненькой девушке с большими изумрудными глазами, с оголенными плечами в бальном платье, отделанном кружевом, лентами, с тонкой талией — мадам Тервапя. Но Ирине показалось, что на портрете она очень кукольна, зеленые глаза бездумны. А сейчас, хоть и утонули они в оплывшем лице, они были по-человечески мудры, ироничны и проницательны.

— А вот мой русский шкаф, — показала мадам Тервапя. — Я, как и все финны моего поколения, читаю по-русски, хотя говорю я еще плохо.

Большой шкаф был заполнен русской классикой. Из современных писателей Ирина заметила книги только Горького и Маяковского.

— Эти книги сейчас пожирает мой конюх Эйно. Здесь у меня изящная словесность, или, как вы теперь говорите, художественная литература. Ленин и Плеханов у меня в философском отделе. Хотя здесь есть книжечка, составленная Владимиром Ильичем Лениным.

Мадам Тервапя сняла с полки небольшую книгу в красном переплете и протянула Ирине.

Ирина отвернула переплет.

— Но это же Пушкин! Избранные произведения для детей школьного возраста.

— Значит, вы не знаете этой книги. Читайте дальше, ниже.

Ниже рукописной вязью было напечатано:

«Составитель В. Ленин. Биография А. Ульянова. Издательство П. Сытина, С.-Петербург, 1913».

Ирина подозвала Константина, он в это время осматривал полки со словарями, к которым имел пристрастие.

— Посмотри, какое поразительное совпадение имен: Пушкин — Ленин — Ульянов. Но Владимир Ильич никогда не пользовался псевдонимом «В. Ленин», а только «Н. Ленин».

— Совершенно верно, — подтвердил Ярков, — и брат его Александр Ульянов погиб, когда ему едва исполнилось двадцать один год. Круг его интересов был в области естествознания, а не литературоведения.

Мадам Тервапя откровенно призналась, что она разочарована. Она считала, что обладает редкой книгой, составленной Владимиром Ильичем Лениным.

В библиотеку вошла тоненькая девушка, имеющая большое сходство с мадам Тервапя. Поздоровалась, сделала книксен.

— Это моя дочь Хелена, — представила ее хозяйка.

Девушка сказала матери что-то по-фински.

— Пожалуйста, говори по-немецки, — предупредила ее мать. — Советский консул, господин Ярков, не знает финского, хотя сумел объясниться со мной. «Какси тпру-у-у», — повторила Сонни и залилась смехом.

— Прошу к столу, — сказала она.

Прошли в столовую. Стол был сервирован на шесть человек.

— А где же Вилли и его гость? — спросила хозяйка.

— Я их звала, — ответила Хелена. — Открыла комнату Вилли и еле разглядела их в табачном дыму. Они сидят и, как всегда, чего-то обсуждают, чего-то пишут.

— Вилли — мой дальний родственник, а в гостях у него ваш коллега, германский консул.

Яркова мало устраивало обедать так запросто в домашней обстановке с германским консулом Вебером. Они были знакомы, нанесли друг другу визиты вежливости, встречались на официальных приемах. В Германии велась истерическая антисоветская кампания, которая захлестывала и Финляндию, и консул Вебер в нагнетании антисоветской атмосферы играл здесь не последнюю роль. Он, по всем признакам и по мнению Ирины, связанной с журналистскими кругами, дирижировал кампанией против Антикайнена. «Любопытно, — думал Ярков, — что же связывает этот дом, на первый взгляд вполне демократический, с германским консулом?»

В столовую вошли двое мужчин. Вебер был близорук, носил очки с толстыми стеклами, отчего его глаза казались непомерно большими и незрячими. Вилли был высокий молодой человек, лет двадцати пяти. Он был альбиносом, и белые длинные ресницы придавали ему сонный вид.

Вебер с изумлением, граничащим с испугом, уставился на Яркова.

— Вот уж не ожидал встретить вас здесь.

Я не знал, что вы знакомы, — тоном упрека обратился Вебер к Вилли.

Вилли пожал плечами.

— Нас привел сюда несчастный случай, — холодно сказал Константин Сергеевич, здороваясь с консулом и Вилли.

— Усаживайтесь, господа, — пригласила Сонни, — и кстати, о несчастных случаях. Вы читали на днях в газетах об ужасной автомобильной катастрофе, в которой погибло сразу четверо? Это ужасно. А двухлетняя девочка, которая вышла на балкон, пролезла между железных прутьев и шагнула прямо на улицу?

— Маме не удастся ограничить разговор делом происшествий, — шепнула Хелена Ирине. — Разговор обязательно перейдет на политические темы. А я страсть не люблю политики, меня больше интересует спорт, танцы, музыка, театр.

Обилие всяких закусок — дань шведскому столу — отвлекли временно интерес от дорожных происшествий. Хозяйка предлагала отведать домашней ветчины, карпов, запеченных в тесте, паштет из гусиной печени, какое-то хитрое блюдо из салаки. Все было добротно, вкусно.

— Пожалуйста, сливочное масло, — пододвинула мадам Тервапя Веберу хрустальную вазочку, наполненную кусочками охлажденного масла, нарезанного в виде ракушек. — Это масло от моих коров. Такого в магазине не найдете, хотя финское масло славится во всем мире.

— В нашей бедной Германии вообще нет масла в магазинах, — заметил Вебер.

— Да, да, — вздохнула мадам Тервапя, — бедные немцы израсходовали все масло на пушки.

— Абер, танте! — возмущенно произнес Вилли.

— Я цитирую господина министра Геринга. Не так ли, господин консул? — спросила хозяйка Вебера, наивно округлив свои изумрудные глазки, и, обратившись к Вилли, добавила:

— А тебе, мой мальчик, следовало бы знать такие гениальные изречения, как «пушки вместо масла». Это придумала не я, а господин Геринг. Я бы до этого никогда не додумалась: продать коров и вместо них купить пушки. Что бы я стала с ними делать? Поставить их в коровник? Я думаю, господин Геринг имеет в виду найти для пушек другое применение.

— Германии нужны пушки, чтобы оградить себя от красной опасности, — внушительно ответил Вебер.

— Старая песенка, — заметил Ярков. — О какой красной опасности вы говорите? О шести миллионах немцев, которые на выборах в рейхстаг в ноябре тридцать второго года отдали свои голоса за компартию?

— С ними мы расправились, — цинично заявил Вебер. — Загнали в лагеря, посадили в тюрьмы. Внутри страны мы навели порядок. Нам нужно навести такой же порядок в Европе.

— Порядок? — язвительно переспросил Ярков.

— Ужасно, что вы говорите, — замахала руками Сонни Тервапя. — Я не умею мыслить масштабно, — сказала она, — но представляю себе, что какой-то мой сосед явился бы ко мне и заявил, что ему не нравится порядок в моем доме и стал бы здесь хозяйничать. Что мне оставалось? Покориться? Нет. Я выгнала бы его. Но в переводе на Европу это означает войну? Да?

— Мы не скрываем своих планов — очистить землю от коммунистов и создать Великую Германию.

— Ставка на захват чужих территорий, на войну? — уточнил мысль Вебера Ярков. — Мы также не скрываем своих планов — всеми доступными мерами и средствами бороться за мир. Советская власть в первый час своего существования объявила программу мира, которую мы свято соблюдаем.

— Но вы пытаетесь разжечь во всем мире пожар революции. Делаете ставку на мировую коммунистическую революцию.

— И чего вам все пожары да костры мерещатся, — развела пухлыми руками мадам Тервапя.

— Теперь всему миру известно, что пожар рейхстага вы устроили сами, пытаетесь обвинить в этом Коммунистический Интернационал. Георгий Димитров убедительно доказал это и опроверг ваше обвинение. Даже ваш собственный суд был вынужден его оправдать, — вставила свое слово Ирина.

— Да, — подтвердила Сонни, — на Димитрове вы обожглись и теперь раздуваете какой-то костер вокруг дела Антикайнена. Хотите взять реванш?

— Мне об этом ничего неизвестно, никакого Антикайнена я не знаю, — раздраженно ответил Вебер, нервно вытирая салфеткой рот.

— Разве вы не читаете своих газет? — удивилась Ирина.

— А чего вы с Вилли все говорите об Антикайнене и обсуждаете, как доказать, что Антикайнен сжег кого-то на костре? — наивно спросила Хелена.

— Что ты выдумываешь небылицы? — сердито вскинул белые ресницы Вилли на свою кузину.

— С балкона моей комнаты слышно все, о чем вы говорите, — настаивала Хелена.

Вебер, откинувшись на спинку стула, принялся громко смеяться.

— О, эти женщины! Фрейлен Хелена слышала, как мы говорили с Вилли о том, каким способом зажарить кабана на костре, которого мы недавно убили на охоте.

— Хватит политики, — капризно сказала Хелена. — Эти разговоры портят аппетит.

— Я предлагаю тост за мир, за жизнь без страха, за первоклассное сливочное масло, масло для всех, — подняла бокал Сонни Тервапя.

— И давайте продолжим обед под музыку, — предложила Хелена. Она подошла к радиоприемнику «Телефункен», покрутила деревянные шишечки, поймала музыку.

Красные цветы

Кто не знает в рабочем районе Сёрнес старого, неуклюжего, деревянного дома, похожего на пароход. Он трехэтажным носом вздыбился на углу 6-й и 7-й линий, а кормой зарылся в землю. В одной из комнат этого обширного дома-казармы вот уже много лет обитает семья Антикайнен. В Сёрнесе хорошо помнят обойщика мебели старого Йохана Антикайнена. Добродушный, неторопливый в суждениях, спорый на работу, он слыл искусным мастером, образцовым семьянином и был рабочей совестью Сёрнеса, старейшим членом социал-демократической партии. Он одним из первых записался в Красную гвардию и встал в ряды финских забастовщиков, когда в России вспыхнула революция 1905 года.

Он со своим братом Оскаром и другими финскими рабочими поспешил на помощь русским матросам, восставшим в Свеаборгской крепости против царизма. Йохан рано ушел из жизни.

И, конечно, все знают его жену, тетюшку Оттелиани, мать восьмерых детей, такую маленькую и хрупкую на вид, но с железной волей, любящей шутку, острое словцо, но в строгости и трудолюбии воспитавшей детей. Не только к трудовой жизни, но и к борьбе готовили супруги Антикайнен своих детей. Йохан и Оттелиани сами приводили одного за другим всех четырех сыновей и четырех дочерей в социалистическую детскую организацию, чтобы воспитать в них бойцовские качества, физическую закалку. Это пригодилось. Пятеро старших детей стали участниками финляндской революции 1918 года. И, слава богу, уцелели, хотя познали и аресты, и тюрьму, и лагерь. Но вот Тойво... Милый Тойска, как звали его в семье...

Тетюшка Оттелиани лежит в кровати и неотрывно смотрит на портрет своего Тойски. Он в черной бурке, в белой мохнатой папахе. Так похож на нее, на мать, словно это тетюшка Оттелиани в молодости нахлобучила себе на косы мохнатую шапку. Это ее сын, ее гордость, ее боль. Восемнадцать лет был в борьбе, в бою, всегда на переднем крае. Судьба хранила его и от вражеской пули и от ареста. А вот теперь в тюрьме...

За восемнадцать лет только раз видела его. Материнским сердцем чувствовала, что где-то он здесь, в Финляндии, рядом. Как-то в осеннюю ночь 1928 года Тойска, стосковавшись по матери, пришел к ней. Мать обхватила его, сидела молча, слушая, как бьется его сердце. «Трудно тебе, Тойска?» — спросила мать. «В борьбе не бывает легко, мама». «Зачем пришел, ведь ты рискуешь жизнью». «Пришел, чтобы выпить чашечку кофе, — рассмеялся Тойво, — а жизнь, что ты дала мне, мама, я попусту не трачу». На прощание обнял мать и чувствовал, как она усыхает, становится тоньше, меньше, углубившиеся глаза смотрят нежно и скорб-

но. Долго не отпускал рук от матери Тойво, понимая, что видит ее в последний раз.

— Вот теперь я уж и не жду тебя, — разговаривает с портретом сына мать. — За решеткой ты. А до сих пор все прислушивалась к шагам по коридору. По вечерам часами стояла у дома на улице, все думала, что, может, пройдешь мимо. Больна я и стара, милый Тойска. Восьмой десяток идет. И так мало сил. Но силы нужны тебе. Ох, как нужны, Тойска! Один ты против полчища врагов. Смерти они твоей жаждут. Но тебя и смерть не сломит. Знаю я. И знаю, что любят тебя люди добрые, простые, трудовые. Так же, как я, гордятся тобой. И меня не оставляют, потому что я твоя мать.

Возле тетюшки Оттелиани всегда люди. Если бы небольшая комната могла вместить тысячи рабочих Сёрнеса, они бы пришли сюда, к матери Тойво Антикайнена.

Вот и сегодня после рабочего дня пришли несколько человек. Сидят у постели больной тетюшки Оттелиани, рассказывают, как отважно борется ее сын за рабочую правду. Прокурор на суде заявил, что Тойво Антикайнен свыше двадцати лет ведет преступную деятельность, начиная с Сёрнеса.

Кузнец Кай разворачивает газету.

— Вот послушай, тетюшка Оттелиани, что ответил прокурору твой сын, наш Тойво: «Да, там в Сёрнесе, в многодетной рабочей семье, классовый инстинкт проник в мою плоть и кровь. За свою деятельность я ответствен перед пролетариатом Финляндии, перед его коммунистической партией».

Тетюшка Оттелиани привстает с подушек, глаза ее оживляются.

— Да, это правда. Тойске было восемь лет, когда он стал юным социалистом и был в организации заводилой.

— Был первым учеником в школе, — говорит Урхо, однокашник Тойво.

— До школы он успевал еще прирабатывать. Семья-то большая, заработка Йохана не хватало. Так Тойска еще затемно бежал продавать газеты, — вспоминает тетюшка Оттелиани.

Ее перебивает несколько голосов.

— Не только продавал, а бывало, бежит по улицам и кричит во все горло: «Русский царь расстреливает рабочих!», «Всеобщая забастовка в Санкт-Петербурге», «Долой русского царя, угнетателя Финляндии!». В девятьсот пятом году это было.

Тетюшка Оттелиани улыбается.

— Это отец учил его быть агитатором. Случалось, что ленсман за ухо приводил Тойску домой и строго выговаривал Йохану, что если его сын будет на улице кричать непотребные слова, то отцу не миновать тюрьмы. Йохан только посмеивался.

— Я был у Тойво в помощниках, когда он стал руководителем детской социалистической организации, — рассказывает кузнец Кай. — Тойво было шестнадцать лет, а он сумел организовать двадцать тысяч ребятшек. Мастер был на всякие затеи, спортивные состязания, но

Не хотелось расставаться с этой комнатой, в которой они словно повидались с Ильичем.

во всем у него был смысл, чтобы ребята росли сознательными, дружными. Как же любила его молодежь!

— И это ему в вину на суде поставили, — замечает кто-то.

— Главное, не могут ему простить участия в финляндской революции, — говорит старик Паво, — и в гражданской войне по защите молодой Советской республики. Судья назвал его «красным генералом», а Тойво ответил: «Я с гордостью принял бы такое звание».

Тетушка Оттелиани просит дочь Тойни:

— Достань-ка из комода фотографию Тойски, ту, где он в форме красного командира.

Тойни подает фотографию.

На ней Тойво молодой, стройный, в длинной шинели с тремя косыми полосками на груди, в буденовке, на боку шашка, на правом рукаве

нашивку с пятиконечной звездой и тремя кубиками. На груди орден Боевого Красного Знамени.

Карточка переходит из рук в руки.

— А что означают эти три квадратика на рукаве? — спрашивает соседка Тайми.

— Это что-то вроде старшего лейтенанта, — поясняет Кай.

— Орден Боевого Красного Знамени ему сам Калинин вручил, — говорит Тойни. — Этим орденом награждали героев. Тойво очень дорожит этой наградой.

Оттелиани откидывается на подушки, слабыми руками натягивает одеяло. Устала.

— Будь спокойна, тетушка Оттелиани, за Тойво рабочие всего мира.

Люди расходятся, бесшумно закрывая за собой дверь. С матерью остается старшая дочь Тойни. Утром она идет на работу, а ее сменяет сынишка соседки Тайми. Он принес бабушке свежий пеклеванный хлеб с сыром. Оттелиани просит парнишку сбежать в киоск, купить газеты. Что-то скрывают от нее люди, чего-то недоговаривают. Мальчик приносит газеты, подает очки. Оттелиани читает страшные строчки: Антикайнена обвиняют как уголовного в убийстве, в сожжении какого-то белофинна на костре. Досужий журналист объясняет, что такое преступление карается смертной казнью.

Буквы прыгают, краснеют, накаляются, кровавыми ручейками растекаются по бумаге. Стиснула Оттелиани газету обеими руками, тихо охнула. Испугался мальчик побелевшего лица бабушки, побежал за матерью. Собрались соседи, вызвали врача...

...В камеру к Антикайнену вошел адвокат. Он был взволнован. Тойво заметил его смещение.

— Не беспокойтесь, уважаемый! Я приму любой приговор с высоко поднятой головой. Я понимаю, что они решили уничтожить меня физически. Я им страшен. Но я-то их не боюсь. Они бессильны казнить правду, казнить идею.

— Господин Антикайнен, я пришел к вам с горестной вестью. Ваша матушка...

— Неужели? — побелевшими губами прошептал Тойво.

Адвокат склонил голову.

«Моя милая, бедная мама. Великая мученица и самая добрая мать на свете. Как бы я хотел поцеловать с благодарностью твои застывшие руки. Я навсегда запомню их теплыми и ласковыми. Не выдержала. Это они тебя убили». — Тойво сидел, закрыв лицо руками, покачиваясь из стороны в сторону.

— У меня к вам просьба, господин адвокат, — поднял он наконец голову. Глаза его были сухи, только глубже запали, и в них была нестерпимая боль. — Я очень прошу передать моей сестре Тойни небольшое письмо, я его сейчас напишу.

— Охотно выполню вашу просьбу, этого требует простая гуманность, — ответил адвокат.

...Сёрнес и столица Финляндии не знали подобных похорон.

Гроб с телом матери Антикайнена несли на руках через весь город, и прах Оттелиани был, как знаменем, покрыт красными гвоздиками.

Многотысячная вереница людей в скорбном молчании провожала в последний путь мать своего Тойво. В палисадниках и на подоконниках Сёрнеса не осталось красных цветов... Люди несли в руках розы, яркие соцветия герани, букетики скромных полевых гвоздик, мальв и алые маки.

Цветы!

Самое совершенное, гармоничное и чудесное творение природы — цветы.

Человек избрал цветы как символ бескорыстия и чистых помыслов, добра и радости, любви и дружбы, благодарности и почитания. Цветы — первые посланцы любви. Цветами встречают появление на свет нового человека. Цветы — знак дружбы и почитания. Цветами встречают победителей, никогда — врагов. Цветами провожают в последний путь дорогого сердцу человека.

Несчастен и обездолен тот, кто не познал трепетного волнения при виде первого подснежника, мохнатой сережки орешника, не погрузил хоть раз лицо в душистые, обрызганные росой гроздь черемухи, не испытал ликующей радости от разноцветья трав, не был взволнован очарованием цветущих яблонь.

Цветы прекрасны, хрупки и недолговечны.

Но когда красные цветы вздымают вверх тысячи рук, они становятся знаменем, становятся оружием.

Ваня Туоминен, шагая рядом с Эйно, тоже нес букетик красных маков, которые в изобилии росли по опушке леса. И, проходя сквозь строй полицейских, Ваня понял, что красные цветы страшат их, что они готовы вырвать их из рук и втоптать сапогами в грязь.

За гробом тетушки Оттелиани несли два больших венка. Один из красных роз. На алой ленте золотые слова: «Прощай, родная, последний привет тебе из-за тюремной решетки. Мама, на этом твоя борьба закончена. Твой сын Тойво».

На другом венке надпись: «От единомышленников Тойво его отважной матери».

На центральной улице кто-то в передних рядах поднял руку с красным букетом, и вся колонна вдруг превратилась в красное длинное полотнище.

В охранке неустанно трещал телефон. Что делать? Знамен нет. Лозунгов нет. Красных транспарантов не несут. Но все с букетами цветов и все цветы — красные. Это же вызов. Настоящая демонстрация.

Но напрасно листают всякие уставы и наводят у юристов справки. Нет, цветы, пусть и красные, никакими самыми жестокими реакционными законами не запрещены.

На кладбище был послан усиленный наряд полиции.

Гроб с телом тетушки Оттелиани был ограж-

ден прочным заслоном почетного караула рабочих.

Старый Кай, участник финляндской революции, много лет проведенный в тюрьме, взял из рук рыдавшей Тойни листок бумаги.

— Дорогие товарищи, — глуховатым голосом обратился он к рабочим. — Мы прощаемся с матерью нашего любимого мужественного борца Тойво. Первое слово я предоставляю ему. — Старик вынул из нагрудного кармана очки, развернул листок и стал читать:

— Друзья! Мою мать сегодня несут в могилу... Закат ее жизни мог быть светлее. Она перенесла в своей жизни многое. Живя в бедности, обремененная многочисленной семьей, она мужественно отдавала ей все свои силы. Положите на гроб от меня красные цветы. Я хочу, чтобы все знали, что моя мать была воодушевлена теми же идеями, что и я. Она одобряла мою жизнь и мой путь борьбы за дело трудящегося народа, за которое я теперь сижу в этой тюрьме.

Пааво сложил листок и спрятал его в карман.

— Мы выполнили волю отважного сына отважной матери. Провожаем ее красными цветами и перед открытым гробом дорогой Оттелиани торжественно обещаем вести борьбу за наше правое дело так, как ее ведет Тойво. Спасибо тебе, дорогая Оттелиани, за то, что ты подарила нам такого сына.

Гроб с телом тетушки Оттелиани опустили в могилу. Огромный холм красных цветов возник над ней.

Ветер осторожно перебирал алые лепестки.

ГЛАВА 15

У сестер Винстен

Ирина и Константин, взявшись за руки, молча, в каком-то особо приподнятом настроении вошли в маленький двор, огороженный кустами цветущей сирени. Остановились. Старались представить себе, как тридцать лет назад, через эту же калитку, в осенний дождливый вечер по этим же каменным плитам шел Владимир Ильич Ленин. Завернул направо. Постучал в дверь...

...Дверь со скрипом раскрылась, и перед Константином и Ириной предстали две очень старенькие женщины. У обеих белоснежные волосы, валиком зачесанные вокруг головы, обе в очках, маленькие, толстенькие. У их ног вертелась белая кудрявая карликовая болонка. Откуда-то изнутри дома монотонный хриплый голос выкрикивал: «Свен, Карл, Юхан, комм хит!» (Свен, Карл, Юхан, сюда!).

Гости приветствовали хозяев по-фински, но выяснилось, что сестры Винстен говорят только по-шведски и по-немецки.

— Будем говорить по-немецки, — предложил Константин Сергеевич. — Мы советские люди, из

Москвы. Скажите, пожалуйста, у вас жил Владимир Ильич Ленин?

— О мейн готт! — разом испуганно воскликнули обе старушки.

— Тридцать лет мы ждем этого визита, — с каким-то отчаянием воскликнула старшая из них, — но, увы, время берет свое.

Ирина поняла это по-своему.

— Не беспокойтесь, все, что вы нам расскажете, без вашего разрешения опубликовано не будет.

— Мы очень хотели бы услышать подробности о пребывании у вас Владимира Ильича. Нас интересует все, что сохранилось у вас в памяти, — добавил Константин.

Сестры пригласили гостей зайти в дом.

Чистенькая квартирка со специфическим запахом старых вещей. Домотканые половички в коридоре, в гостиной, на крашеном полу потертый ковер. На диване, обтянутом парусиновым чехлом, ворох вышитых подушечек, на одной из которых сразу же устроилась болонка, сверкая из-под белых лохматых бровей черными любопытными глазками. Из соседней комнаты тот же хриплый голос продолжал выкрикивать: «Свен, Карл, Юхан, комм хит!».

— Это наш старый попугай, — пояснила старшая, — наш верный сторож. Он кричит, чтобы люди думали, что в доме у нас много мужчин. А мы всю жизнь живем вдвоем, — вздохнула она.

У окон на многоэтажных жардиньерках крохотные керамические горшочки с кактусами. В простенке между окнами пианино.

Уселись за круглым столом, покрытым плюшевой скатертью. Старшая многозначительно посмотрела на младшую сестру, — мол, разговор буду вести я.

— Господин Ленин жил у нас как инженер Петров. Мы не могли себе представить, что наш скромный квартирант — будущий премьер-министр России. Рекомендовал его нам магистр Владимир Смирнов, библиотекарь Гельсингфорского университета.

— Ты ошибаешься, Анна, — не утерпела младшая, — господин Петров пришел к нам с рекомендацией Виргинии Смирновой, матушки Владимира Смирнова.

— У меня отличная память, — строго заметила Анна. — А ты, Сонни, всегда все путаешь. И хотя это было тридцать лет назад...

— Двадцать девять с половиной, — поправила Сонни.

— Вы знали, что инженер Петров русский революционер? — спросил Константин Сергеевич.

— Догадывались, — ответила после некоторого раздумья Анна, перебирая руками, покрытыми старческими коричневыми пятнами, складки своего синего платья. — Но он не был похож на бунтовщика, о которых столько писали в газетах. Русская революция пятого года взволновала тогда весь мир. И какие только ужасы не рассказывали о революционерах. Но инженер Петров был весьма образован, вежлив, отлично говорил по-немецки, мог читать наизусть из Ге-

те, из Гейне и хорошо понимал музыку. Даже пел романсы.

— Под мой аккомпанемент, — добавила с гордостью Сонни.

— У нас был тогда белый шпиц, который очень приветливо относился к инженеру Петрову, а собаки очень хорошо разбираются в людях. Но к нашему огорчению, инженер Петров был равнодушен к нашей коллекции кактусов, пожалуй, даже не любил их.

— Он предпочитал полевые цветы, — вставила Ирина.

— Но у нас редкая коллекция кактусов. Например, вот этот. — Анна произнесла какое-то мудреное название по-латыни и указала на колючий серый шар, больше похожий на маленького свернувшегося ежа, чем на растение.

— Они очень колючие, и вид у них невзрачный, — откровенно заметил Константин Сергеевич, и сестры поняли, что все русские мужчины не понимают толка в кактусах.

— А чем же занимался у вас Владимир Ильич? Кто его навещал?

— Он с утра до ночи читал и писал. Утром мы покупали ему уйму газет — русских, английских, французских, немецких, шведских, которые он сразу просматривал. Иногда спрашивал значение незнакомого ему шведского слова. По-шведски он не говорил, но читал свободно. Магистр Смирнов приносил ему почти каждый день книги. Однажды к нему приезжала из Петербурга его жена. Очень милая интеллигентная женщина. Тоже вовсе не похожая на революционерку.

— Она просила нас делать для господина Петрова простоквашу и дала нам рецепт ее приготовления, — добавила Сонни.

— Вечером он ходил гулять, — продолжала свой рассказ Анна, — гулял ровно час. И снова садился за работу. Свет в его окне горел до поздней ночи, пока хватало керосина в лампе. Тогда у нас еще не было электричества.

— А где он жил? — спросила Ирина.

— Во флигеле, во дворе.

— Можно посмотреть?

— Извольте. Мы пойдем, а ты, Сонни, приготовь кофе и подай сахарные крендельки. Наше фамильное печенье, — пояснила хозяйка, — мы всегда подавали его к вечернему чаю господину Петрову.

— Когда же вы узнали, что инженер Петров — это Ленин? — спросила Ирина, привычно делая записи в блокноте.

— О том, что наш квартирант не инженер Петров, мы узнали через несколько дней, как он нас внезапно покинул. К нам тогда явился лейтенант финской полиции. Он спрашивал у нас, сколько времени жил у нас вождь русских большевиков Ульянов и куда он от нас уехал. Мы с сестрой объяснили, что у нас жил инженер Петров, а не Ульянов. Уехал внезапно, остался нам должен шестьдесят марок, которые на следующий же день прислал с курьером. Лейтенант составил протокол, мы с сестрой его подписали, и больше нас не беспокоили. Прошло десять лет.

Мы все ждали, что инженер Петров явится к нам, или пришлет кого-нибудь. В девятьсот семнадцатом году в России произошли революционные события. Однажды осенью я разворачиваю немецкую газету и читаю, что в Петербурге создано новое правительство, которое назвали советским. Во главе его Владимир Ульянов-Ленин. И его портрет, по которому я сразу узнала нашего квартиранта инженера Петрова.

— Я тогда давала урок музыки, — вспоминает Сонни, — в гостиную вбежала Анна, показывает мне газету и говорит: «Ты подумай, Сонни, у нас жил премьер-министр России Ленин, а его жена первая леди России дала нам рецепт простокваши». Мы тогда целый вечер проговорили об инженере Петрове.

Анна повела гостей к ветхому флигелю, который примостился у скалы в углу двора. Из темного коридора открыла дверь в комнату. От выросших деревьев в комнате был полумрак, лиловые кисти сирени льнули к стеклам. У окна письменный стол на двух тумбах, справа кафельная печка с медной почерневшей заслонкой, у другой стены два венских стула с продавленными плетеными сиденьями, железная кровать с завитушками. Половицы пола скрипели, прогибались под ногами, и тогда пугливо вздрагивали стулья.

Ирина начертила план комнаты, обозначила на нем мебель.

— Стол стоял тогда торцом к окну, — объяснила Анна. — Зима была очень холодная, и инженер Петров попросил разрешения самому топить печку. Он любил огонь, и когда я заходила приглашать его к ужину, он стоял, любовался на огонь и о чем-то думал. Говоришь ему: «Господин Петров, вас ждет ужин», а он не слышит, стоит и, заложив руки в карманы своей куртки, думает.

— Можно мы здесь немного посидим? — спросил Константин Сергеевич.

— Пожалуйста, а я пойду проверю, так ли приготовила Сонни кофе. Я избаловала свою малышку, она бережет руки, ведь она преподает музыку, а я даю уроки немецкого языка и веду наше хозяйство.

— А «малышке» Сонни далеко за семьдесят, — заметила Ирина, когда Анна ушла.

— Давай мысленно перенесемся в то время, помечтаем. Представим себе, как все это было, — предложила Ирина.

— Мне тогда было семь лет, — взволнованно сказал Константин. — Я был подпаском, сыном безземельного крестьянина. А Владимир Ильич здесь, за этим письменным столом, думал о моей судьбе, о судьбе многомиллионного крестьянства России. Писал здесь «Аграрную программу» социал-демократии. Решал судьбу многих поколений.

— И мою тоже, — сказала Ирина, — хотя меня тогда еще и на свете не было. Ты знаешь, у нас дома есть книга — первый том первого Собрания сочинений Ленина. Подписана псевдонимом «Вл. Ильин». Называется «За 12 лет». Вышла в свет в конце 1907 года. И сейчас эта

книга осветилась для меня особым светом. Здесь, в Финляндии, Владимир Ильич написал к ней предисловие, редактировал сборник. Сюда в эту комнату, привезла Надежда Константиновна эту книгу, только что вышедшую из печати. Владимир Ильич, наверно, просиял от радости, держал в руках эту книгу, листал ее, еще пахнущую типографской краской. А Надежда Константиновна, наверно, стояла и медлила сказать ему, что на книгу уже наложен арест, что против ее автора прокурор возбудил судебное преследование, что царская охранка разыскивает Ленина. Владимир Ильич листает книгу и не знает, что ее уже сжигают в печах охранки и что рабочим удалось спасти часть тиража. Этой книгой Владимир Ильич утверждал и развивал главный тезис своего учения — необходимость установления диктатуры пролетариата.

— Да, — сказал Константин Сергеевич, шагая по комнате, — мы все сейчас воспринимаем, как само собою разумеющееся. Советская власть — как же иначе? В нашей стране нет помещиков и капиталистов? Естественно. Каждый имеет право на образование? Звучит банально. А я отлично помню время, когда в нашей стране было семьдесят процентов безграмотных. Нет безработицы? Законно. А ведь, страшно подумать, могло быть иначе. Могло! Если бы не несокрушимая воля и вера Ленина. И в тот, 1907 год, когда революция была разгромлена, интеллигентики бежали из партии, отрекались от революции, оставили рабочий класс один на один с царизмом, звали спрятаться в подполье, притаиться, распустить партию, отнять у рабочих надежду на победу. Почему-то принято говорить, что Ленин находился в подполье. Какая ерунда. Ленин жил в нелегальных условиях, вел титаническую борьбу за соби́рание сил партии, рабочего класса, готовился к новому приступу. И свято верил в победу.

А что было бы с Финляндией без победы Октябрьской революции? Была бы если не «Великим княжеством финляндским», то просто-напросто русской колонией. И как же старается буржуазия, чтобы финский народ забыл, что Ленин был первым обличителем русского царизма, когда в 1901 году царь Николай II нарушил клятву уважать конституцию Финляндии. А Ленин торжественно обещал, что после победы русского рабочего класса Финляндия получит самостоятельность, о которой финский народ мечтал более семи столетий. И из рук Ленина финны получили право на самостоятельность.

— Из этой маленькой комнаты Ленин видел наше будущее. — Ирина ходила по комнате, притрагивалась руками к холодным изразцам печи, к стенам, бралась за ручку двери. — Надежда Константиновна в своих воспоминаниях пишет, что отсюда Владимир Ильич ушел во вторую эмиграцию, шел по льду Ботнического залива и чуть не утонул. Хорошо бы восстановить этот путь, самим пройти по шхерам.

— Мы это обязательно сделаем, — откликнулся Константин.

Пора было идти к хозяйкам в дом, а так не

хотелось расставаться с этой комнатой, в которой они словно повидались с Ильичем.

Хозяйки ждали за столом.

Анна налила кофе и сказала:

— Ну, а теперь поговорим о главной цели вашего визита к нам. Вы пришли за пиджаком?

Константин и Ирина недоумевающе посмотрели на Анну.

— О каком пиджаке вы говорите? — спросил Константин Сергеевич.

— О люстриновом.

— Не понимаю.

Сестры переглянулись.

— Но ведь инженер Петров, то есть премьер-министр Ленин забыл у нас свой люстриновый пиджак, в котором он всегда работал, — сказала Анна.

Константин Сергеевич вскочил с места.

— Так где же он?

— Увы, — вздохнули сестры.

— Мы должны вас огорчить, — продолжала Анна, — пиджак и тогда был уже не новый. Супруга Ленина штопала на локтях протертые места. Инженер Петров в нем работал, а когда приходил к обеду или ужину, то снимал его, вешал на крючке за дверь и приходил в приличном темном костюме. Уехал он внезапно, и мы обнаружили пиджак дня через два-три, когда стали с Сонни убирать комнату для нового квартиранта. Мы ждали, что господин Петров сам придет за ним или пришлет кого-нибудь. Ведь прислал же он нам шестьдесят марок. Мы хранили пиджак в сундуке, каждое лето вывешивали его во дворе, пересыпали нафталином. Когда узнали, что господин Петров стал премьер-министром Лениным, хотели даже написать ему, но не посмели. — Анна тяжело вздохнула.

— Три года назад, — продолжила рассказ Сонни, — я вынесла его сушить, и он на веревке разорвался пополам и буквально расползлся в руках. Пришлось продать его старьевщику. За три марки. Вот, пожалуйста, получите. — Сонни открыла бисерный кошелек.

Константин и Ирина сидели ошеломленные. Опоздали на три года!

Ирина отвела руку Сонни, протянувшую ей три марки.

— Вы считаете, что мы продешевили? — спросила Анна.

— О, мы отдали бы за этот пиджак все, что имеем, — горячо ответил Янков.

— Даже за такой старенький? — наивно удивилась Сонни.

— Это же ленинская рабочая куртка. На ней сохранились складки на сгибах рук, штопка Надежды Константиновны! — воскликнула Ирина.

— Может быть, вы знаете адрес этого старьевщика? — как за соломинку схватился за обнадеживающую мысль Константин Сергеевич.

— О, нет. Это был бродячий старьевщик с мешком за плечами...

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Делу Ленина верны!

«Пионеры всей страны делу Ленина верны!». Таков девиз твоего Марша. Осознаешь ли ты высокий смысл этих слов? Умеешь ли своими делами и поступками подтверждать свою готовность служить делу Ленина, выполнять заветы Ленина?

На страницах «Пионера» собрались ребята из разных уголков нашей страны. Познакомились и подружились они во Всероссийском пионерском лагере «Орленок». Нам хотелось бы, чтобы ты и твои друзья включились в разговор о том, как увереннее шагать маршрутами Всесоюзного Марша пионерских отрядов, как лучше подготовиться к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Олег Кошель, г. Нарьян-Мар.

Я думаю так: выполнять заветы Ленина — значит не оставаться в стороне от дел, которыми живет твой народ, стараться быть нужным людям.

Сейчас взрослые, каждый на своем рабочем месте, стремятся выполнять свою работу с высоким качеством. Наша работа — это наше учение. Тот из нас, кто делает все, что от него зависит, чтобы учиться как можно лучше, мне кажется, и выполняет главный завет Ленина, обращенный к нам, ребятам.

Таня Егорова, г. Вязники Владимирской области.

Хорошо сказал Олег. Только я так считаю: будь ты трижды отличник, если ты никогда никому не помог и дела товарищей тебя не касаются, не понял ты в заветах Ленина очень важного. В пионерском отряде мы должны научиться болеть за общее дело, быть равнодушными к тому, что происходит с твоими товарищами. «Один за всех, все за одного» — это не слова, это закон нашей жизни. Жаль, что еще случается так: в целом отряд может гордиться своей учебой и своей пионерской работой, а вот один или два человека или даже группка ребят как бы в стороне от этого. Их вроде бы это не касается. Отряд сам по себе, а они сами по себе. Бывает так?

Алик Бенгард, х. Верхний Гнутов Волгоградской области.

Бывает, конечно. У нас, например, бывает.

Но нам лично всегда удается таких ребят заинтересовать общим делом. И выполнять мы его стараемся все вместе. Всегда нашему колхозу помогаем. В этом году очень большой урожай помидоров, и мы помогали их убирать. Организовали соревнование, и наш отряд первое место занял. Заработанные деньги в Фонд мира отправили.

Люда Яргунова, поселок Мундыбаш Кемеровской области.

А мы недавно собирали сосновые шишки, чтобы были семена для саженцев. Однажды пришли в лес, а там столько снега — не пройти. Но мы все равно не ушли обратно, пока не набрали столько, сколько наметили. Один мальчик не захотел вместе с нами собирать сосновые шишки. Ему больше хотелось тогда кататься на лыжах. И наши слова на него совсем не действовали. Вот когда классная руководительница сказала, что заставит его вне очереди дежурить по классу, тогда он эти злополучные шишки принес.

Толя Витте, г. Волгоград.

Может быть, так случилось потому, что вы все не смогли ему одной важной вещи объяснить. Когда ребята собирают шишки, металлолом или макулатуру, или помогают колхозу, главное, чтобы все понимали: они участвуют в общем, нужном деле. Главное, чтобы именно такое чувство у человека появилось. Дело не в шишках. Без них в конце концов страна обойдется. А вот если вырастет человек, которому на общее дело наплевать, это плохо.

Андрей Нейжко, село Н.-Каменка Алтайского края.

А у нас таких ребят, что от отряда в стороне, на совет отряда вызывают и на совет дружины. И ничего не помогает.

Оля Рогулева, г. Белгород.

Значит, авторитета нет у ваших советов. Есть еще такие ребята в наших пионерских советах, которые любят командовать, видят недостатки только у других, не умеют говорить тактично. Например, человек плохо учится оттого, что предмет трудно дается. К нему бы по-доброму отнестись, а его начинают осуждать. Я со своей подружкой поссорилась из-за того, что она все время говорила обидные слова одной нашей од-

нокласснице. Я сказала тогда ей, что у каждого человека есть какие-нибудь недостатки и надо помогать ему их исправлять, а не смеяться над ними.

Надя Утробина, поселок Горьковка Тюменской области.

В совет отряда, дружины надо думать, кого выбирать: тех, кто умеет быть организатором, кто может быть хорошим товарищем, может понять другого человека, его интересы, его характер. Тогда больше пользы будет.

У нас так повелось в дружине, что все ребята обычно помогают на кролиководческой ферме. А в нашем отряде девочки есть, которые шьют отлично. Как настоящие портнихи. И мы подумали: разве они должны делать ту же работу, что и все ребята, только потому, что так повелось? Сшить рабочий костюм, в котором ребята на уроке труда будут работать, это не каждому под силу. Мы организовали швейную мастерскую. Надо, чтобы каждый человек свои способности с полной отдачей мог использовать.

Таня Егорова.

У нас был сбор, посвященный комсомольцам-ветеранам. На сбор мы пригласили товарища Рукавишника с нашего Вязниковского льноком-

бината. Он рассказал нам, как работал всю жизнь, как было иногда трудно и как он и его друзья, выполняя свою работу, никогда не старались выбрать путь полегче и все, что делали, делали на совесть.

Света Демешева, село Раевка БАССР.

Все, что делаешь, делать на совесть. Научиться жить не только для себя. Быть хорошим товарищем. Полезным для общего дела человеком. Я думаю, это и значит для каждого из нас выполнять заветы Ленина.

Таня Васькина, г. Москва.

Мне, знаете, чем нравится сегодняшний наш разговор? Тем, что мы не очень хвалили себя. Мы старались больше говорить о том, чему нам еще надо учиться...

Дорогой друг! Наш читатель! Ты можешь продолжить этот разговор. Что еще надо сделать, чтобы мы с полным правом произносили высокие слова девиза нашего пионерского Марша «Пионеры всей страны делу Ленина верны!». Мы ждем твоего слова.

На конверте не забудьте написать наш девиз: «Делу Ленина верны!».

ОБЯЗАННОСТИ ПИОНЕРА

Ты полноправный член многомиллионной пионерской дружины — Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. А каждый, кто входит в организацию, имеет и обязанности и права. Как член своей организации, ты должен выполнять законы юных пионеров Советского Союза и Торжественное обещание. А это значит: в повседневной жизни — в школе, дома, в пионерском лагере, на улице, в кругу друзей выполнять пионерские обязанности.

Какие они?

Каждый пионер обязан:

— во всем и всегда помогать старшим — коммунистам и комсомольцам — в их очень важных и ответственных делах, помогать строить коммунизм. Не ждать подсказки, а активно участвовать самому, вовлекать всех ребят отряда в работу на общую

пользу, учиться, как советовала Н. К. Крупская, работать головой и руками и каждый день в любом городе или поселке решать, пусть небольшую, задачу, которую ставят перед тобой старшие товарищи.

Ты должен вырасти настоящим борцом за дело Ленина.

— показывать пример в учении и коллективном труде, хорошо усвоить правило: «если я знаю, что сегодня знаю мало, то завтра добьюсь того, чтобы знать больше», постоянно стремиться приобретать новые знания — в науке, технике, литературе, искусстве, добиваться, чтобы ни одного отстающего не было рядом, строго соблюдать дисциплину, не нарушать правил поведения, беречь народное добро.

Ты должен вырасти образованным,

современным человеком, настоящим хозяином своей Родины.

— воспитывать в себе чувство гордости за нашу Родину — Союз Советских Социалистических Республик, хорошо усвоить закон: «не мое, а наше, не для себя, а для всего общества», быть правдивым, вежливым, чутким и заботливым другом и верным товарищем, не зазнаваться, не забывать заповеди — «один за всех, все за одного», проявлять уважение к товарищам, помогать своим родителям, не лодырничать, активно бороться с теми, кто нарушает правила поведения в школе и на улице, быть смелым и решительным, помогать ребятам, попавшим под религиозное влияние.

Ты должен высоко нести гордое звание юного ленинца, всегда и во всем быть верным честному пионерскому слову.

— любить нашу прекрасную и могучую Отчизну, родину Октября, которая постоянно заботится о юной смене, поступать так, как поступали пионеры-герои в годы войны и в мирное время, дружить с воинами Советской Армии и Военно-Морского Флота, с пограничниками, постоянно закалять себя, заслужить право носить значок ГТО, делать зарядку, активно участвовать в «Зарнице», тимуровском движении, хранить государственную тайну, как хранили ее гайдаровские герои.

Ты должен вырасти настоящим защитником Родины, мужественным и отважным, стойким и храбрым.

— постоянно укреплять дружбу пионеров и школьников всех союзных республик, проводить общие дела, чтобы лучше знать друг друга, дружить со своими сверстниками из стран социалистического содружества, всеми пионерами и детьми трудящихся мира, проявлять солидарность с теми, кто борется за мир и свободу народов, выступать против любой несправедливости на Земле, против войны.

Ты должен вырасти горячим патриотом-интернационалистом, для которого чужая боль, беда и горе — твоя боль, твоя беда и горе, а общая победа и радость — твоя радость и твоя победа.

— каждое дело — большое или малое — доводить до конца, укреплять свой родной пионерский коллектив — звено, отряд, дружину, быть организованным, активным, постоянно проявлять смекалку и выдумку, четко выполнять любое пионерское поручение — временное или постоянное, готовить для себя смену — работать с октябрятами.

Ты должен вырасти настоящим коллективистом-общественником, умелым организатором пионерских дел.

— бороться против недостатков, «барабанного боя» в работе звена, отряда, дружины, следовать правилу: «поменьше шума, побольше конкретных дел», смело критиковать тех, кто стоит в стороне от коллектива, не опускать руки от первых неудач, добиваться, чтобы все ребята дорожили авторитетом пионерской организации, советоваться с вожатыми, учителями, родителями, обращаться с трудными и нерешенными вопросами в комитеты комсомола, советы пионерской организации, в том числе и в Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Ты должен постоянно укреплять и развивать замечательные традиции пионерской организации Страны Советов, высоко и достойно нести красные пионерские знамена.

Если тебе повязали красный галстук, если ты на девиз нашей организации с гордостью ответил «Всегда готов!», то это значит, что ты не по приказу, а добровольно, по велению сердца дал свою первую в жизни торжественную клятву, дал честное пионерское слово выполнять все обязанности юного ленинца — члена Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Раиса САРБИ

После жатвы

Уходят комбайны, уходят, пыля...
Пусты после жатвы под небом поля.
И лишь кое-где на колючей стерне
Стоят колоски в золотой тишине.

Стоят колоски, шелестят колоски:
«Мы скоро умрем от дождя и тоски.
За что нам судьба — погибать на корню?»
И зерна, как слезы, роняют в стерню.

На поле, ребята! На поле бегом —
С плетеным лукошком, с пузатым мешком,
Скорее за речку, минуя мостки,
Еще мы успеем спасти колоски!

Один колосок и еще колосок.
Один кузовок и еще кузовок.
В мешках под завязку и в сумках полно —
Струится в амбарную чашу зерно!

А голос у солнышка нежен и тих:
«Спасибо вам, дети, за деток моих...»
И долго не гаснет сквозь осени дым
Закатное солнце над полем пустым.

Старая липа

Вьюга дует, ворожит,
Пляшет под окном.
Липа старая дрожит,
Прячется за дом.

Я машу ей из окна,
Дверь спешу открыть.
Но стесняется она
К людям заходить.

Скрипнет дверь,
И вспыхнет свет
Лампы надо мной —
А она
Подальше в снег,
В темень,
С глаз долой...

Перевел с чувашского
Ю. КУШАК.

Рисунок В. ДУДКИНА.

«ВПЕРЕД! ВПЕРЕД НА МАРС!»

Итоги нашего конкурса «Экспедиция на Марс»

Условия конкурса «Экспедиция на Марс» были объявлены в февральском номере «Пионера» за этот год.

И вот перед нами ваши письма. Главное впечатление членов жюри: участники конкурса много читали о Марсе, хорошо знают природные условия этой планеты, знакомы с самыми новейшими исследованиями и все как один мечтают о будущей экспедиции. И не только мечтают, а уже готовятся к ней: разрабатывают программу, маршрут, режим для космонавтов, сроки полета. Свои знания ребята и показали в ответах на вопросы нашего конкурса.

Переходим к вашим ответам.

Прежде всего мы предлагали выбрать район Марса, подходящий для посадки космического корабля, и наметить разведывательные маршруты.

С этим заданием почти все успешно справились. Ребята предлагают для изучения действительно наиболее интересные районы загадочной красной планеты.

Многие называют огромную округлой формы марсианскую впадину Хеллас (Ирина Мельникова из Дзержинска, Саша Литвинов из Новой Каховки, Н. Рубцов и Е. Ламзин из Перми и другие). Ребята предлагают выяснить проис-

хождение подобных впадин, определить, почему в отличие от других районов Марса здесь нет метеоритных кратеров и каких-либо других неровностей рельефа. Марина Даниленко из Челябинской области отмечает, что в этой впадине (глубина 4—4,5 километра) сравнительно высокое атмосферное давление. А это, естественно, позволит при посадке корабля воспользоваться парашютом или крыльями для торможения.

И все же более благоприятным для высадки экспедиции Марина считает гигантское ущелье—Большой Каньон, на дне которого атмосферное давление еще выше, чем во впадине Хеллас.

Природа грандиозной системы каньонов в экваториальной области Марса (куда входит и Большой Каньон) интересует и других ребят — Лену Фатееву из Минска, Сергея Гуржи из Донецка, Олега Казакевича из Оренбурга. Действительно, ничего подобного нет на нашей планете. Сотнями километров измеряется длина и ширина каньонов на Марсе, а на Земле — сотнями метров...

Очень многие ребята предлагают посадить корабль в тех местах, где обнаружены извилистые, разветвленные впадины, удивительно напоминающие наши речные русла. Ребята правы: разгадка природы «сухих рек» Марса помогла бы восстановить историю планеты...

Как мы и предполагали, многие назвали местом посадки окрестности высочайшей горы Солнечной системы—Олимпус Нокс. На Земле нет горы выше 9000 метров, а высота этого вулканического конуса — 22 километра!

Москвич Костя Сидоров своим проектом предусмотрел посылку к Марсу сразу двух кораблей. Они

опускаются в районах, не только удобных для посадки, но еще и расположенных вблизи очень интересных объектов.

Интересна, на наш взгляд, идея Лены Макаровой из Биробиджана: сесть на спутник Марса Фобос и провести предварительное обследование планеты с поверхности спутника. Лена подчеркивает, что этот спутник пролетает над планетой на высоте 6000 километров и за сутки трижды облетает планету. Добавим, что спутники Марса обращены к нему одной своей стороной, что облегчает поставленную задачу.

В целом участники конкурса, отвечая на первый вопрос, наметили вполне реальные и перспективные для изучения районы Марса.

Второй вопрос конкурса предлагал участникам определить главные научные задачи экспедиции на Марс. Изучив ответы ребят, члены жюри пришли к выводу, что на их основе можно составить интересную и очень перспективную программу исследования и даже освоения Марса. Вот основные пункты этой программы:

— изучение геологической структуры и истории планеты (Марина Даниленко, г. Аша Челябинской области),

— выяснение природы различных форм рельефа — впадин, кратеров, равнин, вулканов и т. д. (Сергей Ефимов, Новгородская обл.),

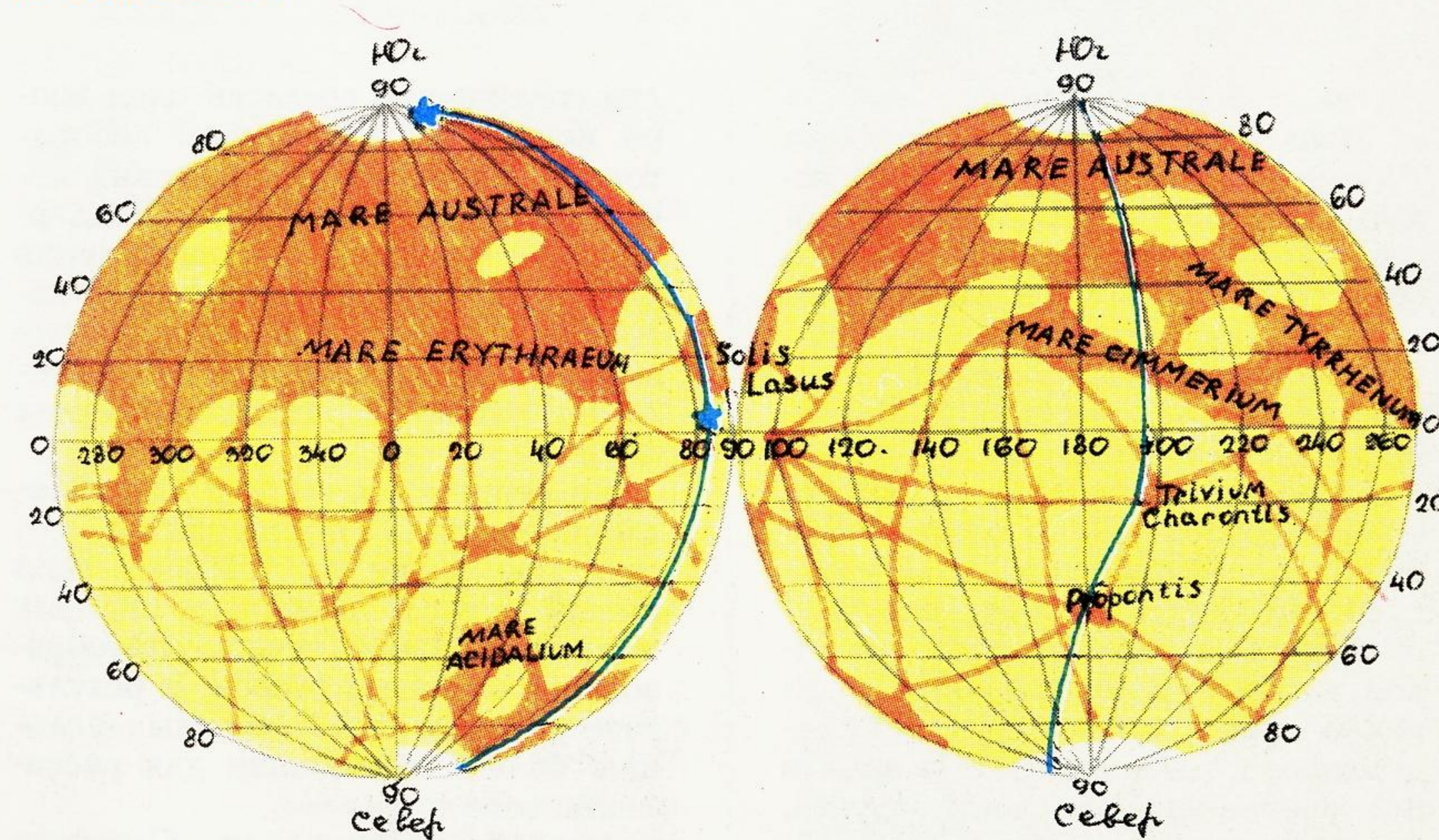
— исследование марсианского грунта (Лена Юрченко, г. Саратов),

— поиск полезных ископаемых (Андрей Маларев, г. Краснодар),

— бурение скважин для выявления запасов замерзшей воды (Валерий Скворцов, с. Зенково Тюменской обл.),

— уточнение климатических и

Это не просто карта Марса. Ребята из пионерского экипажа «Надежда» (Волгоградская область, Линевская средняя школа) показали на карте маршрут своей экспедиции. Космонавты будут передвигаться по планете на вездеходах.

★ путь, предложенный экспедицией на вездеходах.

метеорологических условий в различных районах Марса (Дина Кульгильдина, г. Уфа).

Но большинство ребят называют главной научной проблемой нашей экспедиции поиски жизни на Марсе.

Если Е. Сирош из Липецка считает, что после анализа результатов, полученных на станциях «Викинг», искать на Марсе жизнь бессмысленно, то многие другие авторы своими письмами возражают ему.

Москвич Костя Сидоров обосновывает вероятность существования на Марсе микроорганизмов.

Лена Юрченко считает главной задачей поиск «оазисов жизни» на пустынной планете. «Такие оазисы, — пишет Лена, — должны возникать в местах с наибольшей влажностью, температурой и давлением».

Предлагаются самые разные пу-

лема — выяснить, приживутся ли формы земной жизни в суровых марсианских условиях. Четверо-классники Олег Киселев и Дима Плюхин (г. Молог Читинской области) предлагают захватить с собой на Марс наши мхи, лишайники, микроорганизмы — наиболее нетребовательные к условиям существования. А Рита Подоляк (с. Шангала Архангельской области) хочет «взять с собой на Марс инфузорию туфельку и пронаблюдать за ней, сможет ли она там жить...»

А вот восьмиклассница Галя Гладышева (г. Пермь) утверждает: «Нельзя ни в коем случае заносить на Марс земные формы жизни, пока точно не будет установлено, что планета мертва». В проекте Кости Сидорова мы прочли даже лозунг: «Внимание! Будь осторожен! Не занеси на Марс ничего земного!»

С этими замечаниями Гали и Ко-

очистить земную атмосферу от вредных газов».

Инженер Т. А. Волковицкая и другие члены жюри не поддерживают предложение Андрея. Разве правильно ради сохранения чистоты и равновесия земной природы превращать в «газовую камеру» планету Марс?! Как же там будут жить люди? И кому будет нужна продукция марсианских заводов? Нам кажется, что и читатели вряд ли поддержат Андрея. Мы, земляне, все больше приходим к пониманию того, что бережно и разумно нужно относиться к природе всех планет Солнечной системы.

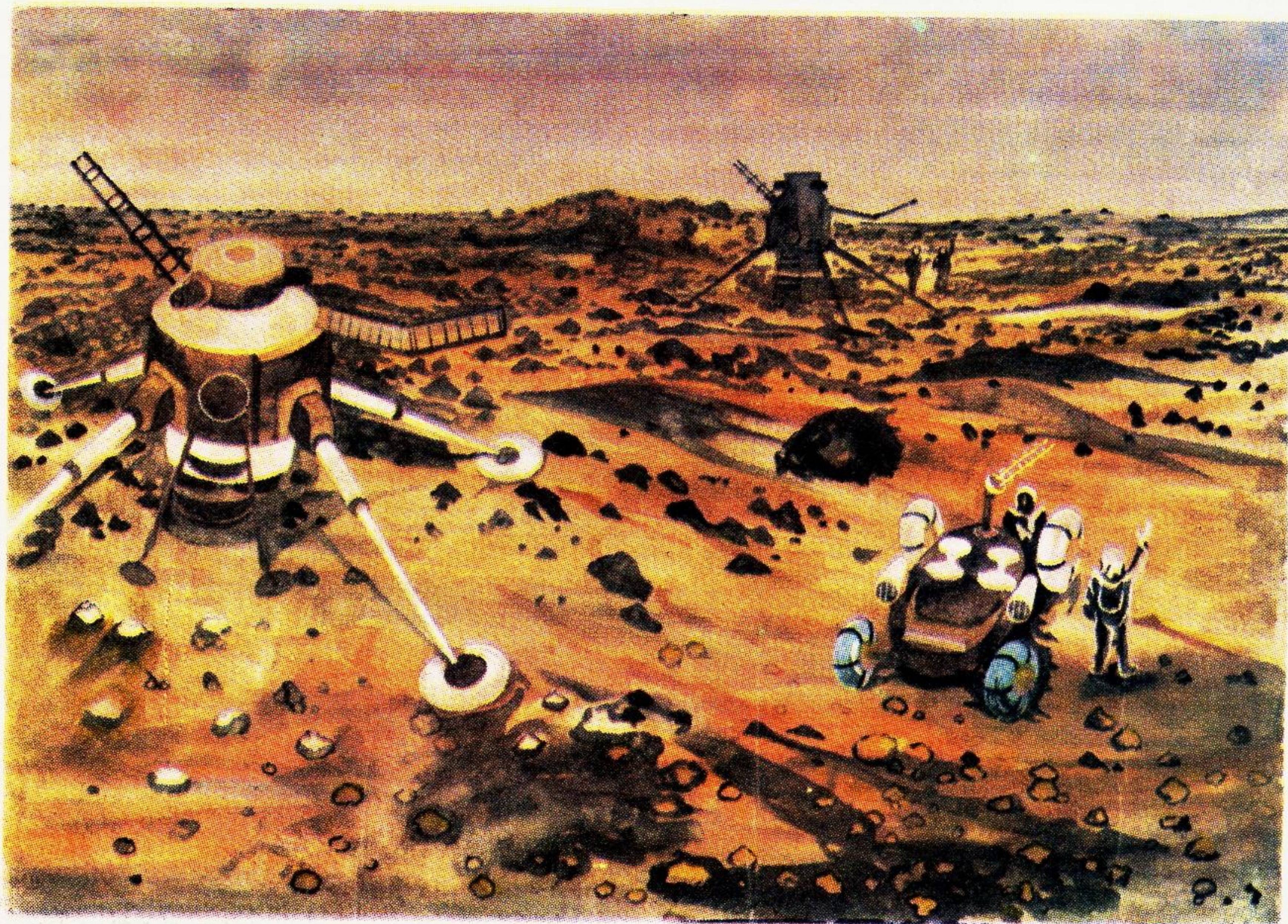
Отвечая на третий вопрос конкурса, большинство участников приводят три варианта режима труда и отдыха космонавтов (в полете, на базе экспедиции, во время исследовательских маршрутов). Специалист по организации труда и отдыха космонавтов, сотрудник Института медико-биологических проблем В. И. Макаров нашел многие предложения ребят вполне разумными и достаточно обоснованными.

Хорошо продуманный распорядок дня предлагает Марина Даниленко (г. Аша Челябинской области). Она предусмотрела утренний и вечерний осмотры агрегатов корабля и их профилактический ремонт, научные наблюдения и эксперименты, время для самоподготовки и для отдыха. В течение дня — несколько сеансов физических упражнений.

Александр Милкус (г. Одесса) предлагает во время полета жить в ритме марсианских суток, чтобы подготовиться к работе на планете. На первый взгляд это предложение кажется не вызывающим сомнений: ведь сутки удлиняются всего на 27 минут по сравнению с земными. Но простая арифметика показывает, что уже через 20 дней полета такой режим приведет к смещению начала суток на 12 часов по сравнению с земными часами (полдень, таким образом, придется на полночь). Такие «перевернутые» сутки человек переносит с трудом. И, пожалуй, есть резон в предложении Лены Фатевой (г. Минск) — иметь на борту обычный земной распорядок дня.

Наш организм наилучшим образом приспособлен к земной силе тяжести, и любое ее изменение вызывает лишь дополнительную нагрузку, по крайней мере в период адаптации к новым условиям. Не случайно и в невесомости космонавты спят привычные 7 часов. Кроме того, сон — это не только время для восстановления физических сил. Именно в эти часы идет переработка информации, получаемой днем. Поэтому вряд ли имеет смысл систематически сокращать время сна.

Наши читатели так увлеклись программой экспедиции, что продумали даже сроки ее старта с Земли. Самые горячие из них на-

Равнина Утопия. После посадки.

ти таких поисков. Маляк Салимов из Исаладаринского зерносовхоза Тургайской области советует искать микроорганизмы на поверхности замерзшей воды (по мнению некоторых ученых, на Марсе есть участки, покрытые льдом).

Известному советскому исследователю Марса, сотруднику Института космических исследований В. Д. Давыдову показалась особенно интересной мысль Сергея Ефимова (ст. Анциферово Новгородской области) и Игоря Якименко (г. Одесса) искать остатки прошлой жизни в древних речных долинах Марса. Ученый вообще поддерживает идею поиска жизни в подповерхностных слоях грунта, защищенных от губительного действия космической радиации.

Сергей Балабас из Хабаровска и другие считают, что главная проб-

сти совершенно согласен член жюри конкурса, заведующий лабораторией Института космических исследований Л. М. Мухин. Поддерживает ученый и предложение Олега Молотка (г. Комсомольск-на-Амуре): принять все необходимые меры, чтобы экспедиция не занесла на Землю марсианские формы жизни.

Но вернемся к письму Гали Гладышевой. Если подтвердится отсутствие жизни на Марсе, Галя предлагает с помощью земных микроорганизмов начать преобразование природы Марса. В результате должны быть созданы условия, более подходящие для расселения землян.

Андрей Фурсов из Саратова предлагает «превратить Марс во вторую Землю, все заводы перенести с Земли на Марс, а это может

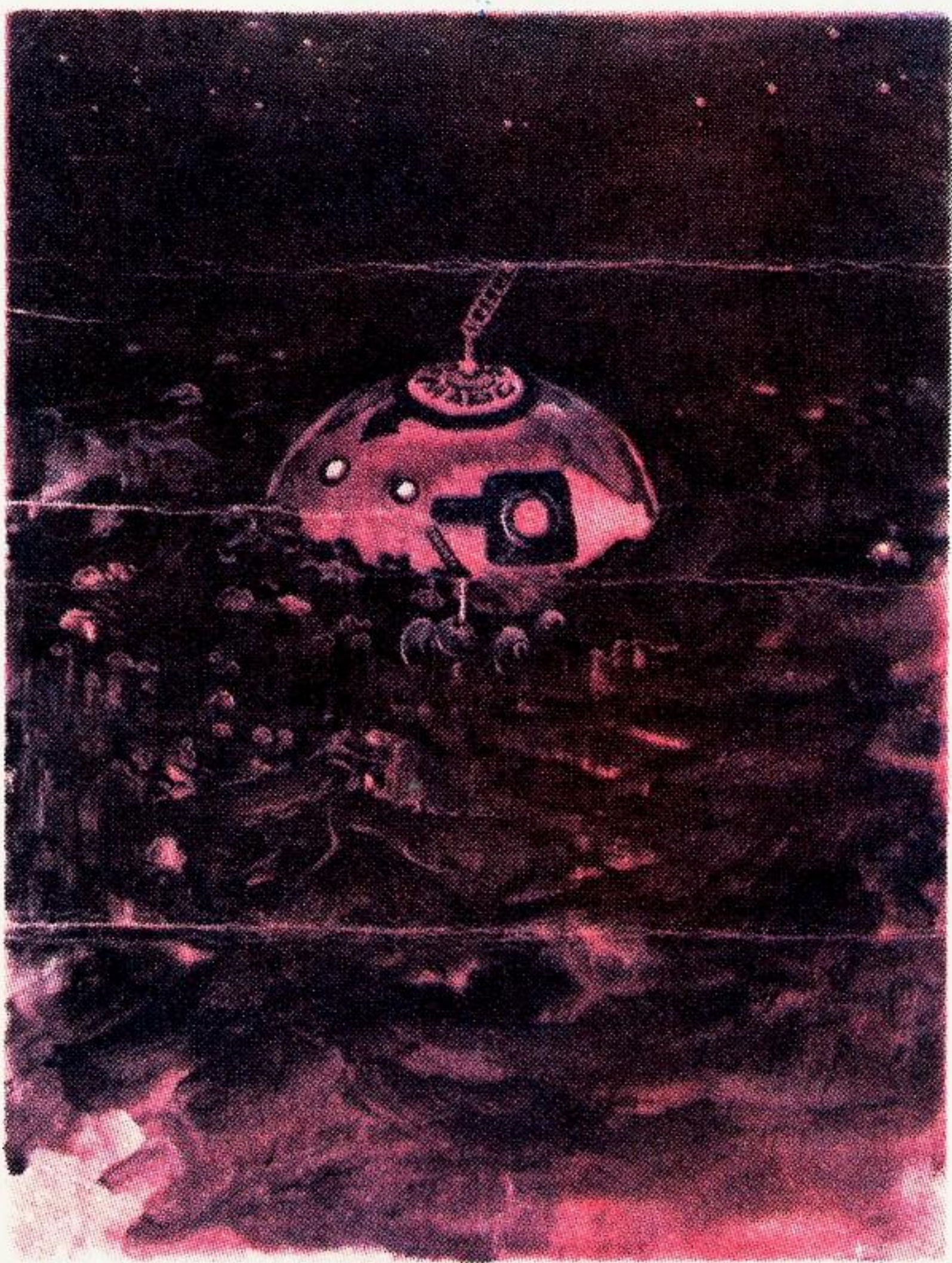
зывают 1981—1982 годы. По мнению жюри, эти сроки нельзя считать реальными. Дело в том, что экспедиция на Марс — грандиозное техническое и научное мероприятие, требующее для подготовки длительное время.

Более обоснованными нам показались предположения тех ребят, которые относят начало экспедиции к первому десятилетию следующего века...

Расходятся мнения участников и о времени пребывания экспедиции на Марсе. Одним из вас кажется достаточным срок в несколько дней. Большинство же рассчитывает на несколько месяцев.

Кто же прав?

Все зависит от выбора схемы марсианской экспедиции. Если полет к Марсу и возвращение будут проходить по наиболее энергетически выгодной полуэллиптической орбите, то перелет в оба конца

Под этим куполом — база экспедиции. Здесь будут жить космонавты, возвращаясь из маршрутов по планете.

займет 520 суток. Но при этой схеме после посадки придется пробыть на Марсе больше года, пока Земля и Марс не займут благоприятного для обратного перелета расположения. Такую схему межпланетной экспедиции называют десантной.

Если же мы решим воспользоваться орбитально-десантной схемой, при подлете к планете произойдет разделение корабля. Большая его часть переходит на орбиту искусственного спутника Марса и ведет исследование всей планеты. Другие участники экспедиции опускаются на несколько дней на поверхность планеты. Тогда время экспедиции не будет связано с расположением планет. Именно такую схему предлагают, например, **Таня Милюшкевич** и **Галя Коврижных** из Бреста.

Лучшими из всех присланных работ члены жюри считают:

проект «Дружба» Кости Сидорова, ученика 5-го класса школы № 201 г. Москвы. Его призыв «Вперед! Вперед на Марс» вынесли мы в заголовок этой статьи;

ответы **Марины Даниленко** из г. Аша Челябинской области;

работу семиклассников **Сергея Ефимова** со станции Анциферово Новгородской области, **Дины Кульгильдиной** из Башкирской АССР, шестиклассника **Александра Славина** из Сходни Московской области.

Этих ребят, победителей конкурса «Экспедиция на Марс», жюри рекомендует для участия во Всесоюзном слете юных астрономов и космонавтов в лагере ЦК ВЛКСМ «Орленок».

На слете будут и члены коллективов — победители нашего конкурса:

астрономический кружок при городской станции юных техников г. Ташкента;

группа юных астрономов при Ульяновском отделении Всесоюзного астрономо-геодезического общества;

пионерский экипаж «Надежда» 5-го класса Линевской средней школы Волгоградской области.

Поощрительными премиями жюри награждает:

Андрея Маларева из Краснодара,

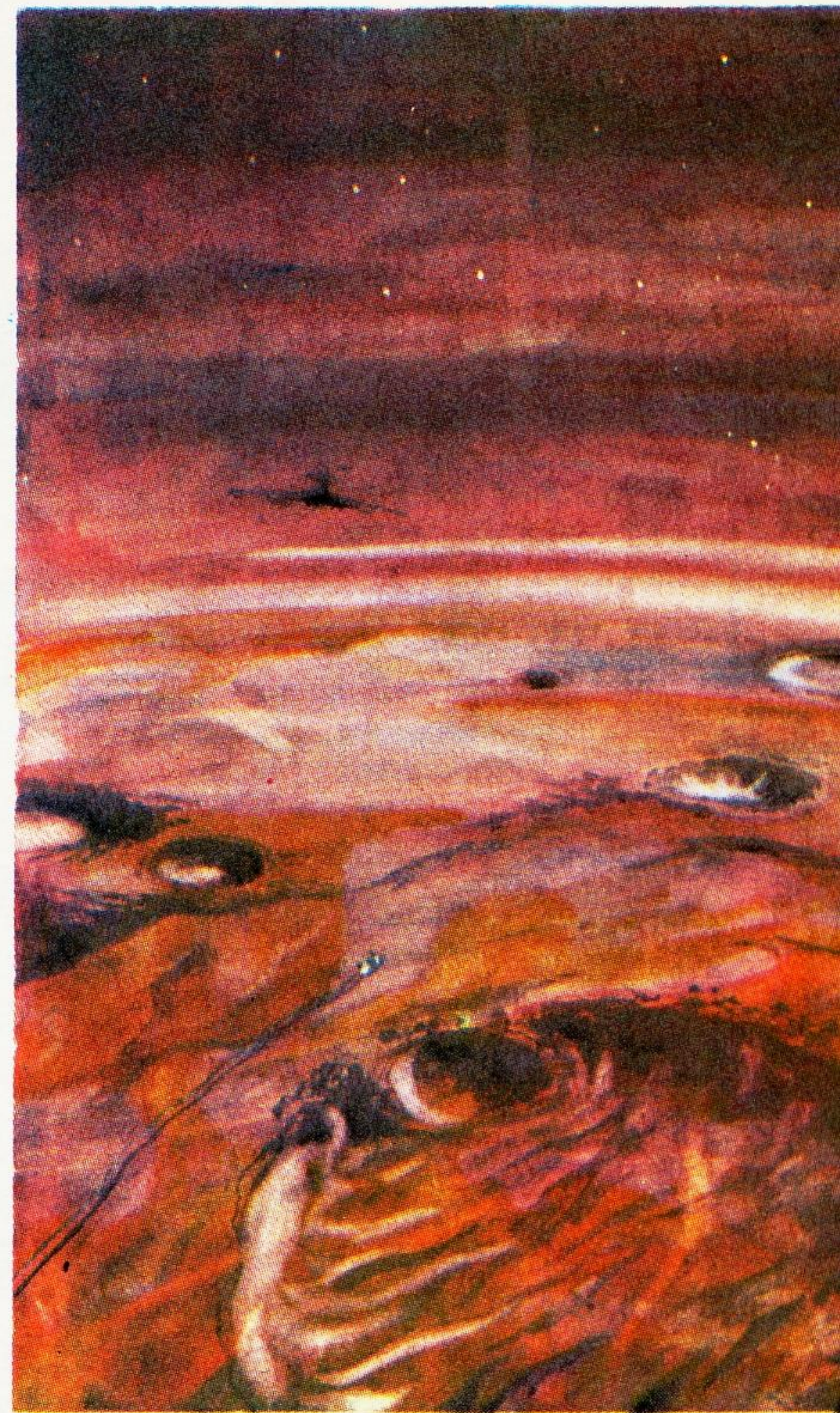
Лену Юрченко из Саратова,

Максима Меркулова из Оренбурга,

Сергея Зверева из Зеленограда.

Поздравляем победителей и всех, кто вложил свои знания, фантазию и изобретательность в нашу общую подготовку к будущей экспедиции!

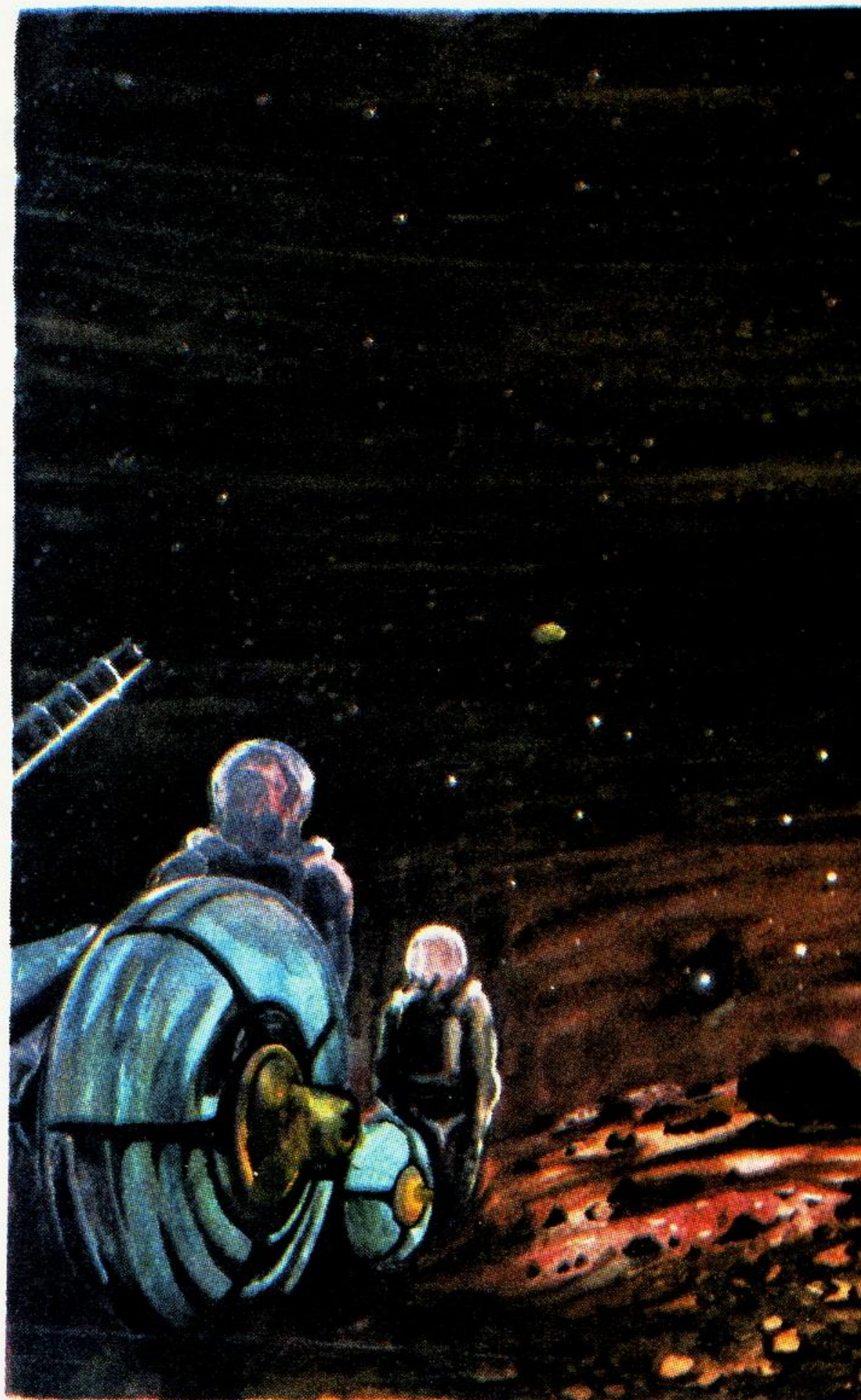
По поручению жюри конкурса
Б. Г. ПШЕНИЧЕР,
заведующий отделом
авиации и космонавтики
Московского городского
Дворца пионеров

Марсианский пейзаж.

Все эти рисунки прислали нам юные астрономы из Ульяновска. Они не только хорошо ответили на все вопросы конкурса, но и рассказали о своей экспедиции в картинках. Ребята из Ульяновска стали нашими призерами.

Участники экспедиции в одном из маршрутов.

Москвичка Таня СТАРОБИНСКАЯ занимается в литературном кружке Московского Дворца пионеров и школьников. Таня семиклассница, а стихи пишет с шести лет.

Комсомольцам, погибшим на войне

Им жить больше всех хотелось,
Им строить очень хотелось,
Счастливыми быть хотелось —
У жизни свои права.
В них были вера и смелость,
Нужная людям смелость,
Какая-то дерзкая смелость,
Когда началась война.
Под танки они бросались,
В смерть не веря, бросались,
Ради жизни бросались,
Чтоб детство другим не терять.
Но навсегда оставались —
В истории оставались
И в памяти оставались,
Чтоб слез матерям не знать.
А если бы все по-другому,
И жизнь бы текла по-другому,
События шли б по-другому,
Они бы жили сейчас!
И были б среди наших знакомых,
Хороших и добрых знакомых,
Привычных, всегдашних знакомых...
Война изменила все враз.

*

Стихотворение про первый снег сочинила москвичка Люда ДМИТРИЕВА. Люда учится в 5-м классе 12-й спецшколы.

* * *

Вчера дождик шел
И по крышам стучал,
Как будто на листья
Сухие ворчал.

А осень все шила
Стежок за стежком,
И вдруг все покрылось
Пушистым снежком.

«Стихи я пишу со второго класса, — рассказывает Лена ЗЕЛЕНИНА, — но во втором и третьем классах это было так, баловство. А в начале четвертого класса восьмиклассница Зоя — сейчас она студентка Саратовского университета (школу окончила с золотой медалью) — дала мне тетрадку со своими стихами и рассказами. Захватили они меня. И увлекли. С тех пор я стихи баловством не считаю». «Кораблик» взял на борт стихи Лены, которые она сочинила в седьмом классе. Живет Лена в городе Уральске, в Казахстане.

* * *

Картина висит на стене.
Не знаю, но кажется мне,
Что то не картина — окно,
Распахнуто в зиму оно.

У нас за окошком жара,
Купаться бежит детвора,
А на картине зима,
Вот-вот все окутает тьма.

На веточках первый снежок...
И кажется, сделай шагок,
И сразу в картину войдешь,
В заснеженный лес попадешь.

*

СМЕЛО МЫ В БОЙ ПОЙДЕМ!
Игорь МАРКИН, 10 лет.

МЫ ДЕТИ ТЕХ, КТО ВОЕВАЛ.
Марина ЛОСЕВА, 11 лет.

*

В «Кораблик» пришло письмо из Мордовии, из села Ковылкино. В конверте лежал рассказ. Подпись — Н. К., 6 «В». И все... Вот этот рассказ.

Робот

Все больше машин приходит на помощь человеку. И кое-кто начинает думать, будто они совсем освободят нас от труда. Именно об этом мечтает мой знакомый Фома. Уж так хочется ему, чтобы робот все делал за него!

Однажды пришел он из школы и, как всегда, замечтался.

«Вот,— думает,— был бы у меня робот. Первым делом я заставлю его уроки выучить, убрать все в комнате. И мама не будет говорить, что я бездельник. Конечно, я ей ничего не скажу. А потом...»

«Дз-з-з-з-з-з!» — прервал его размышления длинный звонок.

— Ну вот, всегда так, только начнешь, и обязательно прервут на самом интересном,— проворчал Фома, вставая.

«Дз-з-з-з-з-з... дз-з-з-з-з-з!» — снова не-

терпеливо зазвенел звонок. Фома открыл дверь.

— Полный, конопатый, курносый, лохматый, глаза голубые, отчаянный мечтатель, бездельник, цвет волос — белобрысый, зовут Фома,— едва слышно жужжа, качая антеннами, мигая глазами, спросил робот металлическим голосом.

— Да-да,— заикаясь, проговорил Фома.

Понемногу он стал приходить в себя.

Робот стоял у раскрытой двери. На груди у него был ряд разноцветных кнопок.

— Ты откуда? — спросил его Фома.

— Из две тысячи пятьсот девятого года,— ответил робот и, не дожидаясь новых вопросов, стал рассказывать:— Недавно у нас изобрели прибор, который позволял читать мысли людей и животных прошлых веков. И клуб молодого поколения нашей эпохи внезапно обнаружил тебя и решил послать тебе робота — меня. Ты никому не проговоришь об этом, а то я возвращусь обратно. За нами будут наблюдать, где бы мы ни находились. А теперь выучи инструкцию как можно лучше. Ошибки не исправляются!

Робот отключился. Глаза потухли. Весь он застыл.

Фома стал читать инструкцию. Он быстро освоился с управлением. За два часа он все выучил.

Нажав зеленую кнопку, Фома заставил робота изобрести дистанционное управление и передатчик. Через полчаса все было готово. Передатчик был маленькой, прозрачной липкой лентой, которую надо было всунуть в ухо. Отрегулировав громкость передатчика, Фома приказал роботу сделать за него уроки и убрать комнату.

Потом он отвел робота на чердак и спрятал его там.

Утром занятия в школе начались хорошо. Фома ответил на двух уроках на пятерки, но на третьем связь прервалась. Еле вытянув на тройку, он снова и снова вызывал робота на связь.

А дело было лишь в том, что уши у Фомы были жутко грязными и грязь засорила передатчик.

Маленький экран показывал робота, что-то говорившего. Вдруг робот задымился, и экран потух.

Вернувшись домой, Фома бросился на чердак. Едва он подошел, как робот заговорил:

— У меня перегорели контакты памяти. Теперь у меня нет возможности выполнять даже самые простые команды. Для этого ведь тоже нужна память. Но конструкторы предусмотрели это и поставили аварийные. Однако они рассчитаны всего на пять минут работы. Я уверен, что ты меня отремонтируешь! Это очень просто, но только для тех, кто разбирается в кибернетике.

Пять минут прошли...

Робот отключился.

Ты, наверное, читал рассказы писательницы Анны МАСС, они печатались и в нашем журнале. Анна Владимировна долгие годы работала техником в геологических партиях, очень любит эту свою профессию. Сегодня в рубрике «Кем стать, каким стать?» писательница говорит с тобой о том, как трудно найти себя, выбрать дело, которым будешь заниматься всю жизнь. Для каждого человека это серьезный шаг, и его надо хорошо обдумать. Анна Масс рассказывает, как нашла свой путь девочка Ирина, а ты подумай, как ты идешь к своему призванию.

В ТАЙГЕ ЗА АЛДАНОМ

ОЧЕРК

...Вертолет показался со стороны перевала. Повис над аэродромом, как бы остановился в воздухе, совсем как стрекоза. Потом, слегка опустив хвост, сел.

Открылись широкие задние дверцы, бортмеханик спустил деревянный помост, и началась погрузка. Рабочие втаскивали внутрь спальные мешки, палатки, ящики со стущенкой, вермишелью, тушенкой, мешки с мукой и картошкой, инструменты, приборы... Ира тоже подхватила и понесла канистру с бензином.

— Этого еще не хватало! — сказал техник Юра. — Дай сюда, не надрывайся.

— Но ведь я рабочая! — возразила Ира.

— Не бойся, без работы не останешься! — И отобрал канистру.

Ира даже обиделась: палатки мужчины ставят, тяжести мужчины таскают, даже повар — и тот мужчина. А она тут, как на курорте. Знала бы мама, не стала возражать против ее поездки.

— Ну зачем это тебе? Зачем? — удивлялась мама. — Работаешь в библиотеке. Подготовишься — поступишь в библиотечный институт. Чем не профессия для девушки? На что тебе сдавалась эта геология?

— Мне хочется все своими глазами увидеть, мама. Понять, на что я способна.

...Погрузка закончена. По железной ярко-красной лестничке в три ступеньки Ира поднимается в кабину вертолета. Там уже сидят начальник отряда Виктор Иванович, Юра, повар Алексей Алексеевич, молодой инженер Наташа Титова.

Пилот захлопнул дверцу. Вертолет загудел, задрожал, по иллюминаторам побежали тени от крутящегося винта. И поднялся прямо вверх. Повисел-повисел, развернулся и пошел над базой, набирая высоту и скорость.

Внизу проплывала тайга — тонкие, еще не зазеленевшие лиственницы, сопки, на вершинах которых еще лежал снег, речушки, ручейки. Ира смотрела и смотрела, поражаясь огромности и безлюдности проплывавшего под ней пространства.

Но вот под ними маленький пятючок среди

тайги и крохотные фигурки встречающих, тех, кто прилетел сюда раньше, чтобы вырубить посадочную площадку для грузового вертолета. Ира узнала рабочего Илью и двух студентов, Сашу и Лешу. У Леши в руках киноаппарат, он снимает приземление. От работающего винта по земле побежал ветер, густой кустарник пошел волнами.

— С прибытием на участок Солнечный! — сказал Леша.

Не дожидаясь лесенки, все спрыгнули вниз. Ира тоже спрыгнула и замерла от необычности пейзажа.

Крутой, скалистый склон сопки, невысокие лиственницы, стелющиеся лапы кедрового стланика, кустарниковые березки. Что же придало всему этому сказочную необыкновенность?

И вдруг Ира поняла: мох! Она такого еще никогда не видела. Он был удивительного цвета — бело-голубого. Казалось, он светился, как светятся в темноте стрелки фосфорических часов. Ноги утопали в нем по щиколотку.

— Что это? — спросила Ира.

— Это ягель, — ответил Виктор Иванович.

Так вот он какой — ягель! Тот самый, которым питаются северные олени, добывают его зимой, разрывая снег копытами.

А она, когда проходила географию и учила про ягель, и не представляла, что это за красота!

— Смотри, — сказал Юра. — Это прибор, с которым тебе предстоит работать. Магнитометр.

Ира с опаской взяла в руки прибор чуть побольше фотоаппарата, вынула его из футляра, навинтила на пластмассовую треногу.

— Эту треногу надо прочно утвердить на земле, — учил Юра. — Потом установить нивелир — вот эту капельку воздуха посередине маленького кружочка воды. Теперь открой рычажок и загляни в глазок-окуляр. Видишь шкалу с делениями? Вот по этой шкале нужно взять отсчет с точностью до одной десятой деления. А ну, попробуй.

Ира долго и старательно устанавливала тре-

Она послушно протянула ему руку.

ногу. Потом заглянула в объектив и растерялась, потому что не увидела никакой шкалы.

— Юра, посмотри ты, — попросила она.

Он подошел, отвел рычажок, который Ира от растерянности забыла отвести, и насмешливо взглянул на нее.

— Эх ты, голова садовая! В следующий раз будь повнимательнее.

— Юра, я не смогу! Я все перепутаю!

— Ничего-ничего, — ответил он. — Учись, тренируйся. Освоишь. Дело нехитрое.

Впереди шел Виктор Иванович с мотком мерного провода и рулеткой. За ним вышагивал на своих длинных ногах Юра с магнитометром и с карабином через плечо на случай встречи с медведем. Студент Леша нес теодолит.

Позади всех брела Ира. Ей ничего не дали нести, и она шла налегке, с беспокойством поглядывая на сопку, на вершину которой ей предстояло забраться. Она заранее волновалась, что не доберется, отстанет и все будут над ней смеяться. Ведь все бывалые, тренированные, а для нее это первый в ее жизни маршрут.

Начался подъем. Сердце сразу к самому гор-

лу подкатилось. Ира обливалась потом. Серые «бульники» уходят из-под ног, замедляют и без того медленный шаг. Лечь бы, отдышаться, но тогда все уйдут вперед, и она заблудится.

Так вот что такое маршрут! И ведь это еще не работа, а только «подход» к работе! И так каждый день?!

Она делала шаг, и ей казалось, что шаг этот последний, что сейчас она упадет и будет лежать, глотая открытым ртом воздух. Но вслед за тем она делала еще шаг и еще, перелезала через липкие, сучкастые стволы, продиралась сквозь ветки кедрового стланика, усыпанного молодыми шишками, чувствуя, как пот и слезы заливают ей лицо.

Впереди затрещали ветки. Юра спускался к ней. Лицо скрыто под черной сеткой накомарника.

Пошел рядом. Не смеялся. Сказал только:

— Ты, когда делаешь вдох, считай до четырех. А потом — резкий выдох.

Где уж там до четырех! Только бы он шел

рядом, не оставлял ее одну. Но нет, он не уходил. Советовал спокойно:

— Не торопись. Иди траверсами.

Она не знала, как это — траверсами, а спросить стеснялась.

— Давай руку, — сказал Юра.

Она послушно протянула ему руку, и он потащил ее.

Наконец вершина. Площадка, откуда начнется разбивка профилей-просек, по которым будут ходить с приборами магниторазведчики. Ира упала на землю. Горел костерок, над ним на палке висел закопченный чайник. Рабочий Илья раскладывал на толстом пне хлеб, сахар и колбасу. Протянул Ире кружку с чаем и кусок колотого сахара.

— Пей! Сразу полегчает.

— Через месяц будешь классно ходить, — сказал Юра. — Под моим руководством. Гарантию даю.

Ира наконец отдышалась, поднялась на ноги и подошла к краю площадки. Далеко-далеко внизу белели крохотные палатки лагеря, тянулся дымок от кухни. И так хорошо ей стало. Все-таки поднялась на вершину! Смогла!

Рабочие-рубщики взяли топоры и отправились прорубать просеки. Леша и Саша пошли ставить вешки и пикеты — разметать готовые профили. Виктор Иванович сказал:

— Ира и Юра! Сегодня пройдете два профиля. Вечером постройте по ним графики.

Впереди Юра с журналом, где он записывает показания прибора и производит расчеты. За ним — Ира. Отсчеты нужно брать через каждые пять метров, устанавливать треногу так, чтобы она стояла прочно. А попробуй установи ее на крутом склоне, среди сыпучих камней! Еще хуже, когда идешь через березовый кустарник, — он пружинистый, цепкий. Хватает треногу и держит.

Но прибор в руках у Иры с каждым днем становится все послушнее.

— Двадцать четыре и пять, — диктует Ира. — Двадцать три и два...

Потом все эти цифры превратятся в волнистые графики и, может быть, обнаружится АНОМАЛИЯ. Хорошо бы найти аномалию — вздутие подземного пласта. Именно под ним, возможно, и лежит олово, которое они ищут. Ира думает об этом, а сама старается подтвердить воткнуть треногу, поточнее установить нивелир.

Последний замер на последнем пикете. Ира с облегчением садится на теплые камни. Еще один профиль пройден!

На самом берегу ручья рабочие поставили четырехместную палатку, настелили пол, поставили печку, обложили камнями, натопили. Рядом с палаткой развели костер, над ним на камнях установили железную бочку с водой. В палатку поставили оцинкованную ванночку, притащили шайки, деревянный бочонок, наполнили ванночку закипевшей водой, а бочонок — холодной — и вот готова жаркая банька.

Заглянули в женскую палатку:

— Наташа! Ира! Идите мойтесь! Готово!

До чего же здорово — после маршрута появиться в баньке! Усталости как не бывало. А напарившись, посидеть под двускатным тентом предбанника, подышать чистым-чистым таежным воздухом, послушать веселое журчание ручья.

А от кухонного костра уже раздается звонкое бум, бум, бум! Это повар Алексей Алексеевич бьет сковородкой о сковородку, созывает всех на ужин. Там, на широком дощатом столе, — таз со сдобными румяными пончиками. А главное — все веселы, все дружески расположены друг к другу, и Ире уже не кажется, что все делают за нее мужчины, а она бездельничает. Нет, каждый делает свое дело, и она делает свое не хуже других.

...Иногда подъем кажется таким крутым, что страшно глянуть вниз. Но Юре уже не надо тащить Иру за руку. Сама научилась крепко ставить ногу на сыпучем подъеме и уже знает, что значит ходить «траверсами»: не прямо в лоб, а зигзагами, то влево, то вправо. И пот уже не так заливает глаза. Она может полюбоваться на ходу созревающими кедровыми шишками, сорвать кислую ягоду моховки — дикой смородины.

— Я ж говорил, что ты будешь классно ходить, — говорит Юра. — А ты не верила.

Вот и начало нового профиля. Руки привычно делают свое дело. Профиль спускается круто вниз, сухой ягель сменяется красной болотной марью. Чавк-чавк — это ноги в промокших ботинках ступают по мари — чавк-чавк.

Но вот кончается болото, и снова — в гору, по узенькой вырубке. Юра напевает свою любимую:

Сырая тяжесть сапога,
Роса на карабине...
Кругом тайга, одна тайга,
И мы посередине...

Кругом тайга, а не страшно ничуть. Какой тут страх, успевай заглядывать в объектив, снимать показания прибора!

Перерыв. Юра очистил площадку от ягеля, разжег маленький костер. Набрал из ручья воды, повесил чайник на палку над костром. Ира вскрыла банку тушенки, разогрела, нарезала хлеб.

— Вот вы вчера говорили с Наташей про всякие геофизические методы, аномальные зоны, эфузивы, интрузивы — а я ничегошеньки не понимала. Обидно! — пожаловалась она.

— Ну так в чем дело? Вернешься — подавай документы в геофизический техникум, вот и узнаешь, что такое эфузивы и интрузивы. Я после армии пошел в техникум и ничуть не жалею. На будущий год в геологоразведочный институт собираюсь поступать, на вечерний. И тебе советую.

Дождь шумит по палатке. В маршрут нельзя идти, и все собрались в четырехместке у сту-

дентов. Нары покрыты войлоком и оленьими шкурами. Свеча горит. Леша на гитаре играет.

Бревенчатый сруб, железная печурка, пол из тесно пригнанных бревнышек придают палатке сходство с избушкой. Пазы бревен заделаны мхом, чтобы не дуло в щели. В углу приколотен ящик от посылки, гордо именуемый сервантом, там хранятся запасы: сгущенка, сайра, паштет для скромных вечерних пиршеств.

Все бы хорошо, вот только писем давно нет: погода нелетная, вертолет не может пробиться сквозь низкую облачность. А как всем хочется услышать ровный гул над головой, увидеть в небе медленно ползущую стрекозу, поздороваться с пилотами, взять в руки долгожданный конверт...

Леша поет:

Ты что, мой друг, свистишь?
Мешает спать Париж?
Ты посмотри, вокруг тебя тайга...
Подбрось-ка дров в огонь,
Послушай, дорогой,
Он там, а ты у черта на рогах...

Ира лежит на пушистой оленьей шкуре, тихонько подпевает и думает: а ведь есть люди, которые только недоумевающе пожмут плечами, когда попытаешься объяснить им прелесть этого палаточного уюта. А я теперь без него не смогу...

— Двадцать один и шесть... Девятнадцать и восемь, — диктует Ира.

Метнулся по стволу полосатый бурундучок.

— Слышишь? — спросил Юра.

— Нет. А что?

— Вертолет гудит!

Они подняли головы.

И так странно показалось Ире, словно в песне: «Кругом тайга, одна тайга, и мы посередине...» А над ними в синем небе летит маленький желто-красный вертолет и везет им письма с Большой земли. И — ни души, кроме них двоих. Да еще магнитометр на своих тонких ножках, как живой, уставил в небо свой объектив, словно тоже радуется вертолету.

Ира подумала, что ради одного этого мгновения стоило поехать в тайгу. А сколько у нее еще будет таких мгновений!

Вот и первые признаки осени: словно кто-то прошелся тонкой кисточкой по листьям березок и окрасил их в ярко-желтый и ярко-красный цвета. И шишки созрели на кедровом стланике.

Они липкие от смолы и совсем маленькие, но орешки в них — самые настоящие, с коричневыми, еще нетвердыми скорлупками, с белыми молочными зернышками, обтянутыми нежной кожицей.

Поспела морошка — крупная, желто-розовая болотная ягода. Но больше всего голубики. Иногда профиль шел сплошь по голубичным зарослям, и тогда Ира и Юра прерывали работу и ползали по этим зарослям, собирая горстями мутно-голубые, словно запотевшие, ягоды, вначале казавшиеся сладкими, а потом начинавшие так вязать рот, что больно становилось пошевелить языком.

Капельками крови разбрызнулась брусника — самая поздняя таежная ягода. Она хоть и покраснела, но была еще твердой и терпко-кислой, и Ире казалось очень обидным, что она уедет отсюда раньше, чем поспеет брусника.

Ей не хотелось уезжать. Маленький палаточный лагерь стал ее домом, где ее любили и она всех любила.

А главное, она поняла, что ей нравится геология. А то, что она собиралась поступать в библиотечный институт, — это ошибка. И, возможно, она бы слишком поздно догадалась об этой ошибке, если бы не поехала в экспедицию. А сейчас — не поздно. Документы в геофизический техникум принимают до сентября. Она успеет, если улетит со студентами.

...Ира сидела за столом в своей палатке и чертила график. Как сквозь сон, услышала она слабый-слабый гул, словно комариный звон. Он постепенно сгущался, и Ира вдруг осознала, что это за гул. Вздрогнула, уронила линейку.

— Вертолет!

Она побежала за рюкзаком, но его уже тащил Юра. Илья нес ее свернутый спальный мешок.

— Счастливые! — сказала Ира. — Я уеду, а вы останетесь...

— Мы еще встретимся, Иринка! — сказал Виктор Иванович. — Ты на будущий год к нам приедешь, на студенческую практику. Ведь приедешь?

— А вы меня возьмете?

— Обязательно.

И вот она уже сидит в кабине рядом со студентами и машет, машет остающимся. Закрутился винт, побежали по кустам, по ягелю волны, а Ира, прильнув к иллюминатору, все махала своим друзьям, которые смотрели сейчас вслед удаляющемуся вертолету.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

ДРУЖБА НА ВЕКА

Хельга ЛАБС,

председатель Центрального Совета
пионерской организации
имени Эрнста Тельмана

Седьмого октября у нас замечательный юбилей — 30 лет со дня образования первого государства рабочих и крестьян на нашей земле. Это праздник всего нашего народа, всех наших друзей, стран социалистического содружества, это праздник пионерской организации имени Эрнста Тельмана, в рядах которой 1 миллион 800 тысяч ребят с красными галстуками на груди.

Сбылась мечта нашего народа, борцов за народное счастье: сегодня ГДР — форпост социализма на Западе. За это боролись лучшие представители рабочего класса — Карл Либкнехт и Роза Люксембург, Эрнст Тельман и Вильгельм Пик, Клара Цеткин, сотни тысяч антифашистов.

Сегодня ГДР — высокоразвитое промышленное государство, которое является полноправным членом Совета Экономической Взаимопомощи. Мы получаем нефть по нефтепроводу «Дружба» из Советского Союза, советские рабочие помогают нам строить атомную электростанцию «Норд», а по морям и океанам под красным флагом Страны Советов идут караваны судов, построенных в Ростове. Многие из них носят имена пионеров-героев: «Марат Казей», «Шура Кюбер», «Валя Котик».

Дружат наши народы, дружат наши партии, дружат юные ленинцы и пионеры-тельмановцы. Наша республика ничего не жалеет для своих

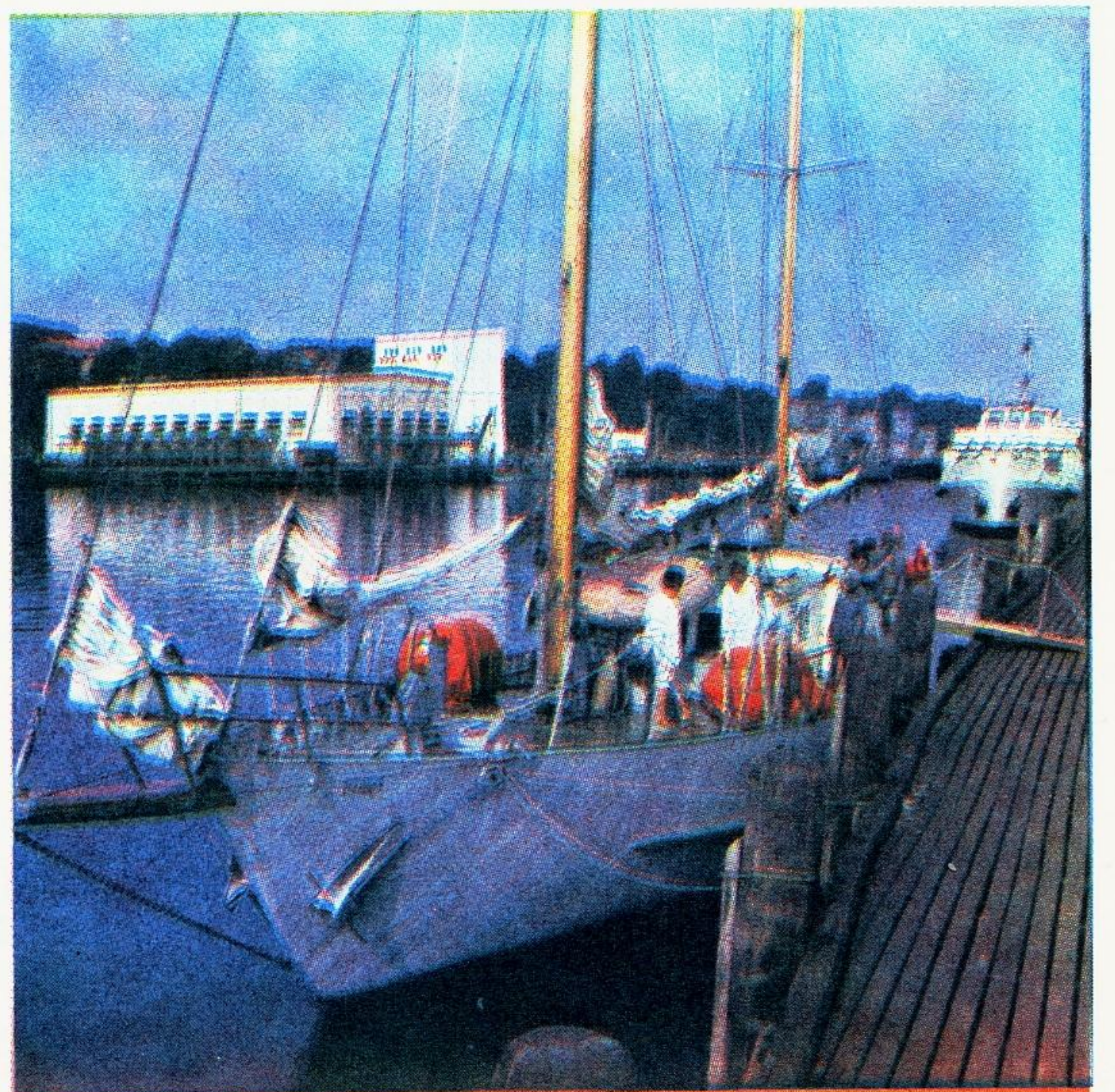
юных граждан. В Международный год ребенка мы с особой гордостью говорим о том, что для детей ГДР открыто 115 Домов пионеров, 119 станций юных натуралистов и техников, 116 театров. А сколько замечательных книг, газет и журналов издается для наших детей — миллионы экземпляров! Мне особенно приятно сегодня отметить крепкую дружбу журналов «Пионер» и «Фрези», газет «Пионерская правда» и «Троммель», которые проводят совместные конкурсы, викторины, соревнования.

Каждый год «поезда дружбы» отправляются из ГДР в Советский Союз и из Москвы в Берлин. Ребята обмениваются опытом работы, узнают, как живут их друзья. Эта дружба родилась в первые годы создания пионерской организации ГДР, когда Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина протянула нам крепкую руку дружбы и во всем помогала нашим первым пионерским отрядам. Мы никогда не забудем, что почетным членом нашей организации был и остается первый летчик-космонавт Юрий Гагарин. А сегодня с ребятами встречается уже космонавт ГДР — Зигмунд Йен, тоже почетный член нашей организации.

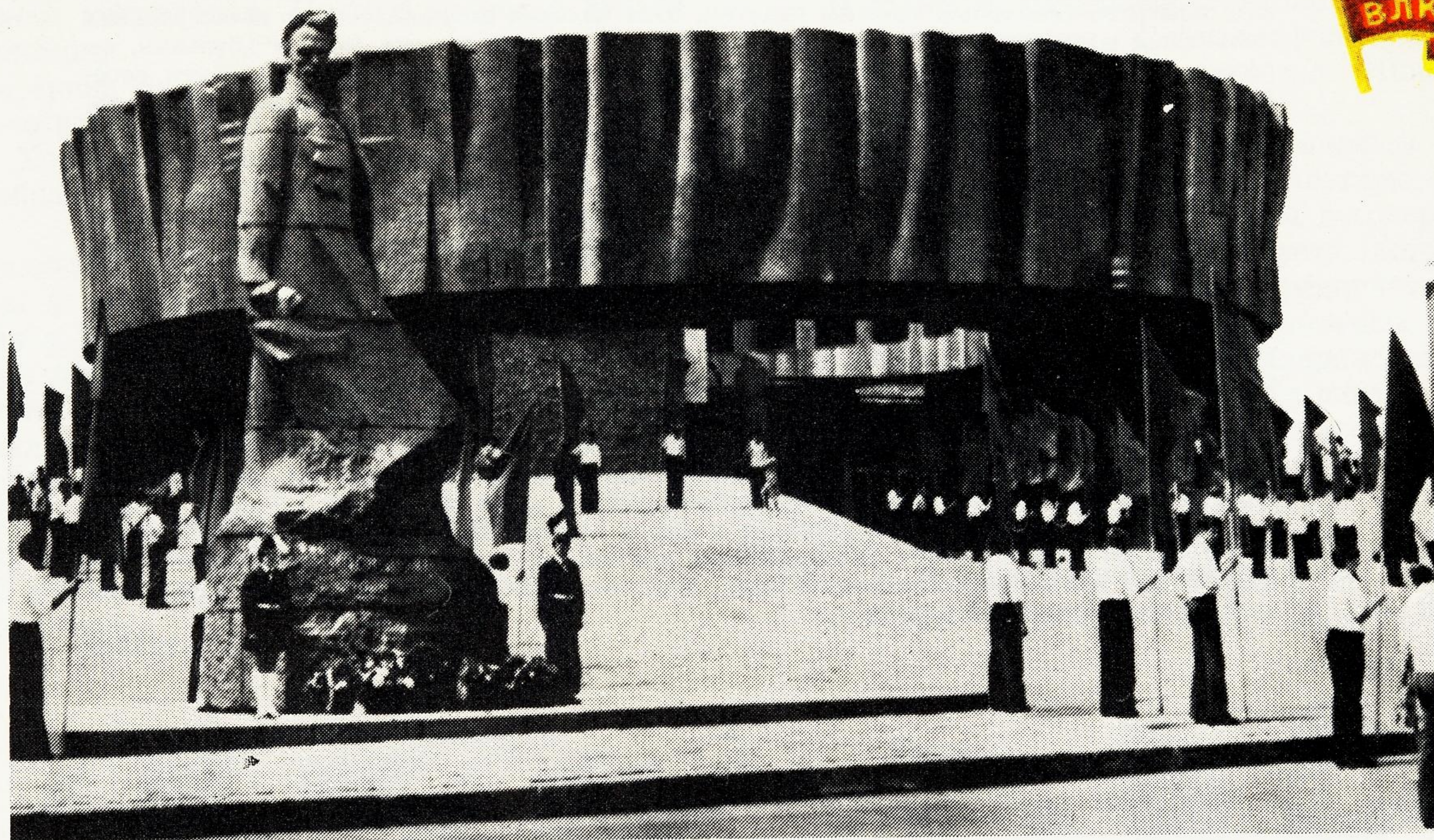
В эти юбилейные дни мне хочется пожелать и пионерам-тельмановцам и пионерам-ленинцам крепкой дружбы — дружбы на века.

Юрий Гагарин — почетный член пионерской организации имени Эрнста Тельмана.

Учебное судно юных моряков-тельмановцев в порту города Ростова.

ПИСАТЕЛЮ-БОРЦУ

На этом снимке ты видишь новый музей Николая Островского. Он открылся совсем недавно на Украине, в городе Шепетовке, где прошла комсомольская юность писателя. О музее рассказывает Раиса Порфирьевна ОСТРОВСКАЯ, жена писателя.

В Шепетовку, небольшой городок на Украине, Николай Островский приехал с матерью и с братом, когда ему было всего одиннадцать лет. А уехал отсюда, когда отгремели на Украине классовые бои, когда закончилась гражданская война. Здесь он впервые услышал, что есть такая партия — большевиков, здесь стал пламенным коммунистом и борцом. Отсюда подростком ушел в Первую Конную армию Буденного. А потом сражался в Шепетовке с бандой, потом с другим страшным врагом — голодом. Из этого города уезжал в Боярку на строительство узкоколейки, дороги, которая должна была дать Шепетовке и всей Советской Украине хлеб, дрова, жизнь.

Шепетовка чтит память Островского. В шестьдесят шестом году комсомольцы открыли здесь памятник писателю и тогда же решили строить музей. Комсомольцы и пионеры города работали на стройке, отдавали в фонд музея деньги, заработанные на субботниках. Помогали им жители Шепетовки. Помогали и мы, работники музея в Москве, разыскивали вещи Островского, книги, рукописи.

В музее личные вещи Николая Алексеевича: стол, этажерка, пишущая машинка, кровать. На полках — книги. Среди них те, которыми зачи-

тывался Николай Островский в юности: «Овод», «Спартак», томик Гоголя, «Кобзарь» Шевченко.

Он очень любил читать. Ольга Осиповна, мама писателя, рассказывала, что Коля всегда ей помогал. Дел дома было немало: и дров, бывало, наколет, и воды принесет, и в огороде поработает. Коля говорил маме: «Дай мне задание на целый день с утра пораньше. Я все быстро сделаю, потом буду читать». Он старался со всеми делами побыстрее справиться, потом забирался на дерево и там читал. Никто ему не мешал, он оставался наедине с книгой. Коля собирал старые журналы, страницы из книг, которые попадались ему иногда совершенно случайно, даже те, в которые заворачивали продукты в лавке. Все это он собирал, складывал на чердаке и бережно хранил. Такой была его первая библиотека.

Музей посвящен Островскому, но, побывав там, ты познакомишься и с историей комсомола Украины. Вот в зале тачанка с пулеметом, на такой ворвался Николай Островский в Шепетовку, наступая с армией Буденного. А вот трактор — примета другого времени, начала тридцатых годов. Писатель в это время был уже болен, почти слеп. Он уже не мог участвовать в мирном строительстве. Но он, комсомолец, остается в бою: начинает писать роман «Как закалялась сталь». Рассказывает в нем о себе, о своей стране, о своем необыкновенном героическом времени и, конечно, о городе Шепетовке, где прошли его пламенные комсомольские годы.

Я познакомился с ним пять лет назад в Волгограде, где был тогда собственным корреспондентом «Комсомольской правды». Пораженный его мужеством, написал о нем заметку в «Алый парус» — есть такая страничка в «Комсомольской правде». О том, как, намертво скованный тяжким недугом, этот человек покорила сердца волгоградских мальчишек и девчонок. И о том, как уже вместе с ними, юными своими друзьями, он одолел самый страшный недуг. И о том, как диктовал он своим юным друзьям веселую, полную невероятных приключений повесть «На Смоленской — тихо» — об их ровесниках из предвоенного Сталинграда. Так она впервые и появилась на свет — в учебных тетрадках, исписанных самыми разнообразными детскими почерками. А потом вышла небольшая, быстро разошедшаяся книжка в местном издательстве.

Рассказывая тогда о Евгении Лесникове, я писал, что это история о маленьком сигнальщике и о большой войне, настолько большой, что она не окончилась для него по сей день.

Но сегодня считаю нужным поправиться. Человек может быть больше войны, сильнее. И маленький флотский сигнальщик, получивший когда-то тяжелую контузию от вражеской мины — эхо войны настигло его через много лет, когда он был уже строителем Волжской ГЭС, и навсегда приковало к постели, — доказал это.

За эти пять лет им написано продолжение повести «Призыву по возрасту не подлежит». Евгений Дмитриевич принят в ряды Коммунистической партии. Каждый день в доме у него звучат ребячьи голоса. Сигнальщик Евгений Лесников стал вожатым отряда, в который входят пионеры из разных школ и даже из разных городов.

Воевать он начинал в Сталинграде в сорок втором мальчишкой. И его повесть — о ребятах из одного класса, о закадычных друзьях, которые в свои тринадцать-четырнадцать лет призыву на военную службу, конечно, не подлежали, но мстить врагу считали своим первейшим долгом.

Г. ПРЯХИН

Евгений ЛЕСНИКОВ

ТЕЛЕГРАММА БУДЕННОГО

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ПРИЗЫВУ ПО ВОЗРАСТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ»

На классном собрании ребята одной сталинградской школы приняли решение: собрать необходимые средства, построить танк и подарить его Шуре Соградову. Димка Климов в утреннем выпуске последних известий по радио услышал сообщение о колхознике, который на свои трудовые сбережения приобрел самолет и передал его в дар Красной Армии.

Ленька Камчатка внес поправку: помимо металлолома, следует собирать деньги и облигации государственных займов, что ускорит строительство танка.

Николаю Павловичу — преподавателю немецкого языка — осталось только договориться с дирекцией Тракторного завода.

— Вы рассуждаете так, словно собираетесь преподнести Шуре в подарок не сорокатонную стальную машину, а коробку конфет или флакон одеколона, — сказал Николай Павлович, выслушав просьбу ребят. — И потом учтите: Тракторный завод — государственное предприятие, а не частная лавочка и танками не торгует.

Администрация завода согласилась принять заказ, но с условием, что ребята соберут металлолома больше, чем требуется: завод испытывал острую нужду в металле. Николай Павлович сгоряча согласился, но потом, подумав, засомневался: справятся ли ребята? После уро-

ков в школе они изучают военное дело, проводят шефскую работу в госпитале, помогают раненым, собирают подарки фронтовикам к 23-й годовщине Красной Армии.

София Александровна — завуч школы — внесла предложение собирать средства для строительства танка не одному классу, а всей школе. Ребята запротестовали: в их классе родилась идея подарить танк Шуре Соградову, значит, они это и сделают. Ученики других классов, если хотят, пусть собирают на другой танк. Им никто не запрещает!

На том и порешили.

Днем ребята собирали металлолом, а по вечерам, когда взрослые возвращались с работы, — деньги и облигации государственных займов. Волшебные слова: «Это нужно для фронта» — действовали безотказно.

— Мама, сколько нам нужно денег на месяц? — заговорил однажды вечером Димка с Екатериной Николаевной.

— Ты летом вел хозяйство, должен знать.

— Я тогда не считал...

— Зачем же понадобилось считать теперь? Что за ревизия на дому?

— Мы хотим подарить Шуре танк.

— Танк?

— Ну да. Шурин же танк сгорел. Вот мы

и решили подарить. Представляешь: из госпиталя на собственном танке! Прямо в часть! Мы собираем металлолом. Но нам нужны и деньги и облигации...

Екатерина Николаевна отложила шитье и пристально взглянула на сына.

— Хорошо, сынок, что-нибудь придумаем. — Она обняла его, поцеловала в щеку...

Начальник военкомата, увидев Николая Павловича и ребят, пошел им навстречу и сразу провел в приемную первого секретаря обкома партии. А там уже ждали.

Ребята остолбенели, увидев у стола Семена Михайловича Буденного. Плотный, коренастый, с пышными усами вразлет на скуластом лице — словом, такой, каким они привыкли видеть легендарного командарма Первой Конной на портретах. Рядом с ним — высокий, худощавый секретарь обкома.

— В каких войсках служили? Ваша последняя должность?

— В лыжном батальоне, товарищ маршал. Командир разведроты. Сейчас преподаватель немецкого языка, — быстро ответил Николай Павлович.

— Ясно, — коротко подытожил маршал.

Семен Михайлович заехал к секретарю Сталинградского обкома партии, чтобы договориться об ускорении поставок для фронта, которые выполнялись промышленными предприятиями города. Во время зимних наступательных боев значение конницы возросло. Кавалерийские соединения, преследуя противника, не давали ему оторваться от наших наступающих частей, занять прочную оборону. Но для конницы не хватало подков. Заводы, эвакуированные на восток, еще только осваивались на новых местах, поэтому задерживали поставки фронту.

Секретарь обкома, выслушав маршала, заду-

Начальник военкомата, печатая шаг, пересек кабинет и доложил:

— Товарищ Маршал Советского Союза, ваше приказание выполнено!

— Просьба, товарищ полковник, просьба, — поправил его Семен Михайлович и прошел вперед. — Здравствуйте, ребята, — сказал он, оглядывая их, и задержал взгляд на Николае Павловиче. — Здравствуйте...

— Капитан запаса Карпов! — четко, по-военному представился Николай Павлович.

— Почему запаса? — спросил Семен Михайлович, окинув быстрым взглядом крепко сбитую, ладную фигуру Карпова.

— Во время войны с белофиннами обморозил ногу, товарищ маршал, — объяснил Николай Павлович и смутился, будто был он повинен в этом. — Неоднократно обращался в военкомат с просьбой отправить на фронт. Медицинская комиссия забраковала. Временно.

мался, потом сказал, что этот заказ, пожалуй, можно будет выполнить, но где взять металл?

Начальник военкомата рассказал о пионерах, которые активно помогают фронту, а сейчас собирают средства, чтобы построить танк для своего раненого земляка...

Ребята, не спуская восторженных глаз с Семена Михайловича Буденного, понимали: к маршалу по пустякам не вызывают. Но маршал заговорил о зиме, снежных заносах и трудностях. Кавалерия не боится бездорожья. Но беда в том, что не хватает подков. А неподкованный конь зимой — это телега без колес, толку от него мало.

Ребята немного сникли. Они ждали, что им дадут важное задание, а тут лошади, подковы...

Семен Михайлович уловил это.

— Для изготовления подков необходим металл, а его у нас нет. Сможете вы собрать необходимое количество металлолома?

Сегодня гость нашего журнала — секретарь Международной федерации работников образования Даниэль РЕТЮРО. Организация, которую он возглавляет, была создана в 1946 году и сейчас объединяет шестнадцать миллионов преподавателей и деятелей культуры пятидесяти трех стран мира. ФИЗЕ, так сокращенно называется эта организация, борется за то, чтобы на деле осуществлялось право всех на образование.

Кривые зеркала

Я родился во Франции. Мой отец, рабочий, понимал, что образование для детей важнее всего. Он отказывал себе во всем, чтобы я мог учиться. Сейчас в нашей стране мало что изменилось: у нас очень дороги книги, учебные принадлежности, школьные завтраки. За обучение в колледже надо уплатить сразу четыре тысячи франков — это больше тысячи рублей. Поэтому многие дети заканчивают свое образование начальной школой...

Говорят, что школа — это зеркало общества, в котором отражается забота государства о подрастающем поколении, о его будущем. Сегодня в мире почти восемьсот миллионов неграмотных, каждый пятый человек не умеет ни читать, ни писать. Неграмотных много не только в развивающихся странах, которые недавно освободились от колонизаторов. 2,3 миллиона человек в такой богатой стране, как США, не умеют читать и писать. А неграмотный человек не может отстаивать свои права, защитить свое человеческое достоинство.

В сорока странах до сих пор нет закона об обязательном образовании. Сто миллионов ребят не сидели за школьной партой. Конечно, в каждой стране хватает трудностей: например, мало учителей или недостаточно школ построено. Но главное, как относится государство к образованию. К сожалению, многие правительства западных стран стараются «экономить» прежде всего на школе. Например, в ФРГ сокращаются школьные программы, увольняют учителей.

Совсем другое я видел на Кубе, в Алжире, в Анголе. Сколько там было неграмотных, а теперь всем ребятам созданы прекрасные условия для учебы.

Нас, педагогов, тревожит и то, что в учебниках, изданных в буржуазных странах, искажается правда, сокращается количество уроков истории и географии. А ведь именно они формируют представление о мире. Правительства капиталистических стран стараются воспитать не думающих людей, а послушных исполнителей воли монополий. Против этого протестуют прогрессивные преподаватели, ученики и их родители.

Уже два года я живу в Берлине, столице ГДР, где находится ФИЗЕ. Я вижу, что мои коллеги из социалистических стран думают о том, как лучше учить детей, и все возможности для этого у них есть: в социалистических странах образование доступно каждому.

Ради детства, ради будущих граждан планеты я хочу призвать всех следовать примеру стран социализма. Пусть строится больше школ вместо военных баз. Пусть создаются новые учебники, а не новые виды оружия!

— Так точно, товарищ маршал, сможем. Нам помогут все школьники, — ответил Николай Павлович.

— Металлолома требуется много, и, главное, его надо собрать быстро. От вашей оперативности зависит наступление Красной Армии. Не подведете?

— Не подведем, товарищ маршал! — наперебой закричали мальчишки.

— Не забывайте, что заказ фронтовой, срочный. — Семен Михайлович повернулся к Николаю Павловичу: — Вы хотите на фронт? Так я вас понял?

— Так точно, товарищ маршал! — вытянувшись, отчеканил Николай Павлович.

— Подайте рапорт на мое имя. Постараюсь помочь...

Операцию «Танк» пришлось временно отложить. Ребята переключились на сбор металлолома для изготовления подков. Через месяц завод отправил на фронт последнюю партию подков.

23 февраля в школу пришла телеграмма от Буденного. Маршал поздравил учащихся и преподавателей школы с праздником и благодарил за помощь, оказанную фронту.

Наступила весна. Солнце уже припекало полетному, ребята начали купаться в Царице. Они рыскали по ее берегам в поисках металлолома... Для завершения операции «Танк» осталось собрать всего несколько тонн, но находить металлолом с каждым днем становилось все труднее.

В конце апреля ребята сдали последнюю тонну. Через несколько дней, тихим майским утром, они вместе с Николаем Павловичем и Шурой Соградовым поехали на Тракторный завод получать танк. Пожилой инженер из заводоуправления провел их по сборочному цеху вдоль конвейера, показал, как собираются танки. Затем они прошли в просторный двор, где стояли, как близнецы, «тридцатьчетверки». Инженер остановился около танка, на башне которого была выведена надпись: «Пионер». Это был их танк, танк, построенный на средства ребят. Шура открыл башенный люк и спустился вниз. Ребята все по очереди побывали в танке: посидели на низеньких стульчиках, покрутили маховички вертикальной и горизонтальной наводки орудия, потрогали рычаги механика-водителя...

Торжественные проводы Шуры не получились. Фашисты прорвались под Харьковом, и все танки, которые были на заводе, ночью погрузили на платформы и отправили на фронт.

Уехал и Шура Соградов.

В тот же вечер проводили на фронт и Николая Павловича. Он получил назначение в политотдел армии.

Не забыл Семен Михайлович Буденный о своем обещании.

«Книга эта читается не просто с интересом — она захватывает. Да иначе и быть не может: ведь автор по крупицам собрал и представил нам систематизированно, хронологически последовательно ценнейшие сведения о деяниях и мыслях В. И. Ленина по поводу детей и молодежи», — так пишет в своем вступлении к книге В. И. Десятерика «Ленин. Октябрь. Молодежь» Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Сергей Владимирович Михалков.

Автор действительно долгие годы собирал факты из жизни и деятельности вождя революции, связанные с детьми и молодежью Республики Советов.

Владимир Ильич, занятый титанической работой, находил время встречаться с ребятами, молодыми борцами за народное дело, давал советы. Его рукой подписаны первые декреты Советской власти о воспитании, образовании, охране здоровья подрастающего поколения.

И чем дальше история отсчитывает свое время, тем ярче встают перед нами факты и события пламенных героических лет борьбы за новую жизнь на нашей советской земле. Давай вместе с тобой полистаем эту удивительную книгу — хронику и задумаемся в слова, рассказывающие о том, как Ленин отнесся к детям и молодежи.

Год 1917. Ноябрь.

Владимир Ильич встречается в Смольном с испытанным бойцом партии Д. А. Лазуркиной и предлагает ей заняться организацией детских яслей и садов в молодой Республике Советов. Во время разговора с ней Ленин сказал:

— ...Трудно это, очень трудно. Но ведь все, что мы делали до сих пор, — револю-

В. И. Десятерик: «Ленин. Октябрь. Молодежь». Документальная хроника. М., издательство «Детская литература». 1978.

БУДУЩЕ ПРИНАДЛЕЖИТ МОЛОДЕЖИ

ция, пролитая кровь, — ведь все это в конце концов для наших детей, для нашего народа. Им довершать начатое, им строить коммунизм. Детей надо начинать воспитывать в коллективе с самых малых лет. Это важно, необычайно важно... Помните: все лучшее, что у нас есть, — детям. Мы, взрослые, можем и поголодать, но последнюю щепотку муки, последний кусок сахара отдадим детям...

В ноябре 1917 года Ленин произнес слова: «**ВСЕ ЛУЧШЕЕ — ДЕТЯМ!**». Они стали законом жизни Советского государства.

Год 1918. 28 августа.

Владимир Ильич выступает с речью на I Всероссийском съезде по просвещению, в которой высоко отзывается о роли народного образования в строительстве новой жизни. А. В. Луначарский, первый нарком просвещения, слушавший речь вождя, сказал,

что «уж очень вы крепко насчет школы сказали, пожалуй, чересчур». Ленин на это ответил так: «Я хотел этим сказать, что **ВОСПИТАНИЕМ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ ЗАКРЕПЛЯЕТСЯ ВСЕ, ЧТО ЗАВОЕВАНО РЕВОЛЮЦИЕЙ**».

Ленинское предвидение сбывается. Сегодня СССР — страна сплошной грамотности, и каждый из вас получит среднее образование.

Год 1919. Зима.

Владимир Ильич встречался с рабочими главных вагонных мастерских Московско-Курской дороги, которые доставили своему вождю в подарок продукты.

Рабочий И. М. Алешин рассказывает, как делегация с двумя мешками продуктов пришла в Кремль. Посылка получилась пуда на три. Во время беседы с В. И. Лениным Алешин, указывая на мешки, сказал:

— Это, Владимир Ильич, для вас продовольственная посылка. Рабочие от всей души просят принять ее.

Ленин ласково промолвил:

— Хорошо, товарищи, очень хорошо. Большое вам спасибо!..

И неожиданно обратился к секретарю:

— Примите, пожалуйста, посылку у товарищей, сделайте опись и немедленно отправьте все в детский интернат...

Всего несколько фактов привели мы из книги В. И. Десятерика, который год за годом, день за днем проследил ленинское отношение к детям и молодежи. Книга хорошо оформлена, в ней много редких исторических фотографий. Сейчас, когда твоя дружина готовится к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, книга «Ленин. Октябрь. Молодежь» поможет тебе еще зорче взглянуть на историю, еще больше оценить великую любовь Ильича к детям и молодежи.

С. ФУРИН.

«С поклоном доброте человеческой»

Владимир ЛУЦКИЙ,

заместитель главного редактора журнала «Смена»

По инициативе журнала ЦК ВЛКСМ «Смена» в Уренгое, у Тюменского Приполярья, создана библиотека. Тысячи книг прислали сюда пионеры страны. Редакция благодарит всех ребят, откликнувшихся на призыв журнала.

Чуть ли не все жители поселка собрались у дома, украшенного флагами и транспарантами. Огромные «МАЗы» и «КрАЗы», «Уралы» окружили площадь. В кузовах и на крышах уселись мальчишки. Был май. В Москве жара под тридцать. А здесь, в Приполярье, гуляла снежная поземка.

Когда загремела над поселком музыка, ребята, бросив гонять шайбу на замерзшей речке, побежали к библиотеке. Они все о ней знали. Кому-то посчастливилось ехать в кабине тягача, что перевозил щиты для здания библиотеки из аэропорта. Кому-то — присутствовать, когда щиты устанавливали рабочие Ново-Вятского комбината древесных плит.

Когда в библиотеке уже были расставлены книги, кто-то, побывав там, сказал: «Хорошо. Только цветов не хватает». И на другой день ребята торжественно извлекали из-под полушубков горшочки с геранью, фикусами и кактусами.

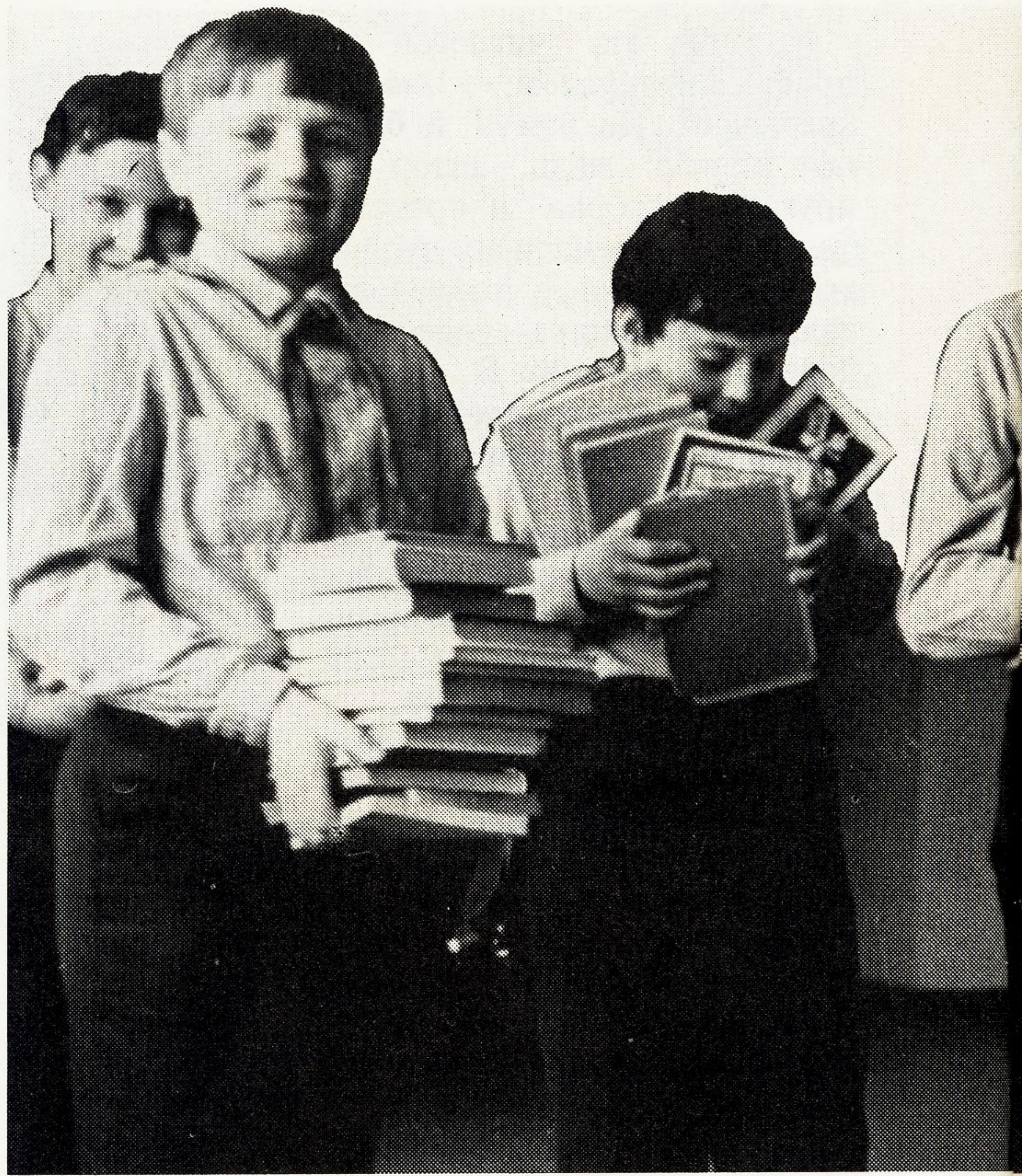
Праздничная, радостная суматоха. Она захватила всех. Украшали площадь перед библиотекой, расставляли транспаранты с гостеприимными словами «Добро пожаловать!».

...В этот день Олег Рашнилов встал пораньше. Мать украдкой смотрела, как он тщательно утюжит галстук, аккуратно складывает в портфель тетради.

Отец, стоя перед зеркалом, завязывал новый галстук. «Что это с ними?» — удивленно подумала она.

Олег же как бы невзначай спросил:

— Мама, а ты на открытие библиотеки пойдешь?

Потом они ходили по светлым залам библиотеки. Южным теплом и нежными красками светились картины, подаренные библиотеке Союзом художников СССР. Ребята рассматривали книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина», «Молодым строить коммунизм». На каждой рукой Леонида Ильича четкая роспись «Л. Брежнев». А у стенда «Золотой фонд» — книги с дарственными надписями писателей. «Комсомольцам Уренгоя с чувством восхищения их патриотическим подвигом... Валентин Катаев».

«Вам, открывающим Сибирь,
Вам, обживающим Сибирь,
Гремящим временем открыта
Грядущей жизни

высь и ширь!

Николай Грибачев».

И сколько этих книг с автографами Виктора Астафьева, Вадима Кожевникова, Георгия Маркова, Сергея Сартакова, Роберта Рождественского... Более семисот писателей подарили свои книги...

Читатели переходят от стеллажа к стеллажу. Олег берет с полки одну из книг. Раскрывает и снова видит автограф:

«Уренгойцы! Мы гордимся вашими успехами на трудовом фронте. Ваш нелегкий труд для нас, комсомольцев, — беззаветный пример советского героизма и мужества. У себя в школе мы проводим классные часы, посвященные Уренгою, выпускаем стенгазету «Сказание о земле Сибирской». Пусть книги, собранные комсо-

мольцами, станут символом дружбы между строителями Нового Уренгоя и комсомольцами нашего класса. Ученики 9-го класса школы № 2 города Электросталь».

Книги, книги, книги... Они сегодня как на параде. Параде людской доброты и сердечности.

...Олегу — победителю конкурса чтецов, книголюбу, выпала честь вместе с Павлом Боряевым, командиром Всесоюзного отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ, депутатом Верховного Совета СССР, стать одним из первых читателей библиотеки.

Ему не терпелось заглянуть в свой читательский формуляр.

Там было записано: «Читательский формуляр ученика 6-го класса Рашнилова Олега». А дальше шли чистые, незаполненные строчки, как в первой школьной тетради, в которую потом впишут буквы, цифры...

Ребята спрашивали друг друга: «Какую книжку возьмешь?» И тут же уговаривались: «Чур, я после тебя».

Обращение журнала «Смена» к своим читателям — создать библиотеку в Уренгое — стало делом всенародным. И пожалуй, большую долю книжного фонда помогли собрать ребята. Они покупали книги на деньги, заработанные на субботниках, проводили операцию «Книги — Уренгою».

Об этом рассказали пионеры из города Обнинска:

— Сначала мы наметили обойти два дома на улице Королева. Шли с настроением неважным: по опыту знали, что не всегда такие прось-

Верхний снимок сделан в Москве, когда обнинцы были в редакции журнала «Смена», нижний — в Уренгое. Олег Рашнилов получает читательский формуляр № 1.

бы находят отклик у людей. Но все же взяли по сумке и пошли. И сразу, с первых квартир, стало ясно: сомневались мы напрасно. Нас встречали приветливо и книги давали. Интересные книги, по несколько в каждой квартире. В этих двух домах мы собрали более ста пятидесяти книг.

Первыми книги в редакцию «Смены» привезли ребята из обнинского юнкоровского отряда «Солярис». Торжественно передали нам двести сорок томов.

Здесь же, в редакции, они принимали в пионеры лучших октябрят, под барабанный бой повязали им красные галстуки.

Вернувшись в Обнинск, ребята из отряда «Солярис» на тимуровском слете рассказали о том, как в Уренгое создается библиотека. И все школы города решили принять в этом участие. Руководил операцией штаб Тимура. Ребята собрали более пяти тысяч книг!

«Пусть книги, собранные нами, помогут вам жить и работать», — написали уренгойцам обнинцы.

...И еще запомнил Олег в тот день слова Сергея Стрельникова, плотника: «Книга для нас — это большой помощник в труде, советчик в жизни. Это часы общения с миром прекрасного. И мы будем беречь книги, собранные со всех концов страны. Человек, который познал прекрасное, не положит криво кирпич, не поставит худую крышу. И мы заверяем, что будем работать на совесть, по-уренгойски. Ведь мы на виду у всей страны».

Олег открыл «Книгу почетных гостей» библиотеки. Прочитал первую запись. Ее оставил дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР В. И. Севастьянов: «С поклоном доброте человеческой...» Потом подошел к книжной полке и стал выбирать книгу.

Первую книгу из первой в северном поселке Уренгой библиотеки, носящей имя журнала «Смена».

ШКОЛА БУДУЩЕГО... КАКАЯ ОНА БУДЕТ?

«Дорогая редакция! Вам пишут засекреченные люди: Господин Немо, Фантомас и Человек-Невидимка. Одним словом — СЮФ («Совет юных фантазеров»). Наш совет решил обратиться к вам вот с чем: давайте поговорим о школе будущего, что она будет собой представлять? Кто будет вести уроки — учителя или роботы? Куда будут ученики ходить, ездить или летать на экскурсии? Ждем ответов!»

СЮФ, г. Южно-Уральск Челябинской обл.

Вот такое мы получили письмо и решили: пусть начнут разговор ребята.

«XXI век. День первый — понедельник. Встала я в семь часов, оделась, позавтракала и побежала в школу. Бегу и чувствую, что опаздываю, а первый урок у нас история. Влетаю в класс — в комнате никого. Стучу в соседний кабинет и спрашиваю: «Вы не знаете, куда седьмой «А» пропал?» А мне и отвечают: «Да они ж в каменный век полетели на экскурсию». Звонок прозвенел, и стали появляться наши ребята. Вид у них был такой, будто за ними племя дикарей гналось. Оказалось, так оно и было.

А на следующем уроке — географии — мы изучали тему «Реки нашей планеты» на берегу Амазонки...»

Лена Згановская.

«Обучение будет происходить в специальных классах. Ученика сажают на стул и направляют на него луч, с помощью которого он все сразу выучивает!»

Сергей Карякин.

«Никакие приборы даже в двухтысячном году не смогут духовно наполнить человека. Ученику, как и прежде, придется самому понимать смысл прочитанных произведений и самому понимать услышанную музыку».

Павел Малев.

«В школе не будет перемен, потому что уроки будут интересными и никто не станет уставать».

Люда Приходько.

«Я не согласна с теми, кто считает, что всю школьную программу можно уложить в ящик, «запустить» туда ученика, и через несколько часов он выйдет оттуда со средним и даже высшим образованием. По-моему, очень скучно лишать человека школьных лет».

Оля Позднякова.

Продолжает разговор писатель-фантаст Север Феликсович ГАНСОВСКИЙ.

Описать в подробностях школу двухтысячного года и далее — задача нелегкая. Дело в том, что конкретные условия будущей жизни зависят от тех — по большей части неожиданных — изобретений и открытий, которые еще не сделаны.

Поэтому наиболее «достоверными» мне кажутся те прогнозы, где речь идет не столько о школьном быте (одна девочка написала, что надо специальными лучами просвечивать класс, чтобы определить, кто не приготовил уроки), сколько о больших, общих проблемах.

Одна из них — скорость, или «плотность», обучения.

Многие авторы убеждены, что в будущем месячную программу удастся усваивать в течение получаса. Один мальчик написал, что весь школьный курс станут проходить, лишь на пять минут сунув голову в специальный ящик.

Что ж, если говорить об отдаленном будущем, нечто похожее возможно. В школьной программе немало таких вещей, которые надо, не мудрствуя, накрепко запомнить. И было бы странно, если бы наука не принесла нам в конце концов способа в десятки, в сотни раз быстрее, чем сегодня, помещать в сознание таблицу умножения, таблицу Менделеева, хронологические таблицы, бесчисленные правила и исключения русского языка, формулы химии, законы физики, доказательства теорем. Пусть не за пять минут пройти школьный курс, а хотя бы за месяц.

Но возникает вопрос: чем тогда заняться девочке или мальчику, которые в семь лет уже получили среднее образование, но физически и душой вовсе не созрели для взрослой жизни?

Ведь школа не одно лишь обучение. В смене лет и классов с уроками, контрольными, записочками, домашними заданиями, прогулками, танцами, кружками, дружбой, симпатиями, любовью формируются способности анализировать, мыслить. Один становится волевым, а другой нет, кто-то гордым, смелым, любознательным, а кто-то ленивым.

Рисунок Н. МАРКОВОЙ.

Первоклассник развивается в подростка, юношу или девушку, в личность, выковываются характеры, познается жизнь.

Как же будет формироваться человек, если программа всей школы познается за несколько недель?

В письмах ребят есть ответ.

Воспользовавшись машиной времени, школа будущего на уроке истории отправляет своих учеников в каменный век, к первобытным людям, а географию благодаря достигнутой победе над пространством изучают, так сказать, на месте: тему «Пустыня» — в Сахаре, тему «Реки нашей планеты» — на берегу Амазонки.

Оно бы, конечно, хорошо: знания становятся более конкретными. Но, во-первых, как посмотрят воины Батыя, «король-солнце» Людовик XIV на экскурсантов из какого-нибудь, скажем, седьмого «А»? И, во-вторых, очень уж все пассивно: математика и физика сами помещаются в голову, первобытные люди, амазонская сельва и Версаль без всяких усилий с нашей стороны являются перед глазами — на, смотри, трогай, убеждайся. Этак школа воспитывала бы слабых, безынициативных потребителей, а не людей решительных, деятельных.

Может быть, лучше не просто в качестве любопытного наблюдателя-подглядывателя посещать прошлое и другие края, а большими отрезками времени жить там? Так, герой одной моей повести живет в древней Ниневии, столице Ассирийского царства. Он видит все ужасы жизни бедных людей Ассирии. Его другу — безрукому глазурувщику пришлось заложить ростовщику своего сына, чтобы добыть деньги на лечение. Герой вместе с глазурувщиком впрягается в тяжелый плуг, вспахивает поле и выращивает урожай. Он скитается в пустыне, устремляется со своими новыми друзьями к Великому Морю Заката. Берег, финикийский корабль, шторм... и герой приходит в себя в собственной современности. За несколько часов им прожито несколько лет.

Возможно ли такое? Да, если речь идет не о подлинном путешествии в прошлое. Понятно, что на самом деле перенестись в прошлое невозможно. И тут на выручку исследователям придет фантастика.

Фантастикой польский писатель Станислав Лем назвал такую искусственно созданную действительность, которая для помещенных в нее разумных существ ничем не отличается от настоящей. Благодаря сложным устройствам с обратной связью, запрограммированным на создание определенных иллюзий, у будущих школьников можно будет создать впечатление, будто они живут в Древнем Риме или в средневековом городе, плывут по Волге с войском Степана Разина, штурмуют Бастилию, Зимний дворец, спускаются в кратер Везувия, поднимаются к Луне или кольцам Сатурна, путешествуют

по океанскому дну. Их будут ждать приключения, и ребята будут проявлять и закалять в них волю, находчивость, упорство, смелость.

А из мира фантастики они спокойно возвратятся в свою классную аудиторию. Так школьники будущего смогут познавать жизнь в разнообразнейших проявлениях как прошлого, так и будущего.

Итак, что же набралось у нас для школы будущего? Сжатый, спрессованный курс того, что надо запомнить, и бездна впечатлений, полученных с помощью фантастики.

Чего же не хватает?

Уроков, на которых проходили бы, скажем, такие предметы, как «Ум, Чувство, Добро и Понимание Всех Людей». У нас также недостаточны «уровень человеческих отношений» и «духовное наполнение человека». Конечно, в школе будущего свободного времени у ребят станет больше, и уроки живописи, музыки, танца займут достойное место в расписании. Но полагаю, главное будет не в этом. Духовное наполнение человека нельзя преподать на уроке — оно рождается в результате общего дела.

У каждого класса в будущем будет такое дело. У маленьких, скажем, создание сада и огорода. Ребята постарше возьмутся возводить при саде дом, который сделается позже клубом-кафе этого класса (понятно, чьи картины украсят стены этого дома). Скажем, седьмой класс сконструирует электромобиль, а восьмой отправится на нем к берегу моря и построит там яхту. Девятый класс построит самолет, а десятый приступит к полетам на нем.

Вот так, насытив разум достижениями разных наук, побывав в дальних странах и эпохах, овладев десятком ремесел-профессий, станут входить в мир будущие выпускники.

Мы говорим о школе будущего, как о чем-то очень отдаленном. Однако стоит внимательно оглядеться по сторонам, чтобы увидеть: школа эта начинается сегодня. Лингафонные кабинеты, спортивные залы, которые есть почти в каждой школе, это черты школы будущего. А телевидение и кино на уроках! А новые методы обучения по новым программам! А школьные заводы, лесничества, производственные бригады, помогающие ребятам выбрать свой путь! Это ведь тоже ростки будущего.

Взрослые готовят фундамент школы будущего, строить это здание предстоит вам. Настоящее зависит от взрослых, будущее — от школьников.

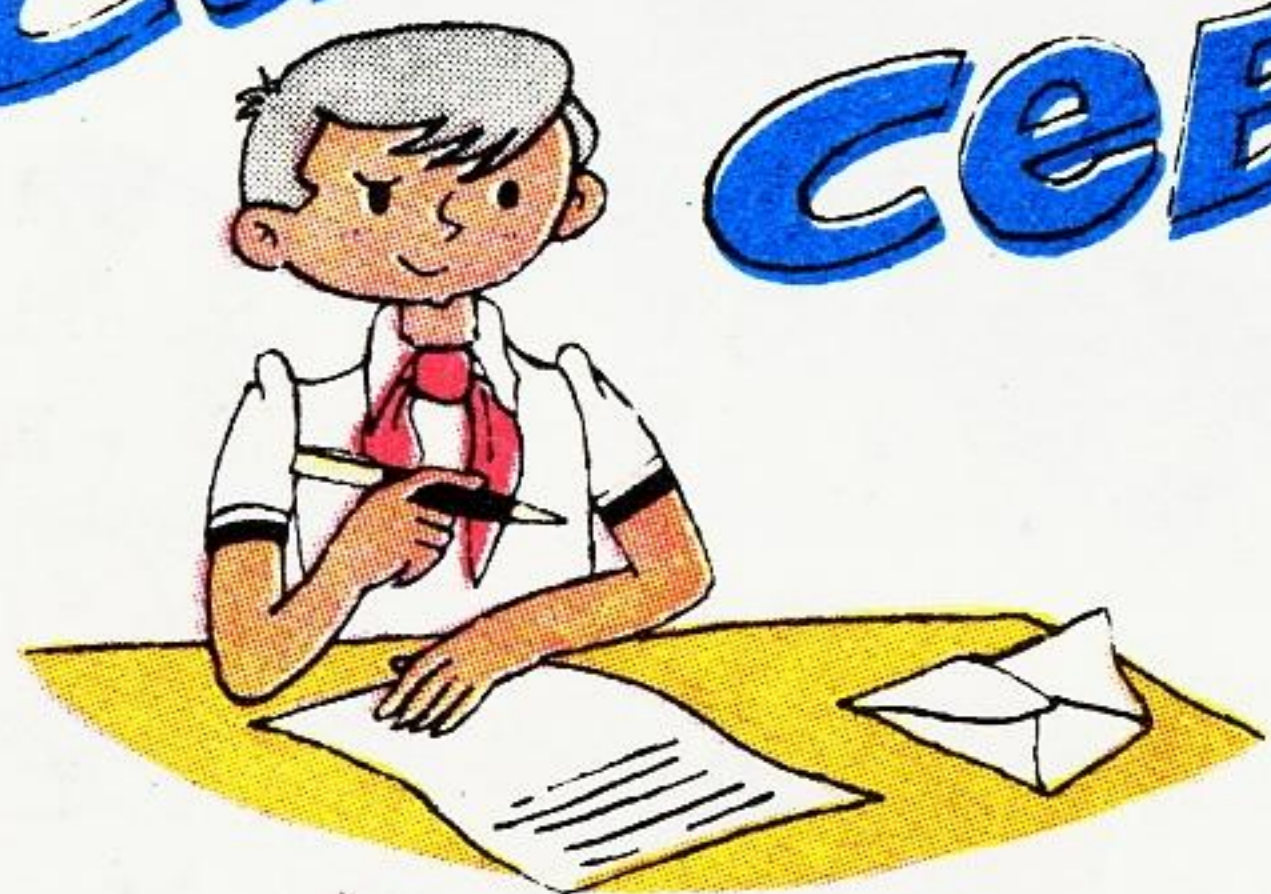
*

Разговор о школе будущего не закончен — мы ждем ваших писем, ребята. Нам интересны не только фантастические проекты — расскажите нам о тех чертах школы будущего, которые уже есть в ваших школах.

Ждем писем!

Сами о себе

За круглым столом

Наш КИД носит имя немецкого антифашиста Фрица Вайнека.

Однажды мы собрались в нашем клубе. За каждым столиком сидели «послы», то есть ребята, которые ведут переписку. Перед ними стояли флаги тех стран, где живут корреспонденты «послов». Ребята по очереди рассказывали о том, что они узнали из писем своих зарубежных друзей.

Еще мы провели ярмарку солидарности. Все кидовцы готовили ее: шили и вышивали, вырезали и выжигали поделки для ярмарки. Вырученные деньги пошли в Фонд Мира.

Этот год объявлен Годом ребенка. Пусть он будет радостным и счастливым.

Аня ДАНИЛОВА,
пос. Савинский,
Архангельской области.

Хочу собрать локомотив

Мне очень нравятся игрушечные железные дороги. Нравятся маленькие деревья, мосты, тупики, стрелки. Я люблю делать сам и дома, и вагоны, и деревья, и машины. И еще мне очень хочется самому собрать локомотив.

Миша КИРЮХИН,
г. Москва.

Отвечаю Лене

Я хочу ответить Лене Лебедевой. Ее письмо «А вы как думаете?» было напечатано в шестом номере.

Мы с одноклассницами тоже часто спорим о том, какой должна быть современная девочка, и мнения наши расходятся. Еще бы, они носят удлиненные прямые юбки с разрезами, модные сейчас «распашонки», а мне нравятся мальчишечьи куртки, джинсы с карманами на коленях, свитера и рубашки свободного покроя. У нас в селе девочки считают зазорным проехать на велосипеде, а я без него жить не могу. Говорят: «Мальчишество». А что тут плохого? Мне мальчишки нравятся даже больше, чем девчонки. С нашими девочками можно поговорить только об одежде и о мальчиках. А с Валькой, моим другом, о чем угодно. Когда я спросила его мнение о Ленином письме, он сказал: «Будь ты в юбке, будь ты в брюках, девчонкой ты была, девчонкой и останешься, но если в голове только одна цель — быть красивой, — то грош тебе цена со всей твоей современностью». И я с ним полностью согласна.

Вера ЖУКОВА,
с. Луково, Донецкой области.

Воспоминания о лете

Художественной гимнастикой я занимаюсь давно, со второго класса. Летом мы всей группой ездили в спортивный лагерь на юг. Перед отъездом мамы, папы и бабушки волновались: как мы там будем жить без них? А вдруг простудимся, а вдруг переутомимся на тренировках? Но никто не простудился, от тренировок мы тоже не устали, хотя и тренировались очень много.

В лагере мы, конечно, и отдыхали. Плавали на теплоходе, были в Сухумском ботаническом саду, гуляли в парках города Гагры, слушали орган на мысе Пицунда, ходили в горы к озеру Рица и спускались под землю в Ново-Афонские пещеры. Везде мы узнавали что-то новое, интересное, незабываемое.

Кончилось лето, налетели школьные будни: уроки, контрольные, сборы, тренировки. А нет-нет да и вспомнится путешествие по Кавказу.

Оля ГРИГОРЬЕВА,
г. Ленинград.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Чем дышат земноводные под водой?

Ученик. Носом!

А. Зубров,
г. Курск.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Как определить, что вода в чайнике закипела?

Ученик. Если крышка подпрыгивает.

Учитель. А если нет крышки?

Ученик. Тогда подпрыгивает чайник.

Лена Евсева,
г. Владимир.

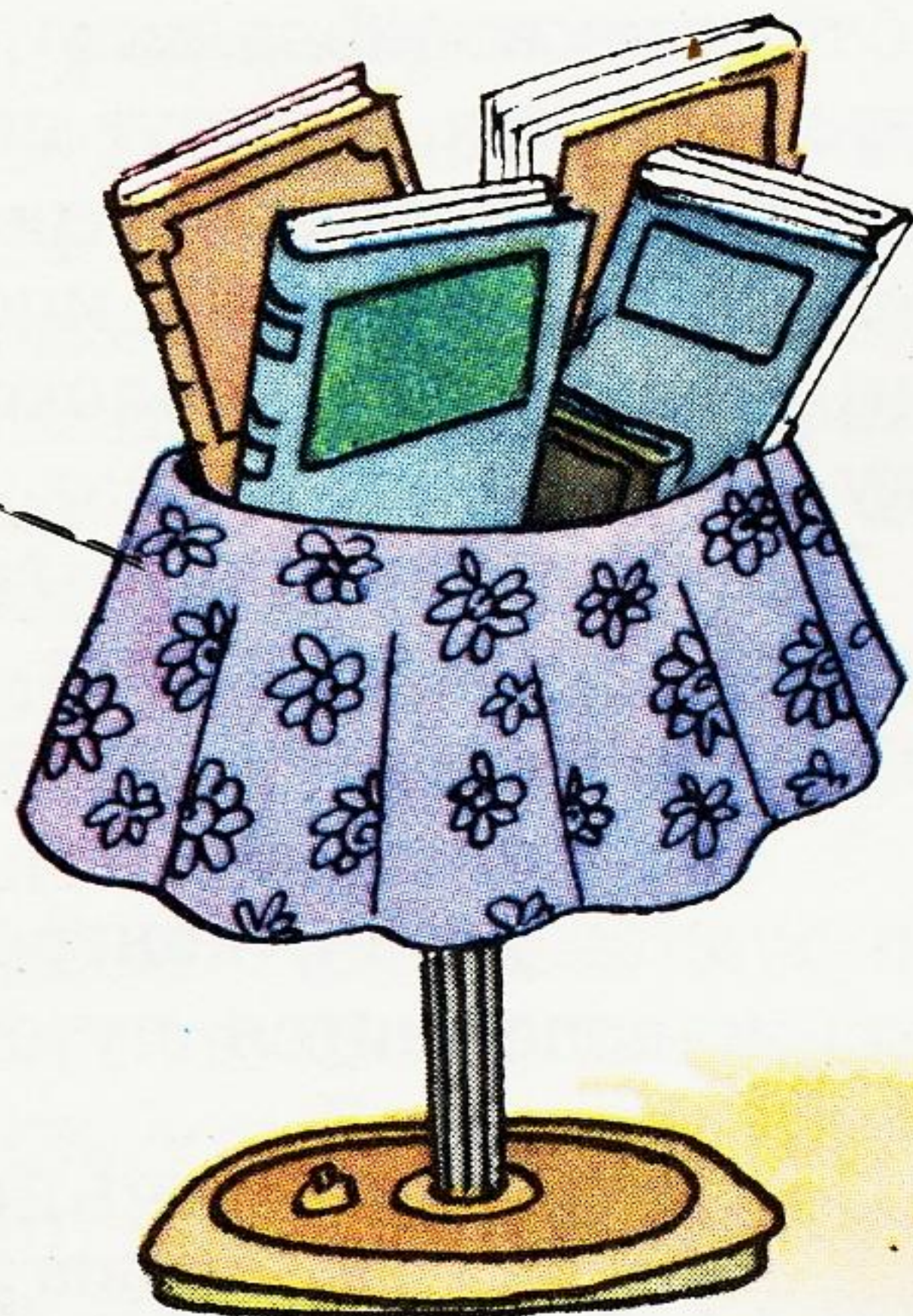
НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Как ты понимаешь слово «стенография»?

Ученица. Это когда пишут на стенах.

Люда Кольцова,
г. Ржев.

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Как охраняются леса в нашей стране?

Ученица. Лес и его животный и растительный мир борются с браконьерами.

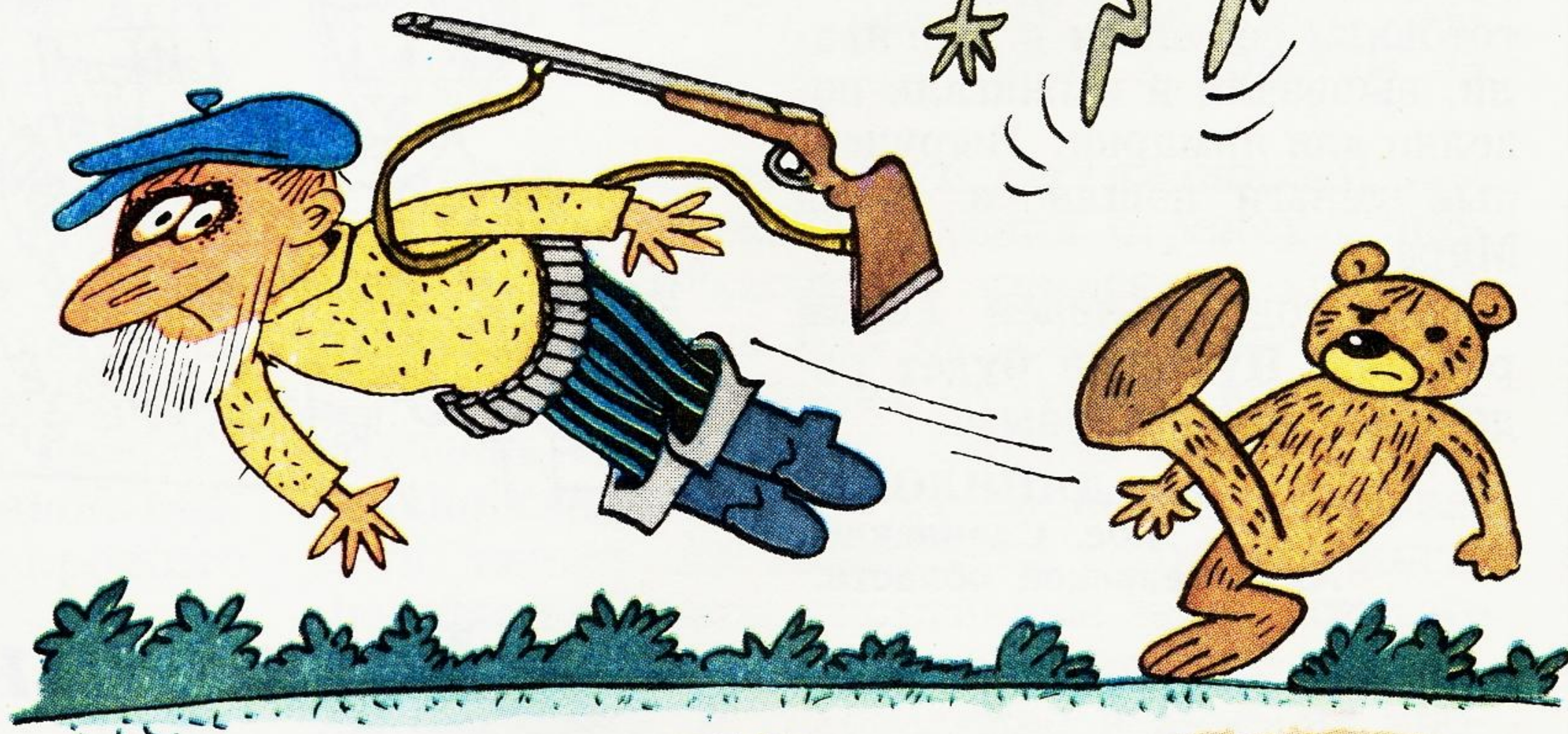
Лена Клочкова,
с. Тузуклей,
Астраханская область.

* * *

Учительница. Какие деревья растут в Италии?

Ученик. Апельсинное, лимонное и макаронное.

Саха Сапрыкин,
г. Ташкент.

Из школьных сочинений

«На столе стояли три телефона и абажур с книгами».

«Когда Чацкий узнал, что Софья в стане его врагов, он начал бить ее меткими словами».

«Из-за угла высунулось лицо собаки».

«На переднем плане мы видим мальчика, а за горизонтом — стадо коров».

«Одет он просто: старая шапка, выгоревшая рубашка и галифе с кнутом».

«Около дома растут трава, цветы, березы и сараи».

ВИКТОР РАДУНСКИЙ

НЮШКА, ДРЕССИРОВЩИК И ЕГО АССИСТЕНТ

ИЗ РАССКАЗОВ О НЮШКЕ

Ура! Наконец-то у нас собака! Правда, не эрдель, как я хотел, а фокстерьер. Ну и что? Все равно здорово! Отец будет ходить с ней на охоту, а все остальное время она со мной.

Первую ночь Нюшка скулила и не давала мне спать. Заснул я только под утро и так крепко, что даже не услышал будильника. Хорошо, что мама меня разбудила и в школу я успел вовремя.

Очень мне хотелось побыстрее рассказать ребятам о щенке, но я удержался. Вот научу Нюшку чему-нибудь, тогда и покажу. А пока буду дрессировать ее, учить всяким приемам. Не только лежать или сидеть, но и, к примеру, приносить тапочки или портфель. Научу Нюшку прыгать через барьер, — может, пониже и не такой, через который Сережкин Рекс прыгает, но все же. И разным фокусам научу.

Спать мне хотелось ужасно. На уроке арифметики я даже задремал. Мишка, сосед по парте, толкнул меня.

— Ты что, спишь?

Мария Ивановна в это время записывала на доске задачу. А слух у нее, я вам скажу, как у охотника, и чтобы она не услышала, я написал на промокашке: «Только никому!» Написал и сам испугался: я же не хотел рассказывать про Нюшку. Мишка затряс головой и провел ребром ладони по горлу: поклялся, что не выдаст тайну. Тогда я написал на промокашке: «У меня есть щенок». От удивления глаза у Мишки стали круглые, и он громко спросил:

— Какой?

— Что «какой», Григорьев? — обернулась учительница.

Мишка в таких случаях никогда не терялся.

— Я хотел спросить, в какой день вспахали половину поля.

Мария Ивановна подозрительно поглядела на Мишку.

— Если бы ты, Григорьев, был внимательнее, то понял бы, что этого совсем не нужно знать, чтобы решить задачу.

Мишка дождался, пока Мария Ивановна снова повернулась к доске, и написал на промокашке: «Какой породы?» Я: «Фокстерьер». Он: «Ищейка?» Я: «Нет, охотничья». Но тут Мария Ивановна села за стол, и наша переписка прекратилась.

На перемене Мишка увел меня в самый конец коридора и стал допытываться: что за порода фокстерьер, сколько месяцев Нюшке и что она умеет делать? Я пообещал ему показать Нюшку, но только с таким уговором: во-первых, он будет моим ассистентом, во-вторых, пока мы не обучим Нюшку, о ней никому ни гугу.

Мишка согласился, не раздумывая. Но потом спросил, что значит «быть ассистентом». Я понимал, что эта роль ему не очень понравится, и, как мог, осторожно объяснил, что дрессировщику требуется ассистент, помощник. Вот, например, когда собаку учат нападать на преступника, ассистент играет преступника, а когда учат не брать пищу у чужих, ассистент играет чужого.

— Это что же получается, ты, значит, всегда будешь хорошим, а я плохим, да? — обиделся Мишка.

Я стал его успокаивать и сказал, что когда у Нюшки будут щенки, я дам ему щенка. И тогда я буду у него ассистентом.

Тут перемена кончилась, и мы побежали в класс.

Последний урок был русский. Мария Ивановна сказала, что будем писать изложение. Рассказ был про то, как ребята заблудились в лесу и как они по-разному себя вели. Я представил себе, будто мы с Мишкой идем по лесу. Наши корзинки полны грибов. Уже темнеет, и вдруг обнаруживаем, что сбились с дороги. Я приказываю Нюшке:

— Ищи, Нюшка, ищи наш дом!

И она выводит нас на нужную дорогу.

— Вострецов! Повтори мой вопрос! — доносится до меня голос Марии Ивановны.

Все ребята смотрят на меня и смеются. Ма-

рия Ивановна смотрит на меня строго, но глаза у нее смеются.

— Ты что, заснул, Вострецов?

— Нет, — говорю я, — я не сплю, я обдумываю изложение.

Мария Ивановна качает головой:

— Ну что ж. Раз ты так серьезно обдумываешь, значит, хорошо напишешь...

Я с трудом придумал первую фразу, потом вторую. Это оттого, что мне страшно хотелось спать, прямо глаза слипались. Когда наконец прозвенел звонок, Мария Ивановна собрала тетради, отпустила всех ребят, а меня оставила.

— Вострецов, почему ты на уроках клянешь носом? Ты, наверное, поздно ложишься спать? Придется мне пригласить твою маму и поговорить о твоём режиме.

Я сразу представил, как мать скажет отцу:

— Не надо маму в школу вызывать, — попросил я. — Это у меня явление временное.

«Вот, пожалуйста! Из-за этой собаки у него теперь учеба кувыркком пошла. Я ведь говорила! Я же предупреждала!»

— Не надо маму в школу вызывать. Это у меня явление временное, — попросил я.

— Временное явление? — удивилась она. — Ты что и завтра собираешься спать на уроках?

Тут мне и пришлось рассказать все как есть.

— У меня теперь щенок. Я из-за него всю ночь не спал.

Мария Ивановна посмотрела на меня как-то странно и села.

— Какой щенок?

— Совсем маленький. Фокстерьер.

Мария Ивановна посмотрела совсем странно и спросила:

— Жесткошерстный?

— Ага.

— А как вы его назвали?

— Ньюшкой.

— Почему Ньюшкой? Она что, все время нюхает?

— Ага, все нюхает и нюхает. А ночью скулила и просилась ко мне. Вы не беспокойтесь, Мария Ивановна, я сегодня возьму ее к себе в постель и буду спать нормально.

— Что ты, Вострецов! Ни в коем случае! Ты обязательно должен выдержать характер. Если ты хоть раз уступишь ей, она тебе на голову сядет. Ты лучше погуляй с ней как следует вечером. Пусть она устанет, чтобы сразу заснула...

Мария Ивановна вздохнула.

— Счастливый ты, Вострецов! У меня никогда не было собаки. А в детстве я так о ней мечтала. Именно о жесткошерстном фокстерьере... Говоришь, Ньюшкой назвали? Славное имя придумали. Ну что ж, Вострецов, держись! Перемучайся две-три ночи, и все будет в порядке.

И Мария Ивановна посмотрела на меня, как мне показалось, с завистью.

На следующий день Мария Ивановна на уроках время от времени поглядывала в мою сторону. А на перемене спросила:

— Ну как, Вострецов, выспался? Или опять со своей Ньюшкой воевал?

— Выспался, Мария Ивановна! Она уже привыкает...

Я рассказал ей, как странно Ньюшка укладывается спать. Прежде чем улечься, кружится, вертится на одном месте. Я даже посмотрел, нет ли под половичком чего-нибудь, что мешает ей. Постелил все ровненько, но Ньюшка снова закружилась, скомкала подстилку и только тогда улеглась. Может быть, ей жестко спать?

— Нет, Костя, это у нее повадки предков проявляются. Когда первобытная собака готовила себе ночлег, она вытаптывала себе пяточок в густой траве. Там она была укрыта от врагов и ей было хорошо слышно все вокруг.

Ну и Мария Ивановна! О чем у нее ни спросишь — все знает!

Ньюшка-то молодец! Такая маленькая, а уже понимает, что сперва нужно траву утоптать, а потом ложиться спать. Если она неученая так здорово соображает, так что же будет, когда мы с Мишкой ее всему научим?

После уроков я и мой ассистент помчались к нам домой.

Пора было приступать к дрессировке.

Владимир ОРЛОВ

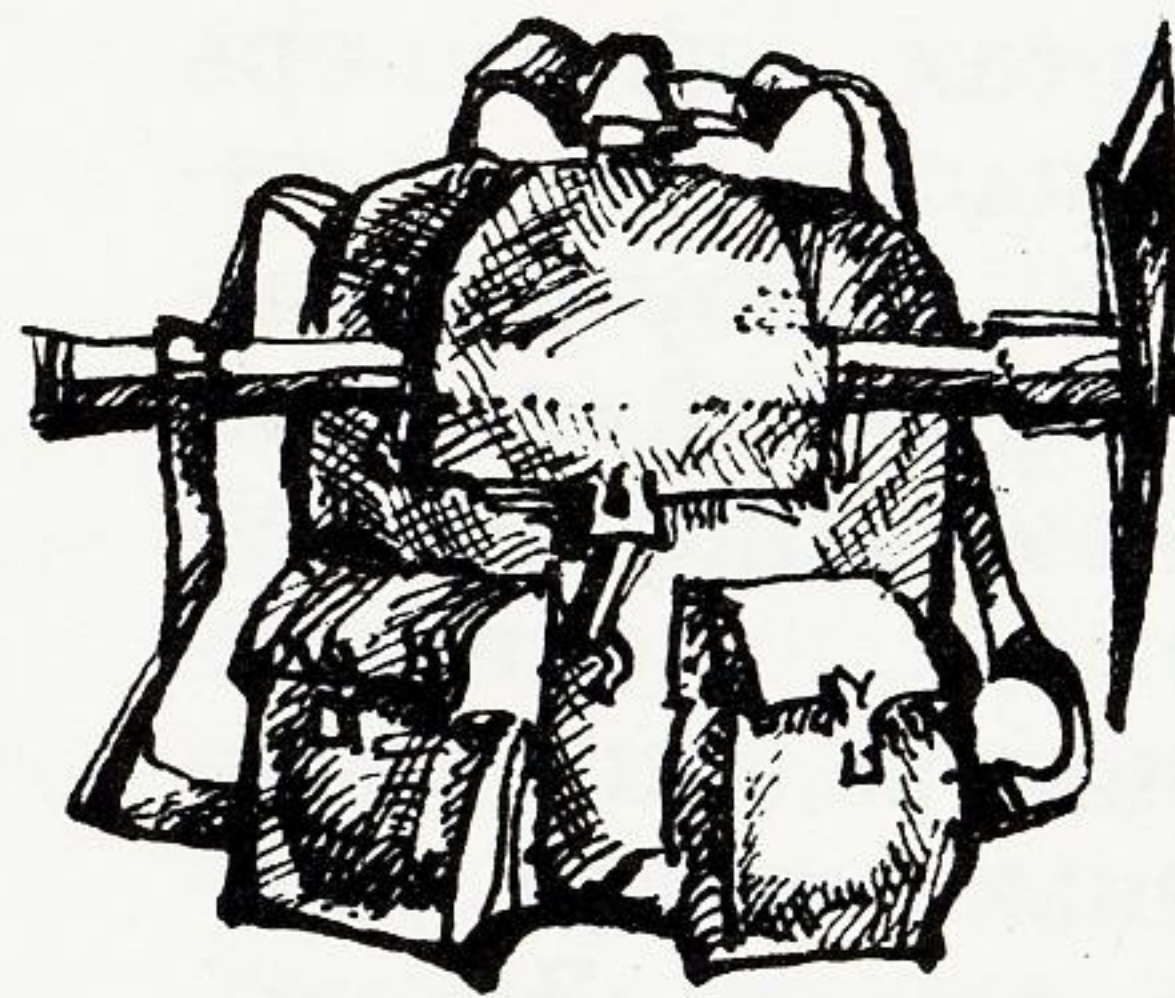
Что нашел геолог

Геолог шагал
С рюкзаком за плечами,
Дремал у костра
Ледяными ночами.
И вновь бездорожьем
До ночи шагал.
И вдруг под скалой
Обнаружил металл.

И там, где его сапоги
Прошагали,
Летят поезда
По стальной магистрали.
Ночами и днями
Гремит магистраль —
Поет о геологе
Звонкая сталь.

Где раньше когда-то
Он ставил палатку,
Теперь самолеты
Идут на посадку.
Где грел у костра
Онемевшие ноги,
«КамАЗы» и «КрАЗы»
Гудят на дороге.

А там, где металл
Обнаружил геолог,
Поднялся завод
И рабочий поселок,
В котором геолога
Нам не найти:
Наверное, снова
Он где-то в пути.

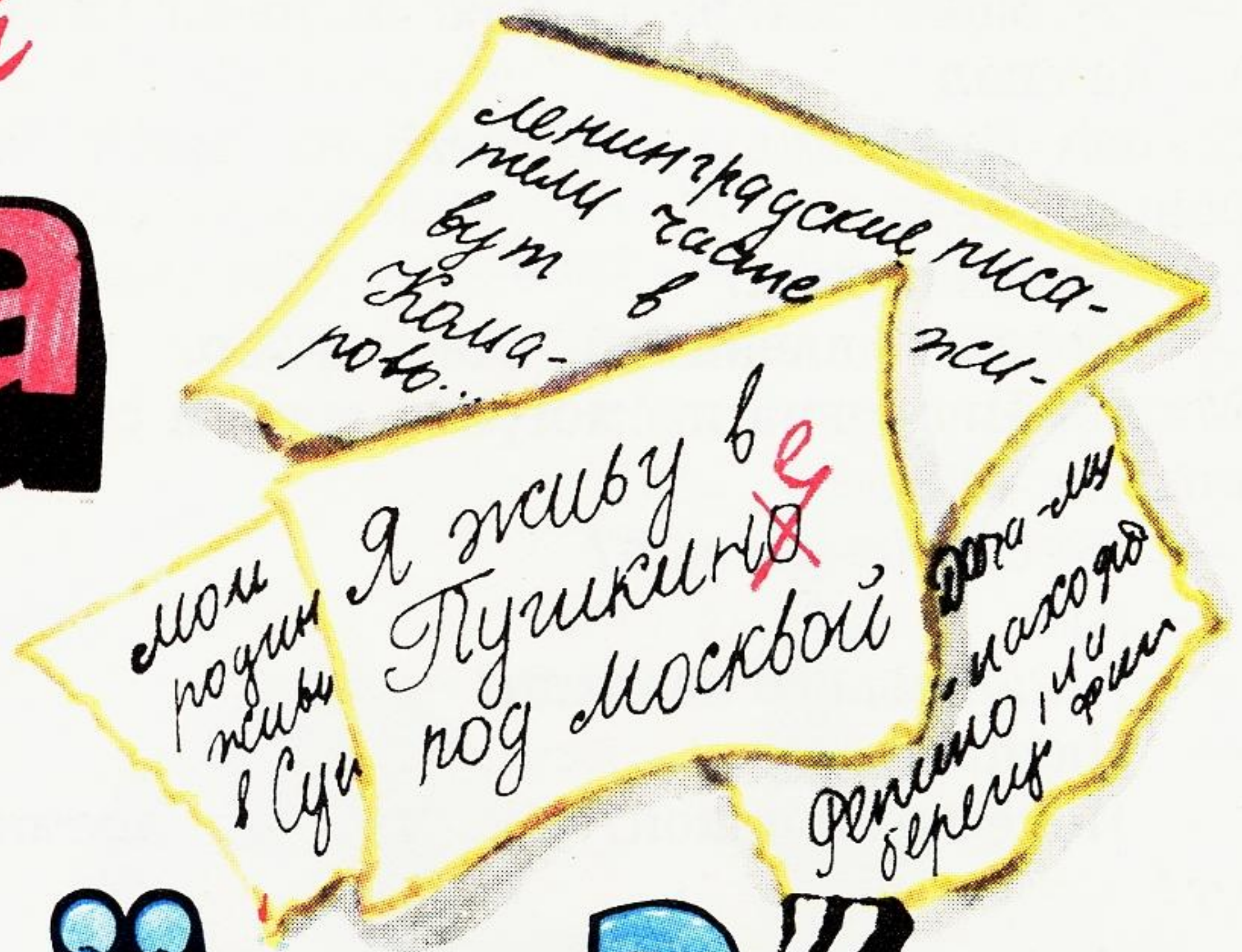

Л. Успенский

Куда вы живёте?

Рисунки А. Вовковой

А я вам не советую!

Какой глупый вопрос, не правда ли? «Я живу в Москву, а он живет — в Ленинград». Разве так можно говорить? Простительно только иностранцу, еле-еле научившемуся связывать русские слова...

Для того, кто основательно владеет русским языком, ясно и несомненно: если мы вводим в предложение название места, которое отвечает на вопрос «куда», оно должно стоять в винительном падеже. «Я еду в Москву» (куда или во что?). «Я еду в Ленинград» (куда или во что?).

Совершенно других вопросов и другого падежа требует глагол «жить». «Я живу (где или в чем?) в Москве, в Ленинграде».

Почему же тогда в газетах и книгах мы теперь сплошь и рядом читаем такие слова: «Я живу в Пушкино, под Москвой». Или: «Мои родные живут в Сусанино — под Ленинградом», «Ленинградские писатели частенько живут в Комарово, у самого Зеленогорска», «Дача-музей великого художника И. Е. Репи-

на находится в Репино, на берегу Финского залива».

Подумайте сами: слова-названия «Сусанино», «Комарово», «Репино», «Пушкино» вовсе не относятся к неизменяемым существительным наподобие каких-нибудь иноязычных слов вроде кино, депо, пианино, бюро, которые оканчива-

ются на гласные звуки и, попав в наш язык, не склоняются. Мы не говорим: «Я работаю в депе», «Он служит в бюре», «Она играет на пианине».

Но ведь названия наших деревень, сел, городков и городов в большинстве своем слова чисто русские. Их обязательно надо склонять!

„Она играет на пианино“

Он работает в БЮРО

Тот, кто этого не делает, совершает грубейшую ошибку против нашего языка, показывает, что он им не владеет.

Но тогда вы можете спросить меня: откуда же пошла эта самая ошибка? И почему она так часто попадает в письменной речи (в печати) и в устной (по радио и в телевизионных передачах)?

Странный этот обычай возник в связи с появлением названий, рожденных из имен и фамилий. Некоторым людям стало представляться: как так?! Вот тот же подмосковный город Пушкино. Я в нем поселился. Как же я теперь должен говорить? Я живу в Пушкине? Но ведь тогда могут подумать, что я поселился внутри человека по фамилии Пушкин? Внутри памятника?

Под Ленинградом, в местечке Комарово, названном по имени ботаника и географа В. Л. Комарова, есть писательский Дом творчества. Вблизи Комарова находится Репино, в честь и память великого художника Ильи Ефимовича Репина. И весьма часто писатели, живущие в Комарове, сообщают друг другу: «А мы вчера побывали в Репине». Мне еще не случилось видеть, чтобы кто-либо на это изумленно вытаращил глаза или ахнул: «Как в Репине? Но ведь он же человек!»

Нет, нет... Такого не бывает. Говорите и пишите смело: «Я еду в Репино», но «я живу в Репине» (в Комарове, в Пушкине, в Кирове), в любом населенном пункте, кончающемся на «оно» или «ино», склоняя его и ставя его название в предложном падеже.

Как, у кого можно проверить, прав я или не прав?

Ну, естественно, у наших великих писателей. Надо найти у них названия с

окончанием на «ово» и «ино» и посмотреть, как они обращаются с ними.

Первое, что мне вспомнилось, это пушкинская «История села Горюхина». Ура! Пушкин склоняет это название: что? Горюхино, чего? Горюхина... Беру книгу, читаю: «Я родился от честных родителей в селе Горюхине». «Восемь лет не видел я Горюхина»... «Страна, по имени столицы своей Горюхиным называемая...» «Науки, искусства и поэзия находились в Горюхине... в... цветущем состоянии».

Но, может быть, это только в давние, пушкинские, времена царствовала такая свобода? Может быть, позднейшие писатели от нее отказались?

Беру собрание писем А. П. Чехова. Чехов писал языком, по грамматике своей почти не отличающимся от нашего.

Вот письмо его от 28 февраля 1892 года. Чехов только что побывал в имении, которое собирался купить. Он описывает его знакомому, не бывавшему в тех ме-

стах. А вот в Воронежской губернии они были оба. И Чехов пишет своему корреспонденту: «От станции... расстояние такое, как от Боброва до Коршева».

Бобров — воронежский городишко, а Коршево — близкая к нему деревенька.

Вы видите, слово «Коршево» Чехов преспокойно склоняет.

Через несколько строк он же сообщает, что его брат Миша был в Тапканове (Тапканово — другое село, где тоже продавалась земля). Склоняет он и это название, склоняет название Богимово (имение помещика Колосовского, у которого Чехов жил на даче), пишет, что жена хозяйина куда-то уехала: ей надоело хозяйничать (где?) в Богимове.

Склоняют и он сам, и его знакомые название Мелихова — его собственного именица. И И. С. Тургенев склонял имя своего Спасского-Лутовинова.

Нет, дорогие читатели, я не ошибся. И всячески рекомендую вам такие чисто русские имена склонять.

Е
Н
С
Ю
Т
Ж
И
С
Ю
Т
П
РАБОТАЮ В
ДЕПЕ

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

Братья и сестры Луны

«Если на таких планетах, как Сатурн и Юпитер, нет жизни, то откуда вокруг них спутники?»

*Лена Нагольная, 5-й класс,
село Тырново, Молдавская ССР.*

Дорогая Лена! Разве спутники бывают только те, которых запускают в космос жители планеты? А как же тогда наша Луна? Ведь мы, жители Земли, ее не запускали. Она существует миллиарды лет, примерно столько же времени, как и сама Земля. Но и теперь, когда человек владеет техникой боль-

шого могущества, он не способен запускать в космос огромные спутники, подобные Луне.

Ну, а спутники Юпитера или Сатурна? У Юпитера их пока обнаружено тринадцать. Самые большие из них — Ио, Европа, Ганимед и Каллисто. Их открыл еще великий астроном Галилей. Так вот из этих четырех спутников Европа чуть меньше нашей Луны. Ио по диаметру больше Луны на сто километров. А Каллисто и Ганимед не только больше Луны, они размером с планету Меркурий!

Что касается спутников Сатурна, то самый крупный из них — Титан — больше Меркурия. Но и самые маленькие спутники Сатурна имеют диаметр больше десяти километров. Если бы такой спутник доставить в Москву, он занял бы все пространство внутри Садового кольца.

Их создавали и выводили на орбиту не жители этих планет, а те природные силы, те законы механики и физики, которые управляют всеми телами в космосе от мельчайших пылинок до гигантских планет и звезд.

Е. РУБЦОВА

Дубовые орешки и краски на все руки

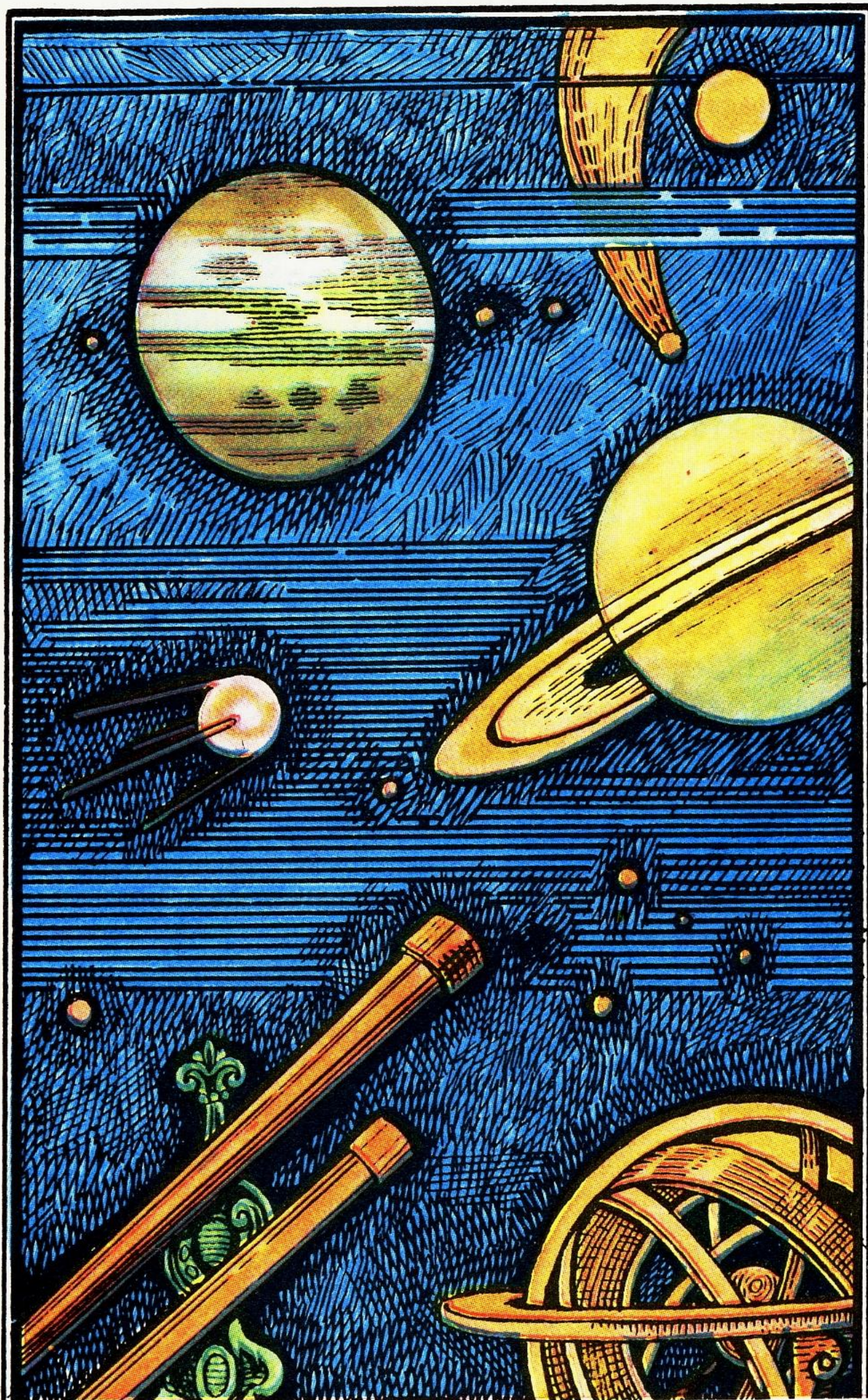
«Откуда достают чернила?»

*Дина Азарова, 3-й класс,
г. Белгород.*

Ты, наверное, думаешь, Дина, что чернила, как железная руда или нефть или другие природные ископаемые, находятся где-то под землей и оттуда «достаются» в готовом виде. Нет, это не так. В старину, например, сто—двести лет назад, чернила изготавливались из особых наростов на дубовых листьях. Эти круглые наросты — болезнь листа. Они развиваются от укуса маленькой осы, которая откладывает в мякоть листа свои яички. Ткань листа от этого разрастается в виде маленьких шариков размером с ягоду черешни или лесной орех. Их собирали, извлекали из них сок, добавляли туда соль и железо, от которых сок чернел. Кроме того, добавляли еще разные вещества, чтобы не заводились бактерии.

Но в наше время чернильных орешков не напасешься, чернил надо слишком много. И вот химики придумали новый способ делать чернила. Теперь растворяют в воде с примесью спирта анилиновые красители. Для черных чернил — нигрозин, для красных — фуксин, для лиловых — метилвиолет. А вот эти-то анилиновые краски тоже получают искусственным путем на химических заводах.

М. ДАНИЛЕВИЧ

ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ

В СТРАНЕ ШАХА

И БЕЛЫХ ПОЛЕИ

ЮНЫЕ НА СПАРТАКИАДЕ

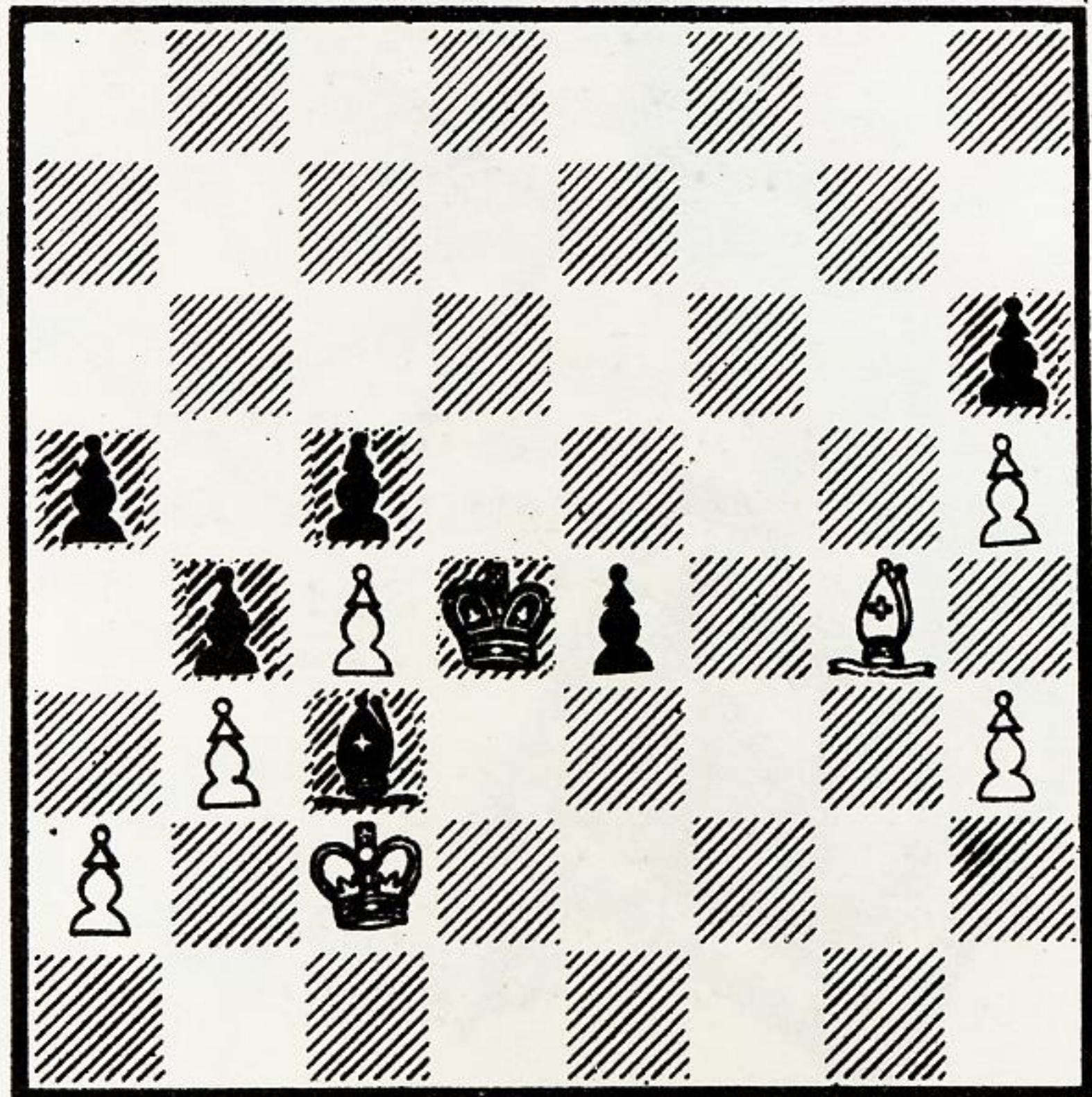
Спартакиада народов СССР. В Москву со всей страны приехали лучшие спортсмены, сильнейшие шахматисты. В том числе много гроссмейстеров, мастеров и... 12 юных шахматистов. В шахматных матчах принимали участие и чемпионы мира Анатолий Карпов и Майя Чибурданидзе.

Пешкин очень радовался тому, что его юные друзья будут сражаться на равных со взрослыми, закаленными в боях мастерами, и волновался за них.

Но ребята не подвели. Успешно играл международный мастер Гарик Каспаров, о котором мы уже рассказывали. Упорно сражался четырнадцатилетний Таалайбек Иманалиев из Фрунзе. Первый разряд Таалайбек получил, когда ему было 12 лет.

Восьмиклассница Флюра Хасанова играла в сборной команде Узбекистана. Флюра — кандидат в мастера, чемпионка своей республики среди взрослых шахматисток. На Спартакиаде она одержала ряд убедительных побед.

Эта позиция возникла в ее

партии с туркменской школьницей Ларисой Бреусовой.

Черные стремятся прорваться своей проходной пешкой к полю превращения в ферзи. У них материальный перевес — сдвоенные белые пешки на линии «h» надежно удерживает пешка h6. Белым необходимо создать заслон на пути пешки e4.

Партия продолжалась так:
58. Cg4—e6 Kpd4—e3.
59. Ce6—f5 Кре3—f3 60.
Cf5—g4+ Kpf3—f2 61.
Cg4—d1 e4—e3 62. Kpc2—d3.

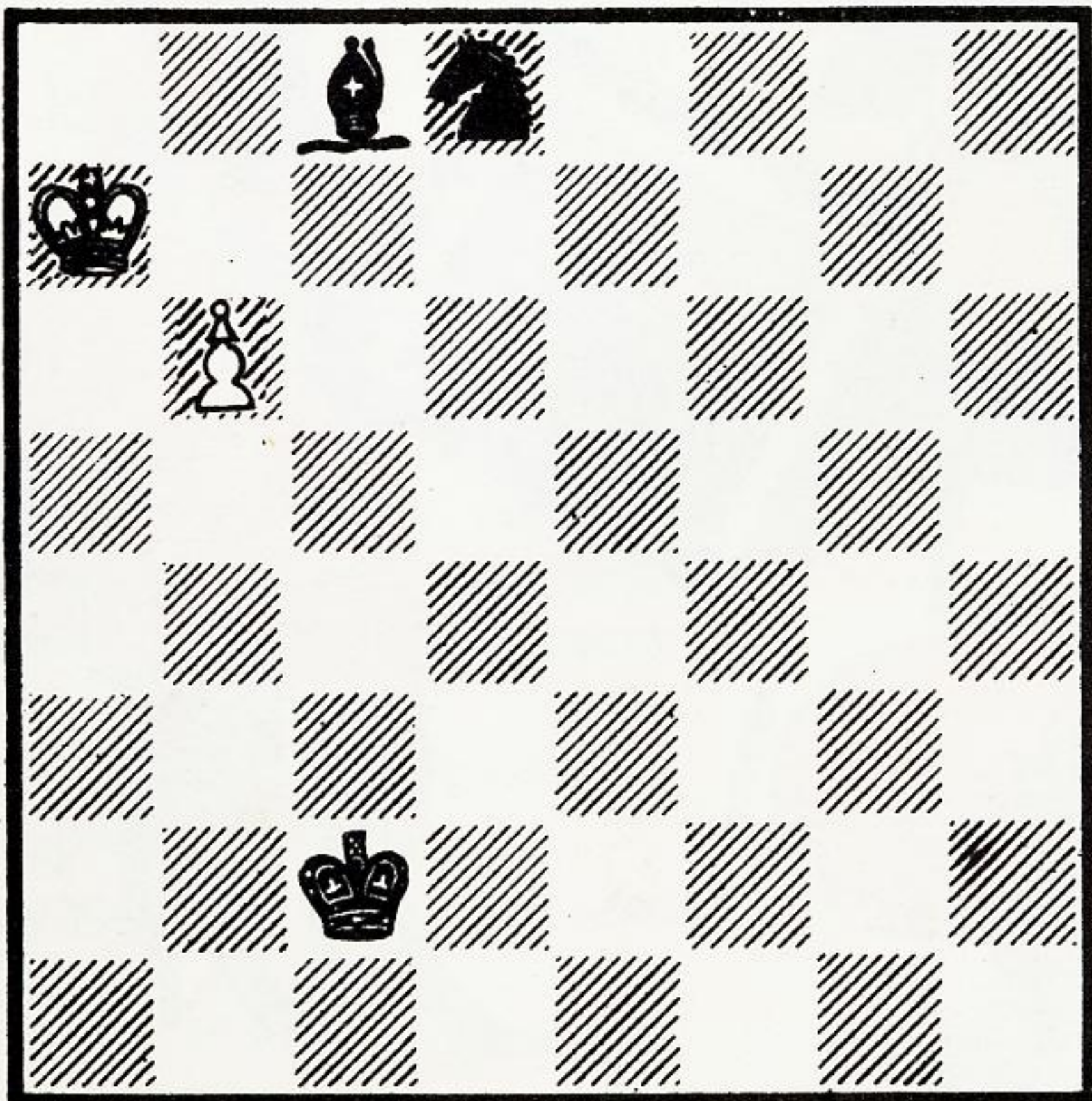
Непроходимый рубеж создан. Теперь черным никак не прорваться.

62... Cc3—d4 63. Cd1—e2 Kpf2—e1 64. Ce2—g4. Ничья.

КОНКУРС ПЕШКИНА

Пешкин внимательно читал все письма участников конкурса и остался доволен: большинство ребят научились разбираться в тайнах шахматных позиций. Среди пришедших точные решения Эдик Сухашвили (г. Каспи Грузинской ССР), Асхат Шихов (с. Луговое Джамбулской области), Марина Копейко (г. Семипалатинск), Александр Белоус (г. Киев), Алик Френкель (г. Волжский, Волгоградской обл.), Аркадий Насекин (г. Сибирцево, Приморского края), Сергей Сафронов (г. Миасс, Челябинской обл.), Коля Ширяев (г. Москва), Андрей Маринов (пос. Верхне-Тулумский, Мурманской обл.), Ашот Амбарцумян (г. Ленинакан).

Пешкин предлагает решить

Флюра Хасанова.

еще один этюд, в котором белые, начиная игру, делают ничью.

Позиция на вид очень простая. Но если черным удастся подвести поближе короля, они выиграют пешку, а слон и конь, как вы знаете, могут дать мат одинокому королю.

И все же ничья! Каким образом?

Судейская коллегия подводит итоги и скоро разошлет сообщения, кто из участников конкурса получит спортивный разряд.

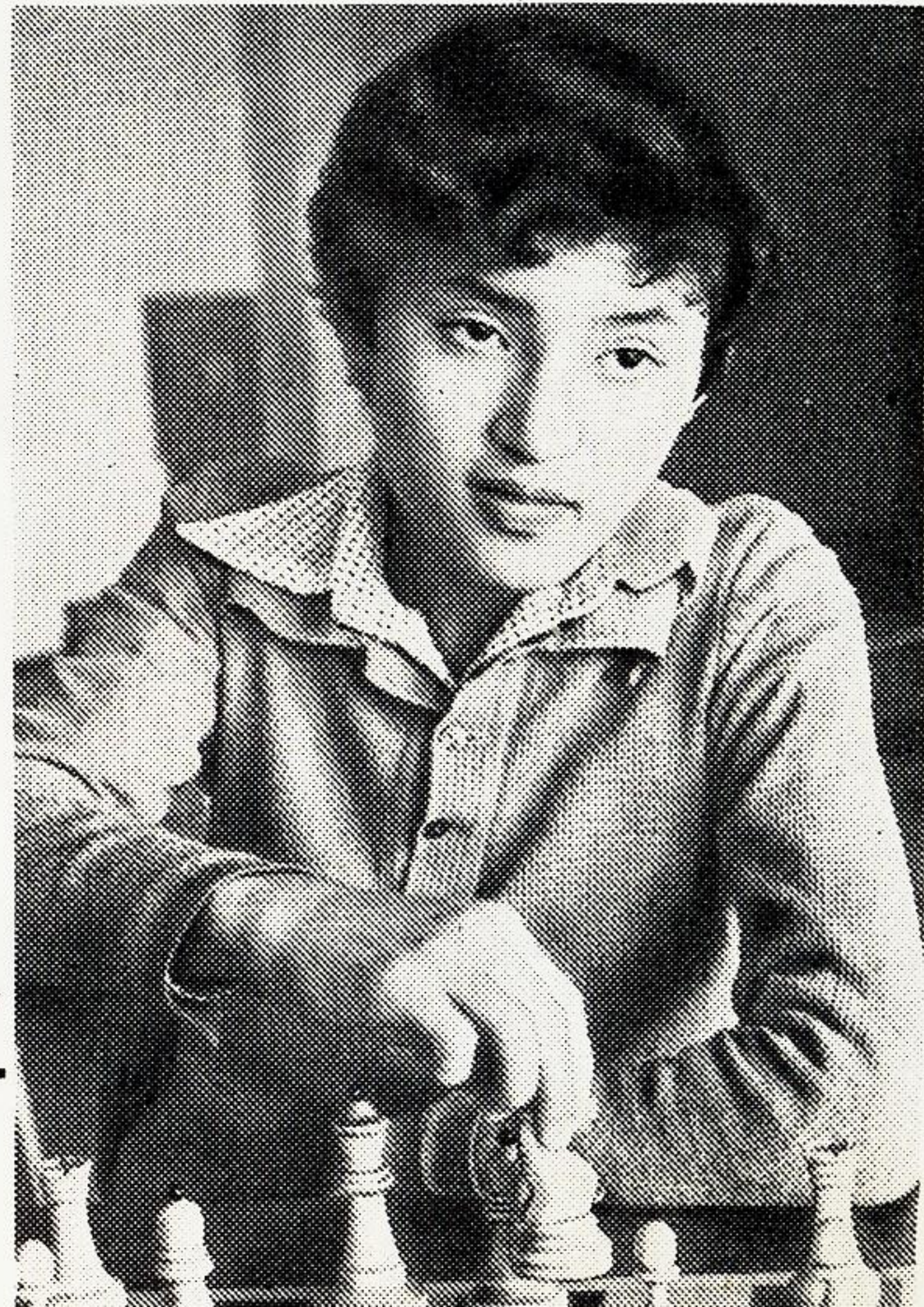
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ №№ 5 И 6

Трехходовка. 1. Кра6.

Первый этюд: 1. Kpf7 h5 2. Кре6 h4 3. Kpd5 h3 4. Kpc4 h2 5. Сb4 и т. д.

Второй этюд: 1. Лb3 Kpd2 2. Л:b6 c1Ф 3. Лb1 Ф:c3 4. Лb2+ Kpc1 5. Лb1+ Kpc2 6. Лc1+.

Таалайбек Иманалиев.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой

Капитан

Перо ищет помощника

КТО ЧТО ПОДАРИЛ?

Медведь позвал к себе гостей,
Лису, козу и кошку,
И в дар ему преподнесли
Горчичницу и ложку.

Он вновь позвал к себе гостей
Лису, козу и свинку,
И подарили в этот раз
Горчичницу и вилку.

Когда он в третий раз позвал
К себе лису и кошку,
То он в подарок получил
Всего одну лишь ложку.

Мне срочно нужен ваш совет
(На миг дела отбросьте)!
Хочу понять, какой предмет
Каким дарился гостем.

А также и другой вопрос
Не меньше интересен:
Скажите мне, подарок чей
Остался неизвестен.

Капитан Перо.

Примечание: разумеется, все три раза на столе среди подарков были горчичница, ложка и вилка. Каждый гость (кроме одного) всякий раз дарил медведю один и тот же предмет. Чтобы помочь вам, я составил эту таблицу. Посмотрите, кто какие предметы дарил.

Л.К.КШ. - Г.Л.
Л.К.С. - Г.В.
Л.КШ. - Л.

Филателистическая
выставка.
АВСТРАЛИЯ

Игры деда Буквоеда

14 РАКОВ

Рак — из сатина: шит,
 Рак — на Луну спешит,
 Рак — укусил верстак,
 В прошлом рак —
 Слуга, бедняк,
 Рак — долгожданный день,
 Рак — вспорхнул на пень,
 Рак — сторожил дворец,
 Рак — кисленький леденец,
 Рак — посильней слона,
 В этом каждая нить черна,
 Рак — в сумке твоей живет,
 Этот — ночью в окно ползет.
 Рак — круг для шоферских рук,
 Этот — множество закорюк.
 Ты мне свой напиши ответ.
 До свиданья! Всем привет!

Дед Буквоед.

Р А К

РАК

Р А К

РАК

РА К

Р А К

РА К

РА К

РАК

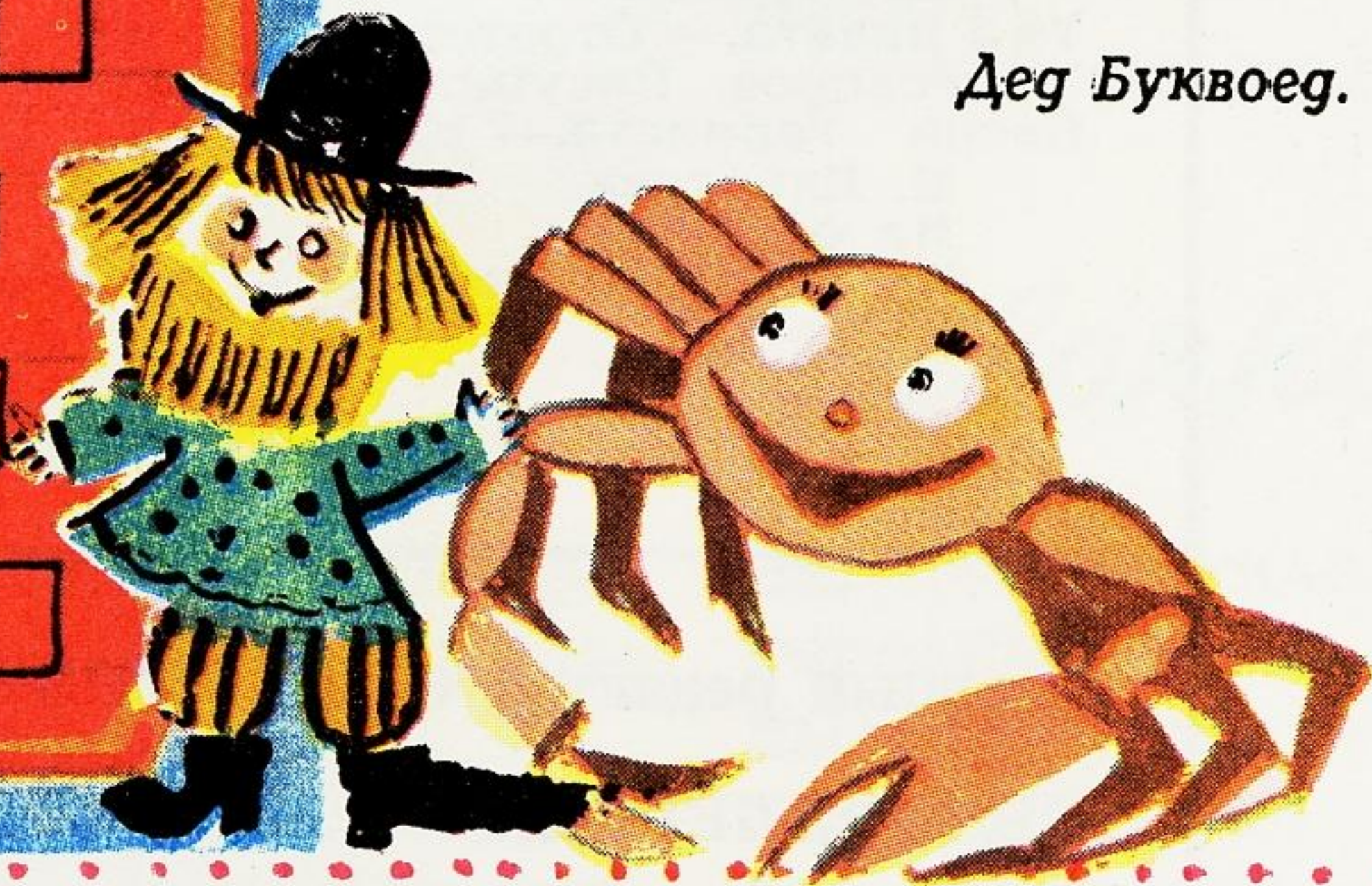
РАК

РА К

РАК

РА К

РАК

СКОЛЬКО
ВЕСИТ

акробат?

*****

Акробат и собачонка
Весят два пустых бочонка.

*****

Шустрый пес без акробата
Весит два мотка шпатага.

*****

А с одним мотком ягненок
Весит, видите, бочонок.

*****

Сколько весит акробат
В пересчете на ягнят?

Живживка.

ТРИ черных Лебедя

Игры Луны и
Пинцета

На одной филателистической выставке в Австралии победителям были предназначены две награды: за первое место — две марки с черным лебедем и памятная марка с белым, за второе — одна марка с черным лебедем и памятная с белым. Но случилось так, что три участника завоевали первое место. Как распределить награды?

Главный судья нашел оригинальный выход из положения. Он сказал победителям: «Я наклею на лоб каждому из вас по одной марке. Вы посмотрите друг на друга, и тот, кто первый догадается, какая марка у него на лбу, получит все пять марок».

Судья наклеил всем по черному лебедю, и один из победителей сказал: «У меня на лбу марка с черным лебедем!»

Подумайте и напишите нам, какие рассуждения привели его к правильному выводу.

Луна и Пинцет.

ОТВЕТЫ
НА ЗАДАЧИ
ИЗ № 9

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Раз! Два! Три! — фраза, задвижка, стриж, разиня, одуванчик, топорик, рассказ, дворняжка, турист, приказ, медведица, типография, динообраз.

Турнир Живживки. Места в турнире распределились так: Гир, Вик, Ди, Биби.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

В записке написано: «Да, ты годишься мне в помощники!»

Песня горниста

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА.

Слова Марка ЯКОВЛЕВА.

Там, где небо лазурное чисто,
Где журчащая речка быстра,
Разливается песня горниста,
Пионеров скликая с утра: «Тра, тра, тра...»
Если ждет нас на старт эстафета
Иль в поход отправляться пора,
Раздается мелодия эта —
Незатейлива и нехитра: «Тра, тра, тра...»

У костра мы усядемся тесно —
Песни звонкие петь мастера.
Только самую звонкую песню
Запевают горнист у костра: «Тра, тра, тра...»
Мы с мечтою живем по соседству,
В путь зовет нас горниста игра.
В день грядущий из светлого детства
Эту песню уносят ветра: «Тра, тра, тра...»

И, знакомый мотив напевая,
У Амура, Куры и Днестра,
Вторит горну труба боевая —
Пионерского горна сестра: «Тра, тра, тра...»
Там, где небо лазурное чисто,
Где журчащая речка быстра,
Разливается песня горниста,
Пионеров скликая с утра: «Тра, тра, тра...»

Подвижно, задорно

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Ильич Брежнев приветствует артековцев	1
Советский характер	
Покори свою высоту.— В. Снегирев. Фотография автора и В. Рахманова	2
Воля к победе.— И. Андреева. Рисунок Л. Хачатряна	5
Товарищ комсомол.— Стихи Я. Смелякова	9
У юности — столетия впереди.— Стихи Ф. Алиевой	9
Обращение делегатов II Всесоюзного слета тимуровцев ко всем тимуровцам страны	10
Боевой листок	11
Консул.— Главы из романа З. Воскресенской. Продолжение. Рисунки С. Трофимова	12
Ты, я, наш отряд	
Делу Ленина верны.— И. Голубева	28
Малая пионерская энциклопедия	30
После жатвы. Старая липа.— Стихи Р. Сарби. Рисунок В. Дудкина	32
Тебе, будущему исследователю «Вперед! Вперед на Марс!» — В. Пшеничнер	33
«Кораблик»	36
Кем стать, каким стать?	
В тайге за Алданом.— А. Масс. Рисунки Л. Хачатряна	38
Дружба на века.— Хельга Лабс	42
На просторах Родины	
Писателю-борцу.— Р. Островская	43
Телеграмма Буденного.— Из повести Е. Лесникова «Призыву по возрасту не подлежит». Рисунок М. Лисогорского	44
Гражданам XXI века	
Кривые зеркала.— Д. Ретуро. Записал С. Макеев	46
Что нам читать?	47
«С поклоном доброте человеческой».— В. Луцкий. Фотографии В. Чейшвили, А. Дехмуса	48
Ученые — твой главный труд	
Школа будущего... Какая она будет? — С. Гансовский. Рисунок Н. Марковой	50
Сами о себе	53
«Переменка»	54
Нюшка, дрессировщик и его ассистент.— Рассказ В. Радунского. Рисунки В. Дудкина	55
Что нашел геолог.— Стихи В. Орлова	57
А я вам не советую!	
«Куда вы живете?» — Л. Успенский. Рисунки А. Вовиковой	58
Зачем и почему?	60
В стране шаха — владыки черных и белых полей. М. Юдович	61
Ума палата.— Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой	62
Песня горниста.— Музыка Л. Печникова. Слова М. Яковлева	64
На обложке:	
На все руки мастера.— Рисунок Е. Шабельника.	

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), В. А. БЛИЗЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела коммунистического воспитания), Ю. М. ЧИЧКОВ.

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.

Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.

Макет Ю. Л. РОДИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1979.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.

Телефон 212-14-17.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27.07.79.

Подписано к печати 28.08.79. А 01105. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2273. Заказ № 1011.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Турнир по калебасу

Недавно завуч Ирина Антоновна сказала, что в нашем пятом «Б» не проводится никаких интересных мероприятий. Поэтому у нас отсутствуют спаянность и дружба.

На следующий день мы решили начать интересное мероприятие. А какое? Игорь Бычков предложил:

— Давайте проведем шахматный турнир и будем участвовать в нем всем классом.

— А я считаю, шахматный турнир проводить не надо! — вскочил со своего места Сашка Еланский. — Какая же из этого дружба получится, если кто-нибудь наберет очков больше меня? Я с таким человеком и разговаривать не стану.

Все сразу зашумели:

— Правильно!

— Надо, чтобы в этом интересном мероприятии у всех были одинаковые условия, — продолжал Сашка. — Я предлагаю провести турнир по калебасу.

— Это еще по какому такому калебасу?

— Игра есть у одной африканской народности, не помню точно, у какой. Называется — калебас.

— Правила игры знаешь?

— Не знаю.

— И мы не знаем.

— Это-то и хорошо, — обрадовался Еланский. — Значит, все в калебас одинаково играют. Мы сделаем так: каждый будет предлагать другому ничью, а партнер должен соглашаться. Поэтому все наберут поровну очков и будут довольны.

Договорились: как в

шахматах, за ничью каждому по пол-очка. Провели турнир. Каждый набрал по тринадцать с половиной очков.

Только Мишка Бузукин давал себе за ничью целое очко, как в хоккее, и набрал двадцать семь очков. Поэтому все перестали с ним разговаривать.

В рапорте мы написали: «Проведен турнир по калебасу».

Правда, потом выяснилось, что Сашка напутал — калебас это не игра, а выдолбленная сушеная тыква, которую африканцы используют как посуду, и нам этот пункт вычеркнули.

Теперь мы все с Сашкой Еланским не разговариваем: если бы он не ошибся, у нас был бы сейчас очень дружный класс.

Первопроходец

В конце последнего урока классная руководительница объявила:

— Сейчас, ребята, мы с вами пойдем на экскурсию. В музей истории нашего края, расположенный в крепости тринадцатого века. Пусть звеньевые соберут по десять копеек на билеты.

Когда звеньевой подошел к Сашке Еланскому, тот прищурился и сказал:

— Не дам я тебе десять копеек. Я и так пройду, без билета.

— Посмотрим, — хмыкнул звеньевой.

...Старая крепость стоит на вершине скалы, нависающей над морем. Поплевав на руки, Сашка начал подъем по отвесной стене.

С каждым метром ползти становилось все труднее и труднее: ноги соскальзыва-

ли, пот застилал глаза. На середине пути Сашка сел было передохнуть в орлином гнезде, но тут, как назло, вернулся домой орел, и мальчик еще шустрее рванул вверх...

— С этой стороны, ребята, крепость совершенно неприступна, — рассказывал тем временем экскурсовод ученикам пятого «Б». — Здесь даже не выставлялись сторожевые посты. Немало смельчаков пытались безрезультатно штурмовать крепость.

И вдруг над оградой показалась растрепанная Сашкина голова. Экскурсовод стоял к нему спиной, и Сашка незаметно пристроился к ребятам. Гид же продолжал свой рассказ:

—...Самые храбрые воины шли на риск ради победы, командование сулило

им большие награды. Однако все они падали и разбивались о подножие утеса.

Не только девочки, но и мальчики дрогнули в страхе, представив себе всю степень Сашкиного риска. Сам же Сашка бодро прошептал:

— Подумаешь, тоже — крепость...

— А теперь, ребята, — сказал экскурсовод, — мы сядем на катер и поедem осматривать арсенальный остров. Пусть звеньевые соберут по десять копеек на билет.

Когда звеньевой прошел мимо Сашки Еланского, тот дернул его за рукав.

— Ты почему с меня денег не берешь?

— Я думал, ты захочешь добраться до острова вплавь, — ответил звеньевой.

ВПЕРЕД, ТИМУРОВЦЫ!

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА.

Слова Алексея КУБАРЕВА.

За рядом ряд встает отряд.
Как пламя, галстуки горят.
Герои повести Гайдара
Зовут на подвиги ребят.

ПРИПЕВ: Вперед, тимуровцы!
Идем заре навстречу!
Мечты заветные
Вверяет нам страна.
Неутомимая в труде,
Расправив плечи,
Она в грядущие века
Устремлена.

В походных маршах до сих пор
Звенит гайдаровский задор...
И снова путь держать отрядам,
Лишь протрубят горнисты сбор.

ПРИПЕВ.

Шагая за отцами вслед,
Умножим славу прошлых лет!
А к песне, начатой Гайдаром,
Добавим мы и свой куплет.

ПРИПЕВ: Вперед, тимуровцы!
Идем заре навстречу!
Мечты заветные
Вверяет нам страна.
Неутомимая в труде,
Расправив плечи,
Она в грядущие века
Устремлена.

В характере праздничного марша

Музыкальная партитура песни «Вперед, тимуровцы!». Включает ноты для голоса и фортепиано. Текст песни и припева напечатан под соответствующими нотными строками.

